

Федеральная нотариальная палата

**Направления и перспективы
развития российского
законодательства о наследовании**
Материалы научно-практической конференции

Москва. 1 октября 2015 года

Москва
2015

УДК 347.65/.68(470)(082)
ББК 67.404.4я43
Н27

Серия «Библиотека "Нотариального вестника"»

Н27 Направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании. Материалы научно-практической конференции. Москва. 1 октября 2015 года. М.: Фонд развития правовой культуры, 2015. 168 с. (Серия «Библиотека "Нотариального вестника"»)

ISBN 978-5-903272-39-6

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции «Направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании» (Москва, 1 октября 2015 года), организованной совместно Федеральной нотариальной палатой и Всероссийским государственным университетом правосудия. Прозвучавшие в ходе конференции выступления касались широкого круга актуальных проблем российского наследственного права, а также перспектив развития отечественного законодательства о наследовании.

Сборник предназначен для нотариусов, других юристов-практиков, преподавателей, аспирантов, магистров учреждений высшего профессионального образования, а также широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами наследования.

УДК 347.65/.68(470)(082)
ББК 67.404.4я43

ISBN 978-5-903272-39-6

ISBN 978-5-903272-39-6

© Федеральная нотариальная палата, 2015
© Фонд развития правовой культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Смирнов Станислав Вячеславович АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА	8
Вавилычева Татьяна Юрьевна ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	21
Рассказова Наталия Юрьевна О СТРАТЕГИИ ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ РАБОТ В ОБЛАСТИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА	33
Радченко Илья Владимирович ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ	46
Щенникова Лариса Владимировна НОВЕЛЛЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА И ПЕРСПЕКТИВ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	50
Андреев Владимир Константинович МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НАСЛЕДСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ КАК ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ	55
Ништ Зинаида Львовна ПРОБЛЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЯ НОТАРИУСОМ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ	60

Потемкина Валентина Дмитриевна О МЕСТЕ НОТАРИАТА В ОФОРМЛЕНИИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ	73
Илюшина Марина Николаевна ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДОВАНИИ БИЗНЕСА: ПОТРЕБНОСТИ ОБОРОТА И РЕАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ	77
Долинская Владимира Владимировна ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ АКЦИЙ	85
Медведев Игорь Геннадьевич Гримальди Мишель О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В МИРЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ	95
Чефранова Елена Александровна К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О НАСЛЕДОВАНИИ	117
Чашкова Светлана Юрьевна О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЫДЕЛЕНИЯ СУПРУЖЕСКОЙ ДОЛИ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ	123
Шелютто Марина Львовна НАСЛЕДОВАНИЕ ДЕТЬМИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ, ЗАЧАТЫМИ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА	132
Борзенко Борис Алексеевич СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ	138
Булаевский Борис Александрович К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	142

Карлявин Иван Юрьевич О ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И КОНТРОЛЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОГОВОРОВ И ЗАВЕЩАНИЙ В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ И НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА.....	148
Смиренская Елена Витальевна ПРОБЛЕМЫ ФАКТИЧЕСКОГО ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА И ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ	158
Скуратова Ольга Олеговна О ТРУДНОСТЯХ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ РАЗЛИЧИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДОВАНИИ РОССИИ И УКРАИНЫ.....	166

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первого октября 2015 года в Москве состоялась научно-практическая конференция «Направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании». Организаторами конференции выступили Российский государственный университет правосудия и Федеральная нотариальная палата. В «Голубом зале» университета, где проходила конференция, свободных мест не было, что неудивительно, поскольку на обсуждение представительного форума были вынесены актуальные проблемы текущего состояния и перспектив развития отечественного наследственного права. Активное участие в конференции приняли представители судейского, научного и нотариального сообщества. Интерес к проблематике наследственного права не случаен и обусловлен внесенным на рассмотрение в Госдуму депутатом П.В. Крашенинниковым законопроектом, предусматривающим серьезное реформирование законодательства о наследовании.

В сборнике материалов конференции представлены тексты и тезисы выступлений ее участников по широкому кругу проблем российского наследственного права. Большое внимание уделено необходимости теоретического, концептуального обоснования вносимых предложений, направленных на совершенствование законодательства о наследовании.

Во многих выступлениях отмечалось, что на сегодняшний день накопилось немало сложных вопросов, затрудняющих практическое применение отдельных норм законодательства о наследовании. Так, например, существующее правовое регулирование доверительного управления наследственным имуществом не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. В своем нынешнем виде этот важный инструмент сохранения и управления наследственным имуществом, в первую очередь действующим бизнесом, не работает. Российскому законодательству известны особенности наследования отдельных видов имущества, сегодня ощущается потребность в расширении этого перечня, в частности, за счет

установления особенностей перехода по наследству долей участия в обществах с ограниченной ответственностью.

Президент Федеральной нотариальной палаты К.А. Корсик, подводя итоги мероприятия, выразил надежду на то, что состоявшееся в ходе конференции широкое обсуждение насущных вопросов правового регулирования отношений наследования способно придать общественной дискуссии конструктивность, помочь уйти от рассмотрения во многом надуманных предложений, сосредоточив совместные усилия на поисках оптимальных правовых конструкций, способных наилучшим образом урегулировать переход имущества в порядке наследования.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

С.В. Смирнов,
вице-президент Федеральной нотариальной палаты,
президент Московской областной нотариальной палаты,
нотариус нотариального округа г. Реутов Московской области,
заслуженный юрист Российской Федерации

І. Система наследственного права (раздел V части третьей ГК РФ). Сравнительный анализ с другими правовыми системами, динамика совершенствования в сравнении с частями первой и второй Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)

Систему отечественного наследственного права как отрасли российского законодательства можно определить как совокупность правовых норм, регулирующих правоотношения, связанные с переходом имущества, имущественных прав и обязанностей к наследникам после смерти наследодателя. Эта система объединяет нормативные документы различной юридической силы, связанные между собой общим содержанием и относимостью к наследственным правоотношениям.

Система базируется на ключевых элементах — принципах наследственного права — положениях, отражающих его сущность и содержание (например, принципе наследования как универсального правопреемства, принципе единства и неделимости наследства при его принятии (части и целого) и т.д.).

Сложившаяся сегодня система российского законодательства о наследовании включает в себя по иерархии:

1) федеральные законы:

а) раздел V части третьей ГК РФ (вступила в силу 1 марта 2002 года) является базовым федеральным законом в области наследования;

б) Основы законодательства Российской Федерации о нотариате 1993 года определяют порядок оформления нотариусами наследственных прав, охраны и управления наследством, удостоверения завещаний;

в) Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 года регламентирует процессуальные вопросы рассмотрения судами имущественных споров по делам о наследовании, дел об установлении юридических фактов (принятия наследства, установления принадлежности наследственного имущества, восстановления срока для принятия наследства) и т.д., а также заявлений на действия нотариусов (особое производство);

г) глава 25.3 Налогового кодекса Российской Федерации о государственной пошлине устанавливает размеры государственной пошлины, взыскиваемой за выдачу свидетельства о праве на наследство, правила и особенности взимания;

2) подзаконные нормативные правовые акты:

а) Минюста России, принимаемые в установленных законом случаях;

б) официальные разъяснения Минфина России (применяются при решении вопросов взимания нотариальных тарифов, оценки наследственного имущества), Минэкономразвития России — в части оформления прав на недвижимость и другие акты;

в) официальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, прежде всего в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики.

Следует особо подчеркнуть, что принципы российского законодательства о наследовании аналогичны принципам законодательства стран романо-германской правовой системы.

Страны англосаксонской системы права имеют иные особенности правового регулирования. Главной такой особенностью по сравнению со странами романо-германской системы права является то, что основным источником права в указанных государствах является не нормативный акт, а юридический прецедент. Поэтому абсолютное большинство правовых подходов в сфере наследования формируется не законодателем, а правоприменительными органами, в основном судами.

Наследственное право является, пожалуй, одной из самых сложных отраслей российского гражданского права, а надлежащее оформление наследственных прав — наиболее ответственным направлением работы нотариусов.

Наследственное право также следует охарактеризовать как наиболее консервативную отрасль законодательства, во многом заимствовавшую нормы еще советского наследственного права.

Изменения, вносимые в раздел V части третьей ГК РФ, очень чувствительны в правоприменительной практике. Именно поэтому по сравнению с частями первой и второй ГК РФ часть третья Кодекса подвергалась изменениям в наименьшей степени. Так, если за время действия Гражданского кодекса РФ в часть первую было внесено 80 поправок, в часть вторую — более 60, то в часть третью — лишь 13.

Консервативность и стабильность наследственного права подчеркивает и то обстоятельство, что его дальнейшее совершенствование практически не отражено в Концепции развития гражданского законодательства, одобренной Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.10.2009.

Это лишний раз подтверждает непреложную истину, что к реформированию наследственного права законодатель относится крайне осторожно, поскольку наследственное право регулирует наиболее чувствительную сферу человеческих отношений и любые революционные новшества здесь неприемлемы и могут быть очень болезненны для общества.

Если проанализировать поправки, внесенные в раздел V части третьей ГК РФ за все время его действия, то можно сделать вывод о том, что они не носят концептуального характера, в основном являются уточняющими либо терминологическими, а большинство из них — сопутствующими, производными от других федеральных законов.

В частности, в силу объективных изменений в экономической и социальной сферах дважды менялся размер средств, установленных для возмещения расходов на достойные похороны (ст. 1174 ГК РФ). Был расширен круг лиц, имеющих право удостоверения завещаний (ст. 1127 ГК РФ), уточнялись правила составления и удостоверения завещаний (изменения в ст. 1119, 1123 ГК РФ).

Поправками, носящими самостоятельный предметный характер, пожалуй, следует назвать федеральные законы, посвященные оформлению перехода выморочного имущества в собственность государства или муниципальных образований.

Сказанное свидетельствует о том, что сегодня нет острой необходимости в кардинальных законодательных преобразованиях

в сфере наследственных правоотношений. Следовательно, можно говорить о достаточности, исчерпывающем характере базовых институтов наследственного права.

II. Проблемные вопросы, возникающие в правоприменительной практике оформления наследственных прав. Недостатки действующего нормативного регулирования

Представляется важным обратить внимание прежде всего на вопросы правоприменения, в недостаточной степени урегулированные законодательством о наследовании.

Основные проблемы, возникающие в правоприменительной практике не только у нотариусов, но и у судов при рассмотрении дел о наследовании, можно условно разделить на две группы.

Первая группа — недостаточность правового регулирования некоторых институтов наследственного права.

Вторая группа — имеющиеся разночтения в законе (или проблема, возникающая на уровне толкования нормы права), терминологические неточности.

Следует сразу оговориться, что названные недостатки не носят критического характера, не требуют каких-либо принципиальных поправок и могут быть устранены путем текущей законотворческой работы.

С позиции практикующих нотариусов можно привести примеры отмеченных недостатков. Прежде всего это отсутствие необходимой законодательной регламентации определения состава наследства.

Первостепенной задачей нотариуса является проверка состава и места нахождения наследственного имущества. Такую проверку нотариусы проводят посредством истребования соответствующих доказательств. Как правило, это правоустанавливающие документы, закрепляющие титул собственности наследодателя на наследственное имущество (речь идет о недвижимости).

Следует отметить, что в законодательстве отсутствует понятие правоустанавливающих документов. Традиционно под ними понимаются документы, легшие в основу акта государственной регистрации права (договоры, свидетельства о праве на наследство и т.п.). Однако достаточно часто наследники покойного не могут предоставить данные документы, поэтому нотариусам приходится

отказывать в оформлении прав, а наследникам — обращаться в суд по, казалось бы, бесспорным вопросам.

Вместе с тем подвижки в этом направлении в законодательстве внушают оптимизм. По мере развития законодательства о государственной регистрации прав на недвижимость, внедрения в практику работы нотариусов и государственных регистраторов прогрессивных информационных технологий совершенствуется и порядок оформления наследственных прав.

В качестве иллюстрации: 12 октября 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 13.07.2015 № 259-ФЗ, которым Основы законодательства РФ о нотариате дополнены статьей 47.1, установившей для нотариусов запрет требовать от обратившихся лиц предоставления сведений, содержащихся в ЕГРП, или сведений, внесенных в государственный кадастр недвижимости.

Нотариус обязан будет самостоятельно определить состав наследства в виде недвижимого имущества путем электронного обращения к информационным ресурсам Росреестра. Наследники будут избавлены от обязанности хождения по инстанциям и поиска необходимых документов на бумажных носителях.

Реализация данных предписаний теперь лежит не в области права, а исключительно в сфере организации работы и в области технологий: в обеспечении доступа нотариусов к базам данных Росреестра, бесперебойной эксплуатации и надлежащего программного обеспечения системы взаимодействия.

Полагаю, что эта прорывная поправка должна поднять на новый уровень качество нотариальной помощи и значительно ускорить весь процесс оформления прав.

Со своей стороны нотариат страны организационно и технически давно готов к этой работе. Около пяти лет назад введена в эксплуатацию ЕИС нотариата, абонентами которой являются практически все нотариусы страны.

Говоря о проблеме определения состава наследственного имущества, необходимо обратить внимание на довольно застарелый вопрос об определении супружеской доли в случае смерти одного из супругов. На уровне закона этот вопрос до настоящего времени не нашел своего должного решения.

Так, статья 1150 ГК РФ устанавливает, что *«принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной соб-*

ственность». Одновременно статья 256 того же ГК РФ для целей определения этих долей содержит бланкетную норму — отсылает к семейному законодательству. Однако Семейный кодекс Российской Федерации не устанавливает каких-либо правил определения доли пережившего супруга и, соответственно, наследственной доли. Он регулирует лишь вопросы раздела общего имущества супругов при их жизни.

Поэтому в данной ситуации нотариусы руководствуются исключительно статьей 75 Основ законодательства РФ о нотариате, которая предусматривает выдачу нотариусом свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе по заявлению пережившего супруга. Но заявление — это всегда волевой акт, а в случае смерти одного из супругов можно вести речь исключительно о прекращении права общей совместной собственности супругов, то есть о преобразовании ее в равнодолевую.

Многолетние теоретические исследования и практические дискуссии по данной проблеме до сих пор не привели к законодательному решению.

Приведенный пример неудачного правового регулирования по такому, казалось бы, очевидному вопросу порождает затруднения в правоприменительной практике. В итоге в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» предлагается такое соломоново решение: переживший супруг может подать нотариусу как заявление о выделении супружеской доли, так и заявление об отсутствии у него таковой, хотя последнего вида заявления действующее законодательство не знает.

Представляется, что такое заявление об отсутствии супружеской доли является не чем иным, как завуалированным способом отказа от собственности. Причем такое волеизъявление может быть сделано не только по доброй воле, но и под влиянием заблуждения, давления и принуждения со стороны как других наследников, так и иных заинтересованных лиц, чего нотариус установить не может.

В этой связи напрашивается сравнение, когда в 2002 году подобная проблема с оформлением наследственных прав в случае смерти сособственника на приватизированные в совместную собственность жилые помещения была решена довольно просто. В Закон РФ от 4.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда» была внесена статья 3.1, согласно которой в случае смерти одно-

го из участников совместной собственности на жилое помещение определяются доли участников общей собственности на данное жилое помещение, в том числе доля умершего. При этом указанные доли в праве общей собственности на данное жилое помещение признаются равными. На мой взгляд, аналогичные изменения в ГК РФ, касающиеся супружеской совместной собственности, давно назрели.

В качестве примера неудачного правового регулирования можно привести также нормы ГК РФ, посвященные порядку охраны и управления наследством. Здесь имеют место разночтения между ГК РФ и Основами законодательства РФ о нотариате. В частности, статья 1171 ГК РФ устанавливает предельные сроки, в течение которых нотариус осуществляет меры по охране наследства и управлению им: не более чем в течение шести месяцев, а в случаях перехода права на принятие наследства (право отказа от наследства, наследственная трансмиссия) — не более чем в течение девяти месяцев со дня открытия наследства. Эта статья также предусматривает, что порядок охраны наследственного имущества и управления им определяется законодательством о нотариате.

Однако статья 68 Основ законодательства РФ о нотариате устанавливает, что охрана наследственного имущества продолжается **до принятия наследства** наследниками. Если исходить из того, что в силу статьи 1153 ГК РФ наследник считается принявшим наследство с момента подачи соответствующего заявления нотариусу, то обнаруживается явное противоречие указанных норм Кодекса и Основ. Получается, что наследник, подавший заявление о принятии наследства, уже не может обратиться с просьбой о принятии мер по охране наследства, так как в силу закона он считается принявшим наследство.

Конечно, нотариусы здесь руководствуются Гражданским кодексом РФ, поскольку вполне очевидно, что статья 68 Основ нуждается в корректировке и применяться не может.

Примеры несовершенства действующего правового регулирования можно было бы продолжить. Например, в ГК РФ недостаточно регламентируется процедура перехода в порядке наследования имущественных прав, а также интеллектуальной собственности.

Однако главное, на что хочется обратить особое внимание, — это тот факт, что российский нотариат длительное время не имеет своего специального закона, подробно регулирующего порядок

совершения нотариальных действий, прежде всего регламентацию действий нотариуса при оформлении наследственных прав.

Этот правовой вакуум давно стал заполняться самой нотариальной корпорацией посредством анализа и обобщения правоприменительной практики. Только на уровне Федеральной нотариальной палаты приняты методические рекомендации практически по всем направлениям работы нотариусов в области наследственных правоотношений.

А вот со стороны Минюста России в части порядка оформления наследственных прав издан только один приказ, от 15.03.2000 № 91, да и тот представляет собой Методические рекомендации по совершению отдельных видов нотариальных действий, которые, даже судя по их названию, не имеют нормативного характера.

Как это ни парадоксально, но ранее нотариусы имели полноценный нормативный инструментарий — инструкцию Минюста РСФСР от 6.01.1987 «О порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами». Она содержала подробнейшую регламентацию всех без исключения действий нотариуса — от составления завещаний до выдачи свидетельств о праве на наследство. Однако эта инструкция была признана утратившей силу в 1999 году, и с тех пор подобный полноценный нормативный документ такого уровня отсутствует.

III. Анализ законопроектов, имеющих целью внесение изменений в отдельные институты наследственного права.

Законопроект П.В. Крашенинникова № 801269-6

Сегодня наибольший общественный резонанс вызывает проект федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым.

По сути, предлагаются кардинальные изменения принципиальных положений наследственного права, что, несомненно, разрушает годами выработанные правовые подходы в среде как нотариусов, так и судейского корпуса. Предлагаемые серьезные законодательные инициативы, в корне меняющие порядок оформления наследственных прав, не базируются и на Концепции развития граждан-

ского законодательства Российской Федерации. Как следствие, велика вероятность правовой неопределенности при оформлении наследственных прав граждан.

Как известно, данный законопроект не нашел поддержки при обсуждении в Общественной палате, Совете при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, Федеральной нотариальной палате.

Появившаяся в прессе информация об одобрении законопроекта Правлением Ассоциации юристов России также не точна, поскольку на деле Правление АЮР ограничилось тем, что запросило мнение своих региональных отделений.

Необходимо обратить внимание, что, несмотря на серьезные критические замечания со стороны ученых и специалистов, продвижение данного законопроекта сопровождается активной пиар-кампанией, в том числе в федеральной прессе. Достаточно назвать последнюю публикацию в «Российской бизнес-газете» от 29 сентября 2015 года: *«Дело остается в семье. В России могут появиться трастовые фонды»*.

По существу законопроекта необходимо высказать следующие замечания.

Предлагаемая статьей 3 законопроекта революционная поправка, меняющая термин «наследство» на «наследование», означает выхолащивание имущественного содержания из всего процесса оформления наследственных прав, игнорирование самого **понятия наследства** как совокупности вещей, иного имущества, в том числе имущественных прав и обязанностей (ст. 1112 ГК РФ).

Такое терминологическое манипулирование означает ломку доктринального института наследства — универсального правопреемства прав собственности, имущественных прав и обязанностей. Подобного рода поправки не инициировались со времен советского гражданского права, не сопровождаются какими-либо научными и иными обоснованиями.

С точки зрения концептуальных подходов законопроект предлагает шаги по сближению отечественного гражданского права с англосаксонской правовой системой, хотя наследственное право России базируется на континентальной системе права.

Реализация положений законопроекта будет означать, что в компетенцию нотариусов будет входить только удостоверение факта открытия наследства и определение круга наследников, без исследования правовых вопросов содержания самого наследства

как имущества, имущественных прав и обязанностей. Судя по всему, данные вопросы в случае принятия закона **должны будут разрешаться судами**, как это происходит в странах, исповедующих англосаксонскую систему права.

Понятно, что отводимые законопроектом нотариусам простейшие удостоверяющие функции не позволят участникам наследственных правоотношений полностью реализовать свои права. За пределами полномочий нотариусов останется решение правовых вопросов и совершение процедур, прямо указанных в ГК РФ. Парализуется действие целого ряда норм ГК РФ; достаточно назвать следующие:

- статья 1115 «Место открытия наследства»;
- статья 1149 «Право на обязательную долю в наследстве»;
- статья 1165 «Раздел наследства по соглашению между наследниками»;
- статья 1122 «Доли наследников в завещанном имуществе»;
- статья 1175 «Ответственность наследников по долгам наследодателя».

При этом законопроект не предлагает каких-либо способов реализации названных норм, не дает и новой редакции указанных статей ГК РФ.

В этой связи весьма сомнительным представляется содержащееся в пояснительной записке к законопроекту утверждение о том, что предложенный подход к оформлению наследственных прав существенно упростит жизнь гражданам и существенным образом упрощает процедуры принятия наследства.

Как показывают исследования, результаты которых неоднократно публиковались, в том числе Федеральной нотариальной палатой, затраты в англосаксонской правовой системе, в частности в США, на содержание судов ввиду неразвитости системы нотариата превышают такие же затраты в континентальных европейских гражданско-правовых системах приблизительно в 3–7 раз¹.

В США, например, расходы общества на правовую помощь составляют 3% от совокупного общественного продукта, в то время как в государствах с развитой системой нотариата латинского типа — примерно 0,7–0,8%.

Статья 3 законопроекта о совместном завещании супругов и наследственном договоре представляет собой копирование норм, со-

¹ См.: Tort Cost Trend: An International perspective. Tillinghast, 1989.

держатся в праве некоторых западных стран. Так, в Англии и США возможны совместные завещания, причем не только супругов, но и других лиц. В то же время во Франции, как и в России, закон прямо запрещает совместные и взаимные завещания.

Представляется, что предлагаемые новеллы не только не актуальны для российского права, но и чужды ему, как и функционирующему в России нотариату латинского типа. Сегодня в наследственном праве России имеются все необходимые правовые инструменты для достижения целей, на которые ориентированы предлагаемые совместное завещание и наследственный договор.

Помимо этого существует масса иных правовых способов определения имущественных прав и обязанностей супругов. Это и брачный договор, и соглашение о разделе совместно нажитого имущества, и достаточно большое число гражданско-правовых сделок, которые могут быть совершены в процессе совместной жизни супругов.

Что касается наследственного договора, то он является громоздким аналогом имеющихся в ГК РФ правовых механизмов, посвященных реализации воли наследодателя. Для решения задач, на которые нацелен наследственный договор, сегодня в ГК РФ имеется достаточное количество норм: в частности, статья 1121 «Назначение и подназначение наследника», статья 1134 «Исполнитель завещания», статьи 1137, 1138 о завещательном отказе, статья 1139 «Завещательное возложение».

Нельзя обойти вниманием и новеллу законопроекта, посвященную учреждению гражданином фонда, в частности, положение о том, что **условия управления фондом не могут быть изменены после смерти гражданина**, являвшегося учредителем фонда (поправка к ст. 123.17 ГК РФ).

Смысл ее непонятен, так как упомянутая целеустановка не согласуется с нормами действующего гражданского, прежде всего наследственного, права.

Если речь идет о смерти гражданина — учредителя фонда, то данный запрет, безусловно, адресован наследникам покойного учредителя фонда. Из этого следует, что авторы проекта считают возможным переход в порядке наследования прав учредителя фонда. Однако российское гражданское право не предусматривает наследования какого-либо имущества или имущественных прав скончавшихся учредителей (участников, членов) некоммерческих организаций, созданных в любых организационно-правовых фор-

мах, в отличие от коммерческих организаций, где в случае смерти акционеров или участников иных хозяйственных обществ акции (доли, паи) переходят по наследству.

Что касается таких НКО, как фонды, то статьей 123.18 ГК РФ особо подчеркнуто, что учредители фонда **не имеют имущественных прав** в отношении созданного ими фонда и не отвечают по его обязательствам.

Законопроект предусматривает введение в Основы законодательства РФ о нотариате главы XI.1 «Нотариальные действия при наследовании». Однако сами нотариальные действия не называются, как не определяются и размеры нотариального тарифа. При этом в статью 35 Основ, содержащую перечень нотариальных действий, изменения не вносятся. Подобной конструкции законодательство о нотариате не знает.

Необходимо повториться, что изменения, вносимые в часть третью ГК РФ, очень чувствительны в правоприменительной практике.

Особое внимание следует обратить на то, что Пленум Верховного Суда РФ постановлением от 29.05.2012 № 9 подвел итоги более чем 10-летней работы нотариусов по оформлению наследственных прав граждан и судов при рассмотрении гражданских дел о наследовании и утвердил разъяснения по применению гражданского законодательства о регулировании наследственных отношений. В этой связи в правоприменительной сфере сегодня практически не осталось правовых вопросов, не могущих найти своего решения, и вряд ли имеется необходимость внесения предлагаемых кардинальных изменений в ГК РФ.

Поэтому следует согласиться с критическими замечаниями ряда ученых-цивилистов, высказанными в адрес законопроекта П.В. Крашенинникова.

IV. Пути комплексного совершенствования законодательства в области наследования с учетом необходимости

Подводя итог, хочется высказать пожелания от имени нотариусов-практиков, поделиться мыслями о том, в каком направлении нам видится процесс совершенствования законодательства о наследовании.

Думается, что в Концепции развития гражданского законодательства РФ не уделено достаточного внимания совершенствова-

нию наследственного права. Поэтому, на мой взгляд, очень важно, чтобы в Концепции были отражены конкретные шаги в этом направлении. Представляется важным определить пути совершенствования отдельных институтов наследования на базе серьезного анализа правоприменительной практики, как нотариальной, так и судебной.

Нет сомнений, что здесь революционные изменения недопустимы и раздел V «Наследственное право» ГК РФ не может подвергаться кардинальной правке. Тем более недопустимо, чтобы вносимые изменения способствовали внедрению в правоприменительную практику процедур, свойственных англосаксонской правовой системе.

Сегодня в Госдуме находится законопроект № 398234-6 «О нотариате и нотариальной деятельности», внесенный группой депутатов во главе с П.В. Крашенинниковым. Однако, по мнению многих экспертов, данный законопроект нуждается в серьезной корректировке, поэтому перспективы его принятия довольно туманны.

Этот законопроект внесен в Госдуму в декабре 2013 года и сегодня, безусловно, утратил свою актуальность, поскольку практически все предлагаемые им прогрессивные нововведения уже реализованы. За истекшее время законодательство, регулирующее деятельность нотариусов, развивалось достаточно динамично. В частности, Основы законодательства РФ о нотариате подвергались масштабным изменениям несколько раз. Достаточно назвать лишь последние Федеральные законы: № 379-ФЗ, № 475-ФЗ, № 67-ФЗ.

Следуя этой тенденции, вполне очевидно, что существует необходимость подготовить новый раздел в Основы законодательства РФ о нотариате, посвященный порядку оформления наследственных прав, не дожидаясь принятия депутатского законопроекта «О нотариате и нотариальной деятельности».

Сам же депутатский законопроект, по моему мнению, должен быть отозван в том же порядке, в каком был отозван аналогичный проект федерального закона № 293340-6 «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, Закон Российской Федерации “О залоге” и часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный в Госдуму также в 2013 году рядом депутатов (Д.Ф. Вяткиным, В.А. Поневежским, В.Н. Плигиным и др.), хотя данный проект был принят в первом чтении.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

**Т.Ю. Вавилычева,
судья Верховного Суда Российской Федерации**

Проблемы правового регулирования наследственных отношений в законодательстве находят непосредственное отражение в судебной практике, тем более что регулирование данных отношений не ограничивается только нормами части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). При разрешении наследственных споров применяются не только положения ГК РФ (общей и особенной частей), но и нормы иных отраслей права. Анализ судебной практики за 2014–2015 годы позволил выделить типовые ситуации, по которым Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ высказала свое суждение, определяющее тенденцию разрешения данной категории дел в суде.

Так, в 2014 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 12 590 068 дел, из которых 97 565 дел (0,8%) составляют наследственные споры, 625 дел (0,005%) — жалобы на нотариальные действия и на отказ от совершения нотариальных действий. По данным за шесть месяцев 2015 года, судами рассмотрено 46 731 дело, связанное с наследованием имущества (0,6% от общего количества дел за данный период), 317 жалоб на нотариальные действия. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что количество наследственных споров, поступающих в суды, сохраняет свою стабильность, а сами споры свидетельствуют о целом комплексе вопросов, возникающих в связи с правовым регулированием наследственных отношений.

Принятие наследства

Первое, что заслуживает внимания, — это рассмотрение дел об установлении факта принятия наследства. Статья 1153 ГК РФ позволяет устанавливать не только факт принятия, но и факт непринятия наследства, в связи с чем возникает вопрос о том, в какой процессуальной форме должно быть сделано гражданином заявление о непринятии наследства. На практике нередки споры по искам кредиторов о взыскании с наследников долгов наследодателя в порядке статьи 1175 ГК РФ, например по кредитным договорам, договорам займа, задолженности по коммунальным платежам. Довольно часто возникает ситуация, когда наследник фактически пользуется наследственным имуществом, но не обращается к нотариусу с заявлением о принятии наследства, а при предъявлении кредитором иска в процессе судебного разбирательства заявляет о том, что он наследство не принимал. Возникает вопрос: считать ли заявление наследника в процессе судебного разбирательства подтверждением факта непринятия наследства для того, чтобы констатировать, что на данное лицо не может быть возложена обязанность отвечать по долгам наследодателя? Полагаем, что в данном случае такое заявление может быть сделано только путем подачи заявления об установлении факта непринятия наследства, которое подлежит разрешению при рассмотрении конкретного спора с представлением этим лицом соответствующих доказательств, подтверждающих, что его действия не были направлены на принятие наследства, на что обращено внимание в пункте 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее — постановление № 9). В противном случае суд будет исходить из общих положений статьи 1153 ГК РФ, презюмирующих факт принятия наследства в том случае, когда гражданин пользуется наследственным имуществом, например, проживая в таком жилом помещении и неся расходы по его содержанию. Следовательно, если такой гражданин фактически принял наследство, он будет отвечать по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Говоря о стоимости указанного имущества, следует обратить внимание на часто встречающуюся ошибку в оценке этого имущества при определении объема ответственности наследников по долгам наследодателя. В таких случаях стоимость перешедшего

к наследникам имущества, пределами которой ограничена их ответственность, определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства вне зависимости от ее последующего изменения ко времени рассмотрения дела судом. В отличие от этого правила при разделе наследственного имущества его рыночная стоимость определяется на время рассмотрения дела в суде.

Определение состава наследственного имущества

Одной из проблем, часто встречающейся в наследственных спорах, является проблема, связанная с определением состава наследственного имущества.

Так, по одному из дел было установлено, что наследодателем на земельном участке, предоставленном ему на праве аренды, был возведен гараж. Однако к моменту смерти наследодателя право собственности на гараж в установленном порядке зарегистрировано не было, что и послужило основанием к отказу в иске о признании за наследником права собственности на данное имущество. При этом суд сослался на то, что гараж является самовольной постройкой, а наследодателем при жизни не принималось мер по легализации этой постройки, в том числе по получению разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

Отменяя решение суда, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что из системного толкования положений подпункта 2 пункта 1 статьи 40, пункта 1 статьи 41 Земельного кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 615, статьи 222 ГК РФ следует, что право собственности на самовольную постройку, возведенную лицом без необходимых разрешений на земельном участке, который предоставлен ему по договору аренды для строительства соответствующего объекта недвижимости, может быть признано, если такое строение создано без существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил и если его сохранение не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

По делу было установлено, что строительство гаража было осуществлено наследодателем на земельном участке, предоставленном специально для этих целей на основании договора аренды, был разработан и утвержден рабочий проект по строительству гаража, составлен архитектурно-строительный паспорт объекта,

имелось положительное заключение экспертной комиссии государственной экологической экспертизы. При таких обстоятельствах, а также с учетом положений пункта 2 статьи 617, статьи 1112 ГК РФ и разъяснений, изложенных в пункте 8 постановления № 9, пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», к наследодателю в порядке универсального правопреемства перешли и имущественные права по договору аренды, и право на спорный гараж (определение Верховного Суда РФ от 14.04.2015 № 32-КГ14-19).

Следующая проблема, возникающая в практике применения норм о составе наследственного имущества, — это переход к наследникам права на получение социальных выплат в связи с утратой жилья, принадлежащего наследодателю на праве собственности, в результате происшедших разного рода чрезвычайных ситуаций (например, пожара, наводнения и т.п.). В таких случаях необходимо обратить внимание на положения Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», согласно пункту «л» части 1 статьи 11 которого органы государственной власти субъектов РФ принимают решения об осуществлении единовременных денежных выплат гражданам РФ в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, включая определение случаев осуществления единовременных денежных выплат, а также круга лиц, которым указанные выплаты будут осуществлены.

По одному из дел было установлено, что постановлением правительства субъекта РФ, принятым в целях определения порядка возмещения ущерба гражданам, пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации, было определено, что право на получение мер поддержки имеют граждане РФ и (или) члены их семей, в отношении которых одновременно соблюдены следующие условия: в результате чрезвычайной ситуации утратили жилые помещения, находившиеся в собственности граждан, в соответствии с актом обследования жилого помещения межведомственной комиссии органа местного самоуправления и решением органа местного самоуправления о признании многоквартирного дома аварийным; постоянно проживали на день объявления чрезвычайной ситуа-

ции в утраченном жилом помещении, находящемся в населенных пунктах, на территории которых вводился режим чрезвычайной ситуации, и не имели другого жилья, пригодного для проживания.

По делу было установлено, что в результате природной катастрофы (наводнения) было утрачено имущество (жилой дом), принадлежащее на праве собственности матери и сыну. В соответствии с порядком выплаты компенсации за утраченное жилье, разработанным на уровне субъекта РФ, обращение за получением соответствующей компенсации носило заявительный характер. После подачи этого заявления с приложением соответствующих документов, подтверждающих право собственности лица на жилое помещение, выдавался сертификат, который, в свою очередь, подтверждал право лица на получение денежных средств в размере до 1 260 000 руб. Получив сертификат, гражданин должен был приобрести жилое помещение или заключить договор долевого участия в строительстве жилья. После подачи гражданином соответствующего заявления о перечислении денежных средств сумма в пределах определенного в сертификате лимита перечислялась продавцу по договору купли-продажи либо застройщику по договору долевого участия.

В данном случае мать и сын получили сертификаты на указанную сумму, а на следующий день мать умерла. Возник вопрос: может ли сын, являющийся наследником по закону после смерти матери, получить эти денежные средства?

Разрешая спор, суд пришел к выводу о том, что, поскольку само свидетельство (сертификат) было получено и сумма в нем обозначена, значит, указанное имущество не может считаться связанным непосредственно с личностью наследодателя, следовательно, подлежит включению в состав наследственного имущества в порядке статьи 1112 ГК РФ.

С такой позицией не согласилась Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, указав, что в соответствии с порядком предоставления мер социальной поддержки данные выплаты являются мерами социальной поддержки, адресованными гражданам, признанным пострадавшими в результате чрезвычайной ситуации, вызванной наводнением, и являющимся собственниками жилых помещений. Право на обращение за реализацией этих мер неразрывно связано с личностью гражданина при соблюдении условий, установленных данным нормативно-правовым актом. С заявлением о перечислении денежных средств продавцу по договору купли-продажи либо застройщику по до-

говору долевого участия наследодатель при жизни не обращалась и единовременная выплата фактически не предоставлялась. В силу статьи 1112 ГК РФ в состав наследства входят только то имущество и те имущественные права, которые принадлежали наследодателю на день открытия наследства. Возможность перехода в порядке наследования не реализованного наследодателем права на получение мер социальной поддержки, неразрывно связанных с личностью наследодателя, законом не предусмотрена (определение Верховного Суда РФ от 28.07.2015 № 58-КГ15-5).

Раздел наследственного имущества

Актуальна и проблема, связанная с разделом наследственного имущества. Если при разрешении споров между участниками общей долевой собственности подлежат применению положения статьи 252 ГК РФ, то при разделе наследственного имущества действуют положения статей 1164, 1168, 1169, 1170 ГК РФ о преимущественном праве наследника на получение в собственность наследственного имущества.

При разрешении таких споров важным является вопрос о предварительной компенсации другим наследникам при реализации одним из них преимущественного права. Может ли суд отказать в иске, если не представлены доказательства, подтверждающие возможность компенсации доли других наследников?

В силу положений статей 1168, 1170 ГК РФ, а также разъяснений, изложенных в пунктах 52, 54 постановления № 9, компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, возникающей в случае осуществления наследником преимущественного права, предоставляется остальным наследникам, которые не имеют указанного преимущественного права, независимо от их согласия на это, а также величины их доли и наличия интереса в использовании общего имущества, но до осуществления преимущественного права (если соглашением между наследниками не установлено иное). При этом суд вправе отказать в удовлетворении указанного преимущественного права, установив, что эта компенсация не является соразмерным возмещением наследственных долей остальных наследников, которые не имеют преимущественного права, или ее предоставление не является гарантированным.

Из положений статьи 133, пункта 4 статьи 252 ГК РФ следует, что наделение преимущественным правом одних наследников на

все наследственное имущество не должно вести к ущемлению прав и интересов других наследников. Это обуславливает обязательный предварительный характер предоставления соответствующей компенсации наследнику, не имеющему преимущественного права, которая, в частности, может быть внесена на банковский счет или на депозит суда до разрешения спора по существу (определение Верховного Суда РФ от 12.03.2013 № 5-КГ12-102).

Хотелось бы обратить внимание на то, что при разрешении такого рода споров суд при принятии решения должен не только разрешить вопрос о взыскании денежной компенсации, но и прекратить право собственности лица, за долю которого взыскивается соответствующая компенсация. В судебной практике имеют место случаи неправильного применения статьи 252 ГК РФ, в частности пункта 5, когда суд, взыскивая денежную компенсацию, не прекращает право собственности, ограничиваясь указанием на то, что с получением указанной компенсации лицо утрачивает право собственности, что приводит к дальнейшим спорам и возможному отчуждению доли, за которую уже взыскана денежная компенсация.

Оспаривание завещаний

Значительную часть таких споров составляют иски о признании недействительными завещаний по основанию, установленному статьей 177 ГК РФ. По данной категории дел основной вопрос связан с процессом доказывания факта того, что в момент составления завещания наследодатель не мог понимать значение своих действий и руководить ими. Поскольку данный вопрос требует специальных познаний в области психиатрии, суд обязан поставить на обсуждение сторон спора вопрос о назначении по делу экспертизы. Но, к сожалению, не всегда соблюдается данное правило. Имели место случаи, когда без обсуждения вопроса о назначении экспертизы суд принимал решение, основываясь только на свидетельских показаниях.

По одному из дел суд назначил такую экспертизу, которая была проведена и по заключению которой наследодатель при составлении завещания мог понимать значение и характер своих действий. Однако суд принял за основу свидетельские показания и признал завещание недействительным, не опровергнув при этом выводы экспертов, сославшись на то, что в данном случае заключение эксперта для суда необязательно и подлежит оценке наряду с другими

доказательствами по делу. При этом положения части 3 статьи 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судом соблюдены не были (определения Верховного Суда РФ от 12.05.2015 № 46-КГ15-5, от 2.12.2014 № 24-КГ14-7).

Интересным было дело, когда оспаривалось завещание по тому основанию, что подпись завещателя под текстом завещания выполнена не в форме графического знака. Суд на этом основании признал завещание недействительным, сославшись на государственный стандарт РФ ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов», хотя наследники не оспаривали, что фамилия и инициалы были выполнены самим наследодателем. Отменяя такое решение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на то, что закон не устанавливает критериев для подписи наследодателя в завещании, в том числе такого требования, что подпись наследодателя должна быть обязательно выполнена в виде графического знака. Нормы же государственного стандарта, которыми руководствовался суд, касаются порядка оформления официальных документов и не распространяются на порядок составления завещания (определение Верховного Суда РФ от 22.07.2014 № 18-КГ14-70).

Определение супружеской доли в наследственном имуществе

Вопросы наследственного права тесно связаны с семейными отношениями, и в первую очередь это касается определения супружеской доли. Положения статьи 1150 ГК РФ отсылают к статье 256 ГК РФ и статье 34 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ), которыми презюмируется, что имущество, приобретенное в браке, относится к совместно нажитому, за исключением случаев, связанных с заключением брачного договора.

В состав наследства, открывшегося со смертью наследодателя, состоявшего в браке, включается его имущество, а также его доля в имуществе супругов, нажитом ими во время брака, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства, если брачным договором не установлено иное.

При этом переживший супруг вправе подать заявление об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном во время брака. В этом случае все имущество входит в состав наследства (п. 33 постановления № 9).

В состав имущества, нажитого в период брака, может входить и имущество, находящееся за рубежом, в том числе имущество иностранных компаний, где один из супругов является их бенефициарным собственником, осуществляя фактическое владение имуществом, в связи с чем в силу статьи 34 СК РФ на данное имущество также распространяется режим совместной собственности супругов (определение Верховного Суда РФ от 7.07.2015 № 5-КГ15-34).

Брачный договор в наследственных правоотношениях

Заключаемый супругами брачный договор изменяет режим их имущества, что влияет и на наследственные правоотношения. Кроме того, как в период жизни супругов, так и после их смерти могут возникать вопросы о признании брачного договора недействительным. Брачный договор может быть оспорен как по общим правилам, которые установлены нормами ГК РФ о признании брачного договора недействительным (например, ст. 177, 176 ГК РФ), так и по специальным нормам СК РФ. Речь идет о положениях статей 42 и 44 СК РФ, то есть о тех случаях, когда условия данного брачного договора ставят одного из супругов в заведомо невыгодное положение. В практике имеют место две точки зрения относительно сроков исковой давности о признании брачного договора недействительным по основанию, указанному в статьях 42 и 44 СК РФ, а именно: исковая давность на данные правоотношения не распространяется, и исковая давность распространяется по аналогии с положениями статьи 181 ГК РФ.

Позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу следующая. В соответствии со статьей 9 СК РФ на требования, возникающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен настоящим Кодексом. Семейным кодексом РФ срок исковой давности для требований об оспаривании брачного договора не установлен. Однако по своей правовой природе брачный договор является разновидностью двусторонней сделки, но имеющей свою специфику, обусловленную основными началами (принципами семейного законодательства). Поскольку на требование

супруга по пункту 2 статьи 44 СК РФ о признании брачного договора недействительным Семейным кодексом РФ срок исковой давности не установлен, то к такому требованию супругов исходя из положений статьи 4 СК РФ в целях стабильности и правовой определенности гражданского оборота применяется срок исковой давности, предусмотренный статьей 181 ГК РФ по требованиям о признании сделки недействительной.

При этом срок исковой давности необходимо исчислять с того момента, когда началась реализация условий данного брачного договора¹.

К вопросу о сроках исковой давности хотелось бы добавить еще и то, что Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», в пункте 2 которого изложена позиция Верховного Суда РФ об исчислении сроков исковой давности в случае защиты прав несовершеннолетних, недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц. В случае нарушения прав физических лиц, не обладающих в полном объеме гражданской или гражданско-процессуальной дееспособностью, срок исковой давности по требованиям, связанным с такими нарушениями, начинается со дня, когда об обстоятельствах, указанных в пункте 1 статьи 200 ГК РФ, узнал или должен был узнать любой из их законных представителей, в том числе органы опеки и попечительства. Если законные представители недееспособных или ограниченных в дееспособности лиц, а также органы опеки и попечительства ненадлежащим образом исполняли свои обязанности, то тогда речь будет идти лишь об установлении срока, а не о его исчислении с момента, когда новому законному представителю стало известно о нарушении этих прав. Это принципиальный момент, который имеет значение в том числе и при разрешении вопросов, связанных с закреплением прав несовершеннолетних на наследственное имущество.

Наличие заключенного брачного договора имеет значение и в случаях, когда супруги в период брака приобретают имущество в определенных долях. Возникает вопрос: будет ли распространяться на каждую из этих долей режим совместно нажитого имущества или в такой ситуации при приобретении имущества в долях в период брака супруги уже достигли между собой соглашения,

¹ См. определение Верховного Суда РФ от 20.01.2015 № 5-КГ14-144.

определив тем самым доли в этом имуществе, поэтому каждый из супругов не вправе претендовать на долю другого супруга? В судебной практике по этому поводу встречаются две прямо противоположные точки зрения. В соответствии с одной из них независимо от того, в какой пропорции приобретались эти доли (равные или нет), все равно на каждую из этих долей будет распространяться режим совместно нажитого имущества. С другой точки зрения, когда супруги приобретали свое имущество в долях, они уже заранее определили долю каждого из них, поэтому данное имущество уже не может быть отнесено к категории совместно нажитого, а является личной собственностью того из супругов, на имя которого оно зарегистрировано. Полагаем, что в соответствии с нормами СК РФ брачный договор изменяет законный режим имущества супругов, поэтому если брачного договора нет, то независимо от того, каким образом супруги приобретали имущество, доли каждого из них попадают в категорию имущества, на которое распространяется режим совместно нажитого имущества.

Доверительное управление наследственным имуществом

В рамках настоящей темы хотелось бы рассмотреть еще вопрос, касающийся доверительного управления наследственным имуществом¹, когда в состав наследственного имущества входят доли в уставном капитале хозяйственных обществ и нотариус заключает договор доверительного управления наследственным имуществом. Так, например, по одному из дел об оспаривании договора доверительного управления было установлено, что после смерти наследодателя было заведено наследственное дело, а в числе наследников на тот момент были мать наследодателя и его несовершеннолетний ребенок. Но когда заключался договор доверительного управления наследственным имуществом, заявление о принятии наследства нотариусу было подано только матерью наследодателя. Однако уже было известно, что есть еще и несовершеннолетний ребенок, законный представитель которого также присутствовал в нотариальной конторе, когда решался вопрос о заключении договора доверительного управления. Вместе с тем договор доверительного управления наследственным имуществом был заключен на день

¹ См. определение Верховного Суда РФ от 7.07.2015 № 78-КГ15-7.

раньше, чем нотариус принял от законного представителя несовершеннолетнего наследника заявление о принятии наследства.

Впоследствии в этот договор были внесены изменения, которые касались срока его действия и размера вознаграждения доверительному управляющему. Но и на тот момент, когда уже законным представителем несовершеннолетнего наследника было подано заявление о принятии наследства, сведения о выгодоприобретателе (а это существенное условие договора доверительного управления) в этот договор не были включены, что и послужило одним из оснований для отмены принятых по делу судебных актов. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ было обращено внимание на ошибочность выводов суда, разрешавшего спор, о том, что статья 168 ГК РФ не предусматривает такого основания, как признание сделки недействительной в соответствии со статьей 10 ГК РФ. В определении Верховного Суда РФ от 7.07.2015 № 78-КГ15-7 дано толкование норм закона, связанных с доверительным управлением наследственным имуществом, и указаны те существенные условия, которые позволяют судить о заключении или незаключении данного договора, его действительности или недействительности.

Не меньший интерес представляет и вопрос о выплате вознаграждения доверительному управляющему в соответствии с указанным выше примером. Действовало постановление Правительства Российской Федерации, устанавливавшее предельные размеры этого вознаграждения, и в заключенном договоре доверительного управления было указано, что размер является предельным, то есть вроде бы это условие договора не противоречило закону. Однако в определении Верховного Суда РФ указано, что размер вознаграждения может быть и меньше предельного. Так как все это компенсируется за счет наследственного имущества, то затрагиваются права и выгодоприобретателя — несовершеннолетнего лица. Поэтому говорить о том, что установление размера предельного вознаграждения означает соблюдение всех требований закона, а также прав и интересов наследников в отношении наследственного имущества, в данном случае необоснованно. В этой связи хотелось бы обратить внимание и на мнение Верховного Суда РФ в отношении вопроса о необходимости привлечения органов опеки и попечительства к участию в деле заключения договора доверительного управления наследственным имуществом, то есть правоприменения положений статьи 37 ГК РФ.

О СТРАТЕГИИ ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ РАБОТ В ОБЛАСТИ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Н.Ю. Рассказова,
заведующая кафедрой гражданского права СПбГУ,
кандидат юридических наук

1. Целями совершенствования законодательства о наследовании, по нашему мнению, должны быть:

- 1) обеспечение действия принципа универсальности наследственного правопреемства;
- 2) создание возможностей для наиболее эффективного использования наследственного имущества;
- 3) уменьшение числа споров о наследстве.

Обратить внимание на последовательное проведение в законе принципа универсальности наследственного правопреемства необходимо по следующим причинам.

Во-первых, правовое регулирование наследования ряда объектов несовершенно, в силу чего практика сталкивается со множеством вопросов, на которые трудно найти однозначные ответы. Это относится в первую очередь к корпоративным правам, правам в отношении учреждений и правам на интеллектуальную собственность. Во-вторых, в оборот периодически включаются новые объекты, наследование которых в принципе не урегулировано. Сомнения по поводу того, как нужно регулировать соответствующие отношения, часто оборачиваются скороспелыми решениями, касающимися порядка наследования тех или иных объектов. Например, авторы проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)», направленного на экспертизу в Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Министерством экономического развития Российской Федерации (письмо от 4.08.2015 № 20724-НП/Д0би), предлагают внести в Фе-

деральный закон «Об акционерных обществах» новое положение, в соответствии с которым в случае смерти участника соглашения акционеров его права и обязанности из этого соглашения переходят к наследникам, если иное не предусмотрено акционерным соглашением. Это предложение иллюстрирует «недуг» современного правосознания, а именно представление о том, что общие правила об универсальном правопреемстве могут изменяться на основе частного волеизъявления, в данном случае — акционерного соглашения. Увы, речь идет о тенденции. Так, в проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» (далее — Проект), в июле 2015 года направленном на экспертизу в Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, находим такое предложение: дополнить статью 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) о завещании и включить в новую статью 1140.1 ГК РФ о наследственном договоре указание на то, что совместное завещание, как и наследственный договор, «определяет порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти». Порядок перехода прав по наследству определен законом (ст. 1110 ГК РФ): имущество переходит «в порядке универсального правопреемства». Частные соглашения по этому поводу неприемлемы ни с теоретической, ни с практической точек зрения.

То, что необходимо совершенствовать нормы, направленные на сохранение наследственного имущества, объясняется отнюдь не только защитой прав наследников. Эффективный режим управления наследственным имуществом — фактор увеличения богатства страны в целом. С этой точки зрения ничем не оправдано ограничительное толкование статьи 1158 ГК РФ, данное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Суд посчитал, что направленный отказ от наследства возможен только в пользу наследников, относящихся к призванной к наследованию очереди. Однако из закона следует, что направленный отказ допустим в пользу любой очереди: «Наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства (пункт 1 статьи 1119)...» (ст. 1158 ГК РФ). Сторон-

ники предложенного судом решения ссылаются на то, что очередность призвания к наследованию отражает предполагаемую волю наследодателя. Однако абсолютизация этой, как и любой другой, опровержимой презумпции опасна, тем более когда презумпция устанавливается в отношении воли лица, не способного более подтвердить ее. Очередность призвания к наследованию весьма условно отражает реальность. Направленный отказ наследника может не совпадать с предполагаемой волей наследодателя, но совпадать с его истинной волей, известной наследнику. И главное, возможность перераспределения наследства в рамках наследственного правоотношения позволяет рационально распределить это имущество между наследниками. Кстати, той же цели служит раздел наследства. Почему же отказ не может быть свободным, а раздел — может? Ограничительное толкование статьи 1158 ГК РФ необоснованно ограничивает права наследников и не отвечает цели эффективного управления наследственным имуществом.

Безусловно, нуждаются в совершенствовании нормы об охране наследственного имущества и управлении им. Дефекты регулирования мешают сохранить наследство, препятствовать уменьшению его ценности до момента, когда определится круг наследников и имущество будет им передано. На это обстоятельство справедливо обратили внимание авторы Проекта. Однако принять их предложения нельзя. Эти предложения не имеют под собой внятной концепции и не годны с юридико-технической точки зрения. Единственная новелла, которую следует поддержать, — правило о том, что в качестве исполнителя завещания может выступать юридическое лицо (сегодня душеприказчиками могут быть только граждане).

Вызывает возражения предложение дополнить статью 1135 ГК РФ пунктом 2, в силу которого завещатель вправе предусмотреть обязанность исполнителя завещания голосовать на собраниях корпоративных юридических лиц или коллегиальных органов управления таких юридических лиц таким образом, который указан в завещании. Поскольку речь идет об управлении имуществом, принадлежащим наследникам, на которых с момента открытия наследства лежит бремя его содержания и риск его случайных гибели или ухудшения, управление наследством (в том числе путем голосования и совершения тому подобных действий) должно осуществляться в интересах наследников.

Нельзя согласиться и с новеллой, предлагаемой для включения в ту же статью 1135 ГК РФ: «При совершении действий по охране и управлению наследственным имуществом исполнитель завещания выступает в качестве доверительного управляющего (статья 1173)». Такое решение отрицательно скажется на эффективности управления наследственным имуществом. Участвуя в этом процессе, душеприказчик и доверительный управляющий преследуют разные цели. Доверительный управляющий должен иметь профессиональные или иные специальные навыки, что не требуется от душеприказчика.

Предложения по изменению редакции статьи 1173 ГК РФ вызывают либо возражения по существу, либо вопросы о мотивах нововведений. Не ясно, зачем устанавливать обязательную оценку наследственного имущества при учреждении доверительного управления, если в силу положений статьи 1016 ГК РФ существенным условием договора доверительного управления является состав имущества, но не его стоимость?

Идея о том, что доверительное управление осуществляется до момента выдачи одному из наследников свидетельства, противоречит целям института управления наследственным имуществом. Оно осуществляется до момента определения круга наследников, после чего именно они как обладатели имущества должны принять на себя управление им. Что касается свидетельства, то его получение является правом, а не обязанностью наследников, в силу чего выдача свидетельства не может рассматриваться как юридический факт, прекращающий доверительное управление наследством.

Непонятно, почему выгодоприобретатель «в отношениях по доверительному управлению наследственным имуществом может быть назначен исключительно в случае, когда совершен завещательный отказ... В таком случае выгодоприобретателем назначается отказополучатель». Выгодоприобретателями по договору доверительного управления наследством являются наследники как лица, в чьих интересах учреждается управление (ст. 1012 ГК РФ).

Новелла о том, что «доверительный управляющий не вправе исполнять обязательства наследодателя за счет переданного ему в доверительное управление имущества», наталкивает на мысли о выводе наследства или его части из-под действия правил об ответственности наследников по долгам наследодателя (ст. 1175 ГК РФ). Или авторы проекта имеют в виду что-то иное?

Не ясно, почему «нотариус, осуществляющий полномочия учредителя доверительного управления, обязан контролировать исполнение доверительным управляющим своих обязанностей не реже чем один раз в два месяца». Чем плоха норма пункта 4 статьи 1020 ГК РФ?

Предложено продублировать правила о последствиях нарушения доверительным управляющим своих обязанностей, но при этом не упомянута его обязанность возместить убытки.

Без всякой надобности введено понятие «предполагаемый наследник».

Предложение заключать договор доверительного управления наследственным имуществом без указания срока его действия не отвечает целям учреждения доверительного управления наследством (см. выше), а норма об автоматическом продлении договора на пять лет при бездействии наследников может значительно затруднить выбор доверительного управляющего.

Проект наглядно демонстрирует, что непрофессионализм губит даже хорошие идеи.

Следующий вопрос, на котором следует сосредоточиться законодателю, — наследование объектов интеллектуальной собственности. Эти объекты все чаще входят в состав наследственного имущества, в то время как правовое регулирование перехода прав на них в порядке универсального правопреемства содержит много пробелов и противоречий. Но самой главной проблемой является, конечно, наследование предприятий на ходу, или, как принято говорить сегодня, наследование бизнеса. Наследники не обязаны поддерживать созданные наследодателем предприятия. Часто они просто «убивают» их, не будучи заинтересованы в управлении производством. Между тем ценность таких предприятий не исчерпывается денежной суммой, которую можно выручить от их продажи или «распродажи». Это рабочие места, это социальная инфраструктура. Для населенных пунктов такие предприятия могут быть градообразующими. Убив дело, созданное наследодателем, наследники убивают город, в котором это дело процветало. Представляется, что предложенные в Проекте инструменты — совместное завещание и наследственный договор — не способны решить задачу. Боюсь, что нужно думать об элементах траста. Конечно, речь не идет о переносе на нашу почву траста как такового. Но некоторые идеи, положенные в его основу, в частности обособление фигуры, подобной бенефициарному собственнику, могут быть приемлемы.

Евросоюз попытался вписать траст в контекст европейского частного права. Чтобы увидеть как, а заодно и понять, что называется, из первых уст, что же такое этот легендарный траст, полезно изучить десятую книгу произведения, имеющего сложное название: «Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR)» («Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной схемы (DCFR)»). Термин «произведение» точно характеризует этот документ, созданный усилиями представителей академических кругов государств — участников Евросоюза в рамках проекта, направленного на унификацию европейского частного права. DCFR содержит нормы, рекомендуемые законодателям в качестве образцов правового регулирования. Траст определяется в статье 1:201 книги X DCFR как «правовое отношение, в котором доверительный собственник обязуется управлять или распоряжаться одним или более активами (трастовым фондом) в соответствии с условиями соглашения (условиями траста) в интересах выгодоприобретателя или для достижения общественно полезных целей». В книгу X DCFR включено множество норм, касающихся учреждения траста на случай смерти. В любом случае с этим документом необходимо ознакомиться тем, кто будет предлагать законодателю нормы, регулирующие наследование бизнеса.

Обращаясь к цели уменьшить число споров о наследстве, нет необходимости ставить особые стратегические задачи. Уменьшение нагрузки на судебную систему за счет совершенствования законодательства — рутинная цель законодателя. Общее пожелание составителям законопроектов: ориентироваться на современный оборот, отказаться от положений, которые были уместны в прошлом, но не сегодня. В частности, отказаться от завещания в форме завещательного распоряжения, составляемого в простой письменной форме (ст. 1128 ГК РФ).

Правила о завещательных распоряжениях, как хорошо известно, повторяют старые нормы, которые в советское время имели ясный смысл: распоряжение вкладом (в те времена — только вкладом в Сберкассе) позволяло исключить денежные средства из наследственной массы. Это правило имело целью привлечь частные сбережения в государственную банковскую систему. Сегодня эта цель отпала. Соображения, по которым пункт б статьи 1130 включен в текст ГК РФ, иные: такие распоряжения привычны для граждан, они бесплатны, быстро совершаются,

а потому востребованы. Но такие распоряжения являются рудиментом прошлого с его мелкими вкладами в Сберкассе. Сегодня на счетах гражданина в банке могут находиться огромные суммы. Деньги сами по себе — вечный источник конфликтов. А завещательное распоряжение, составленное в простой письменной форме, увеличивает риск споров. Что уж говорить о возможности отмены завещательным распоряжением завещания, удостоверенного нотариально. А ведь именно такое, противоречащее буквальному тексту и смыслу статьи 1130 ГК РФ толкование дал Пленум Верховного Суда РФ в пункте 23 упомянутого выше постановления № 9. Признав приоритет завещательных распоряжений над нотариально удостоверенными завещаниями, мы должны быть готовы к увеличению числа наследственных споров.

2. Процедура законопроектных работ в области наследственного права должна подчиняться общим правилам, без учета которых невозможно создать эффективно действующее законодательство.

Любое изменение закона, подобно хирургической операции, должно оправдываться «жизненной необходимостью». Если практика справилась с проблемой — не нужно трогать закон, так как новая формулировка в контексте закона может проявить себя не так, как того ожидали составители законопроекта.

Но если изменения нужны, формулированию новых норм должна предшествовать полноценная дискуссия. Полноценной она будет, во-первых, только в том случае, если ее участники будут следовать правилам аргументации и, во-вторых, если к обсуждению будет привлечено юридическое сообщество.

Что такое полноценная дискуссия? Это дискуссия, каждый участник которой «делает» два шага: доказав, что его оппонент не прав, он должен доказать, почему правильны его собственные аргументы. Как часто участники дискуссии делают только один шаг: либо «ты не прав», либо «я прав». Такой спор в конечном счете сводится к банальному «сам дурак».

Рассмотрим в качестве примера спор по поводу включенного в Проект предложения заменить пообъектные свидетельства о наследстве на так называемые абстрактные, в которых указываются только наследник и причитающаяся ему доля наследства. Аргументы, которые были высказаны защитниками Проекта

на нулевых чтениях в Общественной палате весной этого года, таковы.

«Новый подход к оформлению наследственных прав существенно упростит жизнь гражданам, которые в настоящее время вынуждены своими силами разыскивать затребованные нотариусом доказательства». Аргумент надуман. В силу действующего законодательства нотариус может заменить наследника в получении практически всех документов (см. ст. 7 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», ст. 15 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате и другие нормативные акты). У наследников есть выбор — собирать документы, подтверждающие принадлежность имущества наследодателю, самостоятельно или обратиться за помощью к нотариусу.

«Это будет дешевле для наследников». Аргумент не обоснован. Вопрос об определении состава наследства и принадлежности наследственного имущества все равно будет решаться. Вопрос — кем? Сегодня нотариус консультирует наследников по всем вопросам, возникающим в связи с приобретением ими прав на конкретные объекты, что является действенным средством устранения судебных споров. Как только нотариус будет отстранен от определения состава наследства, его место займут иные консультанты, в том числе некомпетентные (как это произошло после отмены обязательной нотариальной формы сделок с недвижимостью: на место нотариуса встали неквалифицированные посредники, так называемые риелторы). А если компетентные — это будут адвокаты. Их услуги, тем более когда дело дойдет до судебного спора, обойдутся гражданам дороже, чем уплата нотариального тарифа. Предлагаемая в Проекте новелла обойдется дорого не только наследникам, но и обществу в целом.

«Такие свидетельства выдают в Германии». Аргумент является примером софистического рассуждения. Что из того, если так в Германии? Там иное состояние имущественных отношений, иная культурная среда. Если там годится такой подход, это совершенно не означает, что он даст у нас добрые всходы.

Противники предлагаемой новеллы, к которым относит себя и автор, высказали ряд аргументов в пользу сохранения действующего порядка. Вот основные аргументы.

Как известно, закрепленный в законе (см. ст. 8.1 ГК РФ) принцип публичной достоверности реестра на практике не соблюдается в отношении:

- 1) имущества, приобретенного до вступления в силу закона о регистрации прав на недвижимость;
- 2) супружеского имущества;
- 3) имущества, приобретаемого членами потребительских кооперативов в результате выплаты паевого взноса;
- 4) унаследованной недвижимости.

Именно при оформлении наследственных прав появляется возможность установить принадлежность недвижимости соответствующим лицам и привести реестр в соответствие с истинным состоянием прав, что имеет огромное значение для поддержания стабильности оборота и защиты его добросовестных участников.

Установление состава наследства позволяет выявить входящие в него объекты, ограниченные в обороте; объекты, которые не могут принадлежать лицу и должны быть им отчуждены; объекты налогообложения и личности налогоплательщиков (нотариус передает соответствующую информацию в налоговые органы). Таким образом, сохранение существующей формы свидетельств о наследстве способствует достижению публично-правовых целей.

Отстранение нотариуса от выявления объектов, переходящих по наследству, значительно снизит гарантии возмещения убытков, которые могут быть причинены ошибками при определении принадлежности имущества тому или иному лицу. Вред, причиненный при осуществлении нотариальной деятельности, возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, в случае недостаточности этого страхового возмещения — за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенному нотариальной палатой, в случае недостаточности последнего — за счет личного имущества нотариуса, а в случае недостаточности его имущества — за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты (ст. 18 Основ законодательства РФ о нотариате). Ни регистратор, ни адвокатское либо иное профессиональное сообщество не предоставляют такие гарантии.

Во многих случаях установление состава наследства на стадии оформления наследственных прав необходимо для защиты прав самих наследников и третьих лиц: при решении вопроса о том,

принимать или нет наследство; при выделении доли пережившего супруга; при определении права наследника на обязательную долю в наследстве; при применении льготы по уплате нотариального тарифа в отношении отдельных объектов, для которых такие льготы установлены; при принятии мер по охране наследства (опись и т.д.), а тем более учреждении доверительного управления им; при переходе прав на выморочное имущество (в этом случае необходимо определить состав наследства, чтобы установить, какое публично-правовое образование приобретает права на имущество). Выявление состава наследства и его стоимости необходимо при разделе наследства (в связи с этим особое внимание следует обратить на п. 2 ст. 1165 ГК РФ: «Соглашение о разделе наследства, в состав которого входит недвижимое имущество, в том числе соглашение о выделении из наследства доли одного или нескольких наследников, может быть заключено наследниками после выдачи им свидетельства о праве на наследство»).

Ни один из приведенных в пользу сохранения существующего порядка аргументов не был оспорен авторами законопроекта. А значит, целесообразность введения пообъектных свидетельств о праве на наследство не доказана. Нельзя не отметить и то, что предложение перейти к неким абстрактным свидетельствам не обосновано доктринально. Нет ответа на простой вопрос: зачем столь радикально пересматривать традиционный для России подход?

Последствием введения предлагаемой новеллы явится отнюдь не облегчение положения граждан и не устранение необходимости юридически грамотно определять принадлежность имущества, а перенос этой функции на адвокатуру и суды. Первое дорого для большинства граждан. Второе дорого и для общества в целом.

Законодательство о наследовании касается всех граждан. К нему неизбежно будут обращаться тысячи людей, не обладающих правовыми знаниями. Поэтому в данном случае законопроектные работы должны проводиться особо тщательно и сопровождаться детальной проверкой того, как новые правила будут применяться в связи с другими нормами закона.

Примером того, как нельзя вносить изменения в законодательство, являются положения Проекта о совместных завещаниях и наследственном договоре. Сама по себе идея расширить возможности по распоряжению имуществом на случай смерти достойна

внимания. Но в каком неприглядном с профессиональной точки зрения виде она предстает на страницах Проекта!

Появлению в обороте абсолютно новых инструментов, да еще затрагивающих интересы миллионов граждан, должна предшествовать как минимум разработка концепции. Кроме того, новые нормы должны быть согласованы не только с массивом действующих норм наследственного права, но и с общими положениями о сделках и договорах. Об этом, как и о подготовке концепции, авторы Проекта не позаботились.

Так, в связи с предложением допустить совместные завещания авторы проекта предлагают исключить из текста статьи 1118 ГК РФ указание на то, что завещание является односторонней сделкой. Следуя логике статьи 154 ГК РФ, придется признать: поскольку совместное завещание не односторонняя сделка, оно есть договор. Но это принципиально неверно. Доктрина, а также опыт стран, в которых такое завещание существует, указывают, что совместное завещание не является договором и не связывает его участников какими-либо обязательствами. Совместное завещание приходится признать соединением в одном акте двух односторонних волеизъявлений.

В Проекте нет ответов на следующие вопросы, которые неизбежно смутят практику.

По совместному завещанию: в чем заключается его «совместность»? Видимо, во взаимозависимости распоряжений завещателей. Как отмена или недействительность распоряжений одного из них будет влиять на распоряжения другого? Может ли совместное завещание включать и независимые друг от друга распоряжения? Могут ли отдельные распоряжения, включенные в совместное завещание, утрачивать силу с сохранением совместного завещания как единой сделки? Или сама природа совместного завещания предполагает, что утрата силы любым распоряжением должна вести к прекращению существования совместного завещания? Должно ли такое завещание совершаться путем составления единого документа, подписанного сторонами, либо возможно составление отдельных завещаний, из содержания которых следует, что эти документы нужно расценивать как совместное завещание? Возможно ли составление совместного завещания в чрезвычайных обстоятельствах? Каково соотношение совместного завещания с брачным договором? Нужно ли ограничить его содержание определенными видами распоряжений (например, по Германскому

Гражданскому Уложению к таким распоряжениям относятся только назначение наследника, легат и возложение) либо в нем могут быть любые распоряжения, включаемые в обычное завещание?

По наследственному договору: в чем должна заключаться обязывающая сила такого договора? Допустимо ли в интересах будущего наследника ограничить будущего наследодателя в праве распорядиться своим имуществом? Вправе ли будущий наследник освободиться от исполнения обязанностей после открытия наследства, отказавшись от него? Может ли наследственный договор быть возмездным?

До получения научно обоснованных ответов на поставленные выше и иные, имеющие принципиальное значение, вопросы вводить в отечественное право совместное завещание и наследственный договор недопустимо.

Более того, видимо, пришло время прекратить точечные изменения законодательства о наследовании и приступить к модернизации раздела V ГК РФ в целом. Внесение в закон отдельных новелл, тем более оформленных на столь низком, как в Проекте, юридико-техническом уровне, приведет к рассогласованности норм, появлению в законе пробелов, противоречий и, как следствие, смущению практики.

Для подготовки сначала концепции модернизации наследственного права, а затем текста проекта закона должна быть создана рабочая группа. В нее следует включить ученых, занимающихся наследственным правом. Только в этом случае мы избавим закон от неграмотных вкраплений и подобных тем, которые встречаются в Проекте. Например, его авторы предлагают отказаться от выражения «свидетельство о праве на наследство», заменив его выражением «свидетельство о праве наследования». Ни один грамотный юрист не поддержит это предложение. Общеизвестно, что в момент открытия наследства у каждого из наследников, призванных к наследованию, возникает право наследования или, что то же самое, право на принятие наследства (см. п. 2 ст. 1154 и др. ГК РФ). Если наследник реализует это право (п. 1 ст. 1152, п. 1 ст. 1157 ГК РФ), то есть примет наследство, у него появится право на наследство. Очевидно, что свидетельство, выдаваемое нотариусом, должно подтверждать не право наследования (тогда его пришлось бы выдавать призванным к наследованию наследникам), а право на наследство.

Изменить терминологию ГК РФ, по мнению авторов Проекта, необходимо потому, что в Конституции РФ упоминается право наследования. Это верно, как верно и то, что в Конституции РФ термин употреблен в правильном смысле: имеется в виду именно право наследования, то есть право наследовать имущество. Включение этого положения в Конституцию РФ имеет историческое объяснение. После Октябрьской революции право наследования как противоречащее коммунистическим идеям было отменено декретом ВЦИК от 27.04.1918. Жизнь показала, что ограничение права наследования, не говоря о его отмене, неэффективно. Во избежание рецидивов в Конституцию РФ и была включена гарантия права наследования.

Всем известно, как создается новое в промышленности. Сначала над проектом работает научно-исследовательский институт. Затем проект передается технологам — людям, которые приспособливают идеи ученых к реальным условиям производства. И только после этого начинается само производство. Новый закон должен создаваться по той же, проверенной временем схеме. Рабочая группа готовит научно обоснованную концепцию. Ее анализируют практики (судьи, нотариусы и т.д.). Организуется дискуссия, в процессе которой концепция дорабатывается. На основе окончательного варианта концепции рабочая группа готовит проект текста закона. Его анализируют практики. И после широкого (!) обсуждения юридической общественностью он дорабатывается. Следуя этой схеме, мы с большой долей вероятности получим качественный текст раздела V ГК РФ, отвечающий потребностям современного российского оборота.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

**И.В. Радченко,
нотариус г. Москвы**

Подотрасль наследственного права в гражданском праве является одной из наиболее стабильных в правовой системе России. Пережив реформу (к слову, не носившую кардинального характера) с принятием части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), правовое регулирование наследования с тех пор не подвергалось существенным изменениям.

В настоящее время все чаще стали звучать голоса о необходимости существенного изменения правового регулирования наследования в России в рамках так называемого законопроекта депутата П.В. Крашенинникова. В первую очередь я бы выделил три предложения:

- 1) введение совместного завещания супругов;
- 2) введение наследственного договора;
- 3) замена свидетельства о праве на наследство на конкретное имущество свидетельством о праве наследования на абстрактные доли в наследственном имуществе.

Поговорим сначала о совместном завещании и наследственном договоре. Эти предложения в целом представляют собой попытку заимствования сходных правовых норм из права ряда зарубежных стран (Германии, Украины, США и др.), что подразумевает их некоторую практическую отработанность. Однако они получили справедливую критику за целый ряд недочетов.

Во-первых, указывается, что сама предлагаемая имплементация норм в наследственное право России юридически произведена недостаточно качественно: не учитывает специфики отечественного наследственного права, не стыкуется с другими нормами раздела V ГК РФ, не включает в себя те нормы вспомогательного характера, которые выработаны правовыми системами, воспринявшими идеи совместного завещания и наследственного договора (в частности,

возможность отказа от наследства по совместному завещанию одним из супругов, чтобы освободиться от бремени совместного завещания, и др.).

Во-вторых, и это, пожалуй, самое важное, необходимость и особенно полезность подобного рода изменений совершенно не очевидна. Имеется ли действительный общественный запрос на введение данных институтов и будут ли они явно востребованы? Вспомним, как закрытое завещание, введенное также по образцу и подобию принятых в некоторых странах моделей, обернулось на практике, в общем-то, пустышкой. Единицы таких завещаний, совершаемых в России, либо связаны с необъяснимым недоверием к нотариусу, либо с очевидной для самого завещателя незаконностью его распоряжений, что на практике создает только сложно-разрешимые проблемы. В случае совместного завещания супругов и наследственного договора, возможно, потребность в них и будет более высокой, однако пойдет ли это на пользу обществу — вопрос совершенно не ясный. Уже упоминалось о том, что даже в странах, где такие завещания существуют длительное время, они порождают немало проблем, в частности, носят кабальный характер для пережившего супруга.

Еще более опасным является предложение о замене свидетельства о праве на наследство свидетельством о праве наследования, которое приведет к фактическому подрыву целого ряда важнейших прав граждан: права на долю в общей собственности супругов, права на обязательную долю в наследственном имуществе, права на информацию (для принятия решения о принятии наследства либо об отказе от него) и др. Помимо этого, нельзя не заметить, что данное предложение приведет к ликвидации нотариата на селе (поскольку на сегодняшний день оформление наследственных прав является основным источником дохода сельского нотариуса), а взамен резко возрастет нагрузка на судебные органы вследствие многочисленных споров о выявлении и разделе наследственного имущества, супружеских и обязательных долей и др.

Прежде чем вносить любые радикальные изменения в существующую систему наследования, следовало бы тщательно обсудить сами предлагаемые идеи: их востребованность, отсутствие в них явных проблем и недочетов. Затем на основе результатов обсуждения сформировать концепцию нового наследственного права, которая должна быть обсуждена и проанализирована учеными с замечаниями практиков. И уже после этого приступать к изло-

жению раздела V ГК РФ в новой редакции (вместо избранного авторами законопроекта подхода создания «заплаток»). Такой основательный подход к законотворчеству в данном случае диктуется радикальным характером предложенных поправок.

Между тем, в то время как авторами законопроекта предложены сомнительные и не лучшим образом сформулированные идеи, наследственное право России на деле нуждается в значительных, хотя и не кардинальных, изменениях. Тринадцать лет работы по новому ГК РФ показали, что имеется целый ряд проблемных, болевых точек в законодательстве, которые лишь частично могут быть восполнены толкованием права судом.

Всем памятно постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», которое дало целый ряд важнейших толкований вопросов наследственного права. При всех его достоинствах надо заметить, что оно не лишено недостатков, из которых главный — неясное, неполное регулирование вопроса законом, которое в итоге предрешает и не вполне удачное его толкование судом.

Среди серьезных проблем нынешнего раздела V ГК РФ можно выделить проблему фактического принятия наследства, где, как уже высказалась уважаемая профессор Илюшина, вовсе не существует некой абсолютной презумпции фактического принятия наследства. Закон указывает, что такая презумпция существует только в том случае, если наследник совершил действия, направленные на управление наследственным имуществом, вступление во владение им и т.д. Подчеркиваю, это должны быть именно активные действия, а не просто «совместное проживание», как предписывает постановление Пленума Верховного Суда РФ. Не было бы ничего плохого, если бы закон прямо назвал совместное проживание способом принятия наследства, сформировав некую юридическую фикцию принятия наследства в этой ситуации. Проблема в том, что в законе этого как раз нет, а вот полномочен ли суд фактически создавать новую норму права — ответ для юриста очевиден.

Другая проблема — супружеская доля, а точнее, возможность отказа от выдела доли в имуществе, приобретенном в период брака. Всем очевидно, что отказ от права собственности с переводом имущества в собственность покойного супруга невозможен. Действительно, если это именно отказ, то так и есть, невозможен. Но ведь вопрос ставится иначе: не отказывается супруг от собственности, а лишь подтверждает, что этой собственности у него нет и никог-

да не было. Никто, кроме самих супругов, не может знать, за счет каких доходов приобретено то или иное имущество. Может быть, автомашина куплена на подаренные отдельные средства? Может быть, вклад в банке вносила мама покойной супруги? И так далее. Понятно, что мы не могли бы позволить пережившему супругу таким образом «присвоить» себе долю в имуществе наследодателя, но вот наоборот, «отказаться» от этой доли — дело совсем иное. Очевидно, что здесь нет заинтересованности, нет конфликта интересов, который вынудил бы супруга пойти на обман, и, главное, нет пострадавших, кроме самого супруга, отказывающегося от выдела доли. И опять-таки, все было бы гораздо проще, если бы сам закон регламентировал данную ситуацию ясно и недвусмысленно, определяя, как именно надлежит действовать пережившему супругу и правоприменителю, нотариусу в этой ситуации.

Или, например, проблема учреждения доверительного управления наследственным имуществом, где фактически именно нотариус должен решать, кого назначать управляющим, но нотариус не владеет нужными навыками и знаниями, а между тем он несет ответственность за действия управляющего. Сложилась практика полагаться в этой области на решения самих наследников. Но что делать, например, если доверительное управление учреждается по требованию кредитора, а наследников как таковых может и не быть?

Можно назвать еще целый ряд проблем, стоящих достаточно остро в наследственном праве России: это и расчет размера обязательной доли при завещании части имущества, и последствия отказа в пользу наследников любых очередей, и уже упоминавшееся сегодня спорное решение Пленума Верховного Суда РФ относительно возможности отмены завещания завещательным распоряжением в банке, и некоторые другие моменты. Как мне кажется, если что-то сегодня и нужно менять в наследственном праве, так это не сотрясать основы, не вводить принципиально новые институты без особой нужды, а заняться устранением реально имеющихся в системе проблем, доведением правового регулирования вопросов наследования до максимально возможного совершенства.

НОВЕЛЛЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА И ПЕРСПЕКТИВ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Л.В. Щенникова,
заведующая кафедрой гражданского права
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

Есть у выдающегося русского художника Ильи Ефимовича Репина картина «Не ждали». Купил ее в свое время Павел Третьяков за то, что на публику она оказывала очень сильное воздействие. Идея ее сюжета проста: неожиданность появления порождает гамму связанных с ним переживаний. Думается, аналогичным было восприятие юридической общественностью появления проекта федерального закона, касающегося реформы наследственного права¹. Не знали о готовящихся реформах и в Федеральной нотариальной палате, хотя все законопроекты, касающиеся деятельности нотариата, в обязательном порядке должны с ней согласовываться.

Казалось бы, не так много норм охватят предполагаемые новеллы, и вроде цели благие — расширить возможности наследодателя в части выражения воли в завещательных распоряжениях, упростить процедуры принятия наследства. Но новеллы новеллам рознь. И здесь за кажущейся незначительностью и даже благостью намерений может оказаться серьезная ошибка в виде «мины замедленного действия», если вообще они не обернутся злом, которое, возможно, и не желали породить разработчики законопроекта. Сказанное говорит о том, что делом первостепенной важности является научный анализ предполагаемых новелл наследственного права.

¹ Проект федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Начнем свой анализ с констатации очевидного факта, заключающегося в том, что наследственное право — это «наше все». И в праве гражданском, и в экономическом фундаменте общества. Вот почему к реформам его норм нужно подходить с большой осторожностью. Отмерять, обдумывать, обсуждать. Для реформ должны быть серьезные основания. Что же мы видим в пояснительной записке? Оказывается, «все большее число российских граждан обращается к нотариусам с просьбой удостоверить их договоренности с иными членами семьи по поводу наследства». Если честно, я не знаю ни одного нотариуса, к которому бы обращались с подобной просьбой, хотя круг известных мне нотариусов достаточно широк. Также не знаю ни одного гражданина, вынашивающего планы заранее договориться с одним из наследников о передаче после смерти своего имущества. Но вот под таким не совсем правдивым предлогом разработчики хотят провести «революционные» изменения в нормах наследственного права. Начинается «революция» с пункта 5 статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), из которого росчерком пера исключаются три слова по поводу завещания, а именно: «является односторонней сделкой».

Три слова, но какая теория и история за ними стоит. Все фундаментальные труды по наследственному праву доказывали именно эту природу завещания. Сложилась и практика, в том числе нотариальная. А это уже обычай правоприменения. Вот почему в голову российского обывателя не придет мысль с кем-то договариваться на случай смерти. Мы привыкли к тайне этой воли. Чтобы наследники не обиделись, не рассорились. Вспоминается история указа Петра Великого «О единонаследии»¹. Чем все кончилось? «Ссорами, ненавистью, смертоубийствами». Именно такие слова использовала Анна Иоанновна, отменяя тот указ. И нельзя повторять ошибок.

Думается, что императивная норма пункта 5 статьи 1118 ГК РФ для нас должна быть такой же «святой», как для французов статья 968 французского Гражданского кодекса. В ней говорится, что «завещание не может быть сделано в одном акте двумя или несколькими лицами как в пользу третьего лица, так и в качестве

¹ Петр I. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. V. Ст. 1713–1719. № 2789. С. 91–94.

взаимного и обоюдного распоряжения»¹. В сентябре текущего года мне посчастливилось побывать на 32-м Университете нотариата в Париже. Французские нотариусы устраивают раз в год учебу для представителей разных стран — членов Международного союза нотариата. Так вот, я робко спросила там насчет совместных завещаний супругов и наследственных договоров. И получила однозначный ответ, не предполагающий дискуссий. Мне подчеркнули, что завещание — это акт индивидуальной воли, и нет причин отказываться от данной аксиомы. Кстати, французские нотариусы также бывают вынуждены бороться за свои и своих клиентов права, если законопроекты их пытаются нарушить. Примером может служить закон министра Макрона, в связи с попыткой принятия которого десять тысяч нотариусов вышли с протестом на улицы Парижа.

Знатоки зарубежного законодательства могут сейчас мне возразить: мол, в ряде других стран все же есть подобные предлагаемым законопроектом конструкции. Например, совместным завещаниям супругов и наследственным договорам посвящено порядка 39 статей Германского Гражданского Уложения² (ГГУ). Содержатся нормы о наследственных договорах в гражданском законодательстве Украины, Латвии, Китая.

Согласна, аналоги в данных странах есть, но и содержание регулирования там иное, нежели предлагают нам отечественные разработчики. Кроме того, и цивилистическая теория там создана соответствующая, да и традиции сформировались иные.

Кроме того, в нормах, например, о наследственных договорах в названных странах можно увидеть смысл. Например, на Украине по наследственному договору (ст. 1302 ГК Украины) контрагент наследодателя именуется приобретателем³. На него возлагается обязанность выполнять распоряжения отчуждателя (наследодателя) не только после, но и до открытия наследства. У наследодателя на Украине есть резон договариваться. Он приобретает исполнителя при жизни. В российском варианте по статье 1140.1 проекта у наследника все обязанности возникают после смерти. Отсюда вопросы: зачем же договариваться и о чем? Норма не предусматривает возможности удовлетворения наследодателя. Он, «горемыка», только уступает, при этом связывает себя узами обязательства.

¹ Code civil. Version consolidée au 19 août 2015 // <http://www.legifrance.gouv.fr>

² Bürgerliches Gesetzbuch // <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html>

³ Гражданский кодекс Украины // <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/82-gku.html>

Получается, что он заключает договор, не имея при этом никакого имущественного интереса.

Аналог наследственного договора можно обнаружить в законодательстве Китая. Так, статья 5 Закона о наследовании в этой стране предусматривает возможность заключения договора завещательного дара. В соответствии с ним одна сторона содержит при жизни и обязуется похоронить, а другая сторона обязуется передать имущество после смерти. Вот с таким обязательством можно и согласиться. Оно немного напоминает договор пожизненного содержания с иждивением, но передача права собственности происходит после смерти, что, как представляется, удобно для наследодателя¹.

Важно обратиться более подробно к опыту законодательного регулирования Германии, поскольку на опыт именно этой страны ссылаются разработчики законопроекта. Так вот, статей об общих завещаниях супругов и договорах о наследовании в ФРГ на порядок больше. Иначе говоря, немецкий законодатель предлагает очень детальное регулирование. Это следует отметить во-первых. Во-вторых, параграфы ГГУ изобилуют оговорками «при наличии сомнений». Это само по себе говорит о том, что институт порождает споры. Данный вывод подтверждает и судебная практика в этой стране. Судьи Федерального суда ФРГ признаются, что очень сложно выявлять «единогласность волеизъявлений» при общих завещаниях супругов. Совершенно очевидно, что с аналогичными проблемами столкнутся и наши, российские, судьи. Можно также обратиться к опыту Латвии, где завещание трактуется как совместный акт многих. При этом в законе четко выражена идея защиты интересов наследников. Так, наследодателю, если заключен наследственный договор, запрещается при жизни отчуждать недвижимое имущество.

Что касается российских возможных новелл, то в них, по сути, не проводятся и не защищаются ни интересы наследников, ни интересы наследодателя. Наследодатель ничего не приобретает. Наследники при жизни наследодателя никак не защищаются. В соответствии с пунктом 8 статьи 1140.1 проекта наследодатель может заключать при жизни со своим имуществом любые сделки. Так и хочется спросить разработчиков законопроекта: а кому же это будет выгодно? Ради какой цели ломать институт завещания, формировавшийся на Руси, возможно, с 911 года?

¹ Закон КНР «О наследовании» // http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_inheritance/law_inheritance_ch1

Думается, что предлагаемые новеллы противоречат фундаментальным положениям цивилистической теории, а также общим положениям гражданского законодательства. Во-первых, они противоречат принципу автономии воли, закрепленному в статье 2 ГК РФ. В многосторонних завещаниях воля завещателя объективно ограничивается. Во-вторых, наше, отечественное, регулирование основано на выделении имущественных отношений, называемых наследственными. Новые конструкции нивелируют самостоятельность этих отношений, превращая их в гибрид с обязательственными. В-третьих, они противоречат идее универсального правопреемства, которая зародилась еще в Древнем Риме, когда наследник с наследодателем позиционировались как одно лицо. Новеллы могут привести к обезличиванию этих отношений. Наконец, важно помнить, что наследственные отношения — это завершающее звено цепочки связей. Чтобы менять это звено, раз оно последнее, нужно просмотреть всю цепочку, доказав, что изменение финала не разрушит всю цепь.

Нельзя не сказать особо и о нотариальной практике применения норм наследственного права. Она сложилась, и права граждан здесь защищены надлежащим образом. И надо сказать, что наследственные отношения — это, пожалуй, единственная область нотариальной практики, на которую законодатель (в рамках ГК РФ) еще не покушался. Но вот и здесь неожиданно возникла опасность «революционных» реформ. Думаю, с позиций правоприменения они вредны, потому что породят споры. Нотариат со спорами и конфликтами не должен дружить. Не может мириться нотариальное сообщество с теми предполагаемыми новеллами, которые будут эти споры порождать. Вот почему я, как представитель науки, в полной мере разделяю боль Федеральной нотариальной палаты в отношении задуманного и названного совершенствованием наследственного права.

В завершение отмечу, что нельзя заимствовать «слегка», чуть-чуть и даже наполовину. Нельзя с легкостью разрушать традиции. Нельзя не согласовывать реформы с теми практиками, которые являются главными в правоприменении реформируемых норм, то есть с нотариусами и организациями, их объединяющими. Иначе и у нас, в России, получится не мирно, по Денису Ивановичу Фонвизину с его рассудительным Стародумом, а по Генриху Гейне с его меткими стихами о наследственных отношениях, порождающих «разделение, войны и отраву».

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НАСЛЕДСТВЕННОМ ДОГОВОРЕ КАК ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

В.К. Андреев,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

В Концепции развития гражданского законодательства РФ, одобренной Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.10.2009, раздела о совершенствовании наследственного права не было. Правда, по ходу принятия отдельных блоков проекта Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) изменения вносились в раздел V ГК РФ.

Поэтому возникает вопрос: каким образом законопроект № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» (далее — Проект) соотносится с Концепцией и уже измененными разделами и главами ГК РФ (в частности, о юридических лицах, разделом III), поскольку положения о фонде как унитарной некоммерческой организации уже изменяли и после вступления в силу Федеральных законов от 5.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» и от 8.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»? Приняты и серьезные изменения по главе 27 «Понятия и условия договора» ГК РФ, где предусмотрены новые конструкции договоров (рамочный, опционный, абонентский), но наследственного договора там нет.

Попытаемся обосновать, что наследственный договор не может быть в силу характера отношений, которые складываются между собственником, распоряжающимся своим имуществом на случай

смерти, и лицами, принимающими имущество, не имеющее собственника, обязательством между кредитором и должником.

В качестве основных глав и положений, на которых зиждется весь каркас правового регулирования, гражданское законодательство называет гражданские права и гражданские обязанности. Они не только формулируют гражданские правоотношения, включая предпринимательские и корпоративные, но и сами подвергаются различным модификациям, преобразованиям (принадлежность, осуществление, нарушение, защита, уступка требования и перевод долга, ослабление, прекращение, восстановление, переход от одного лица к другому). Гражданские права физического или юридического лица имеют направленность на объекты, перечисленные в статье 128 ГК РФ. Субъективное гражданское право не всегда связано с обязанностью, то есть право первоначально наедне с субъектом, оно и называется субъективным. Осуществление права гражданина или юридического лица может происходить без обращения к другим лицам — например, владение и пользование объектами своей собственности, то есть субъективное право собственности, а не гражданское правоотношение. В то же время может быть имущество, но не быть носителя права.

Переход объектов от одного лица к другому — более широкое понятие, следует различать переход прав и обязанностей к другим лицам (правопреемство при реорганизации юридического лица) и оборотоспособность объектов гражданских прав, в том числе вещей и иного имущества. Я умышленно не назвал наследование в качестве универсального правопреемства, названного так в пункте 1 статьи 129 ГК РФ, поскольку наследование согласно разделу V ГК РФ представляет собой переход к другим лицам имущества уже умершего гражданина, а не его прав и обязанностей как таковых. Представляется, что при наследовании можно говорить только о переходе имущества, а не о переходе прав на имущество умершего, поскольку со смертью права на имущество не принадлежат умершему. Право наследодателя на имущество в момент смерти исчезает, остается только его имущество. С момента открытия наследства возникает безликое, бессубъектное имущество как единое целое и в один и тот же момент. Имущественное право может принадлежать только живому человеку. В этом случае универсальное правопреемство применительно к наследованию означает не переход прав и обязанностей от одного лица к другому, а образование наследственного имущества, наследства, которое будет передано другим лицам в порядке,

установленном разделом V ГК РФ. Односторонняя сделка под отлагательным условием является наиболее приемлемой правовой формой перехода имущества умершего к наследникам по завещанию.

Подтверждением того, что при наследовании происходит переход имущества, а не права, является статья 223.1 Федерального закона от 8.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В ней говорится, что, если после возбуждения дела о банкротстве гражданина он умер либо признан умершим, суд по своей инициативе выносит определение о дальнейшем рассмотрении данного дела. Дело о банкротстве гражданина может быть также возбуждено после его смерти или объявления его умершим.

При наследовании по закону предложенная конструкция также применима, то есть происходит переход, распределение имущества умершего между его наследниками. Во всех этих случаях возникновение права собственности на наследственное имущество является первоначальным способом приобретения, а не производным.

В Проекте предлагается, в частности, включить в раздел V ГК РФ положения о наследственном договоре, который наследодатель мог бы заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, в том числе и с юридическим лицом. Ведь согласно статье 1116 ГК РФ к наследованию по завещанию могут привлекаться также указанные в нем юридические лица, существующие в день открытия наследства, если условия завещания определяют порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к указанным лицам или к третьим лицам. Наследственный договор может также возлагать на участвующих в таком договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить после смерти наследодателя какие-либо действия имущественного или неимущественного характера (ст. 1140.1 Проекта). Другими словами, таким договором определяются будущие наследники имущества умершего, завещание наследодателя заменяется наследственным договором или существует наряду с ним. Представляется, что при таком положении переход имущества от умершего к наследникам не может рассматриваться как договор, поскольку в момент исполнения договора нет стороны, которая удовлетворилась или высказала возражения.

Обязательство — относительное правоотношение между конкретными, существующими субъектами. Замена завещания договором не присуща природе наследования, так как такой договор не имеет существа, характерного для обязательства, наследодатель

как кредитор не имеет права требования. Непонятно существо наследственного договора, который содержит условия о порядке перехода прав на имущество к любому из лиц, которые могут призываться к наследованию. Поскольку завещание остается, возникает вопрос: как оно соотносится с наследственным договором? Не является ли наследственный договор договором дарения под отлагательным условием? В чем его содержание? И на каком основании и зачем наследники, не являющиеся стороной наследственного договора, могут требовать исполнения этого наследственного договора? Договор в пользу третьего лица? В любом случае статья 1116 ГК РФ не может быть основой для установления другой стороны наследственного договора, кроме наследодателя.

Ошибочность предлагаемого подхода, на мой взгляд, заключается в подмене вещных, собственнических отношений обязательственными. Собственнику имущества предлагают распоряжаться своим имуществом заранее при условиях, когда умаляются его конституционные свободы как личности. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни и собственности, личную и семейную тайну (п. 1 ст. 23 Конституции РФ). Причем это право не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (п. 3 ст. 56 Конституции РФ). Заключение наследственного договора (а он может заключаться с несколькими лицами, призываемыми к наследству) не позволит сохранить эту личную тайну и, более того, может повлечь разногласия, ссоры между будущими наследниками еще при жизни наследодателя, чего удастся избежать при тайне завещания. Таким образом, включение в ГК РФ наследственного договора, по существу, ограничивает свободу собственника распоряжаться своим имуществом на случай смерти. Наличие в тексте предлагаемого законопроекта пункта 8 статьи 1140.1 о том, что наследодатель вправе распоряжаться своим имуществом вплоть до лишения лица, которое может быть призвано к наследованию, всего имущества наследодателя, опровергает саму идею наследственного договора.

Принцип неприкосновенности собственности включает в себя и тайну об объеме и видах имущества собственника, а также его намерении делать с ними все, что он захочет, своей волей и в своем интересе. Заключая договор об отчуждении своего имущества, собственник лишь частично закрывает свои владения объектами собственности.

Кроме того, может создаваться конкуренция между наследственным договором и завещанием. Другими словами, наследствен-

ный договор не имеет своего существа, характерных для него прав и обязанностей, он по своему характеру не может быть назван договором, обязательством, поскольку наследодателя нельзя назвать кредитором, а лиц, призываемых к наследству, — должниками. Наследственный договор предполагает возможность нарушить личную тайну гражданина, его конституционную свободу, он посягает на неприкосновенность собственности.

Подтверждением существования наследственного имущества служит выдача свидетельства о праве на наследство, то есть подтверждается вещно-правовой характер имущества, оставшегося после смерти наследодателя. Свидетельство о праве на наследство подтверждает лишь переход к указанному в нем лицу или лицам прав на все имущество наследодателя. Такое предложение в законопроекте по крайней мере не учитывает то обстоятельство, что могут быть еще и завешания. Но главное, что происходит переход имущества, а не прав на него, которые возникают потом, после выдачи свидетельства о праве на наследство.

Кроме того, ГК РФ предусматривает два варианта развития событий в случае смерти одной из сторон обязательства. Согласно статье 418 ГК РФ обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника. Обязательство прекращается смертью кредитора, если исполнение предназначено лично для кредитора либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью кредитора. При втором варианте права и обязанности по обязательству переходят к наследникам в порядке универсального правопреемства (ст. 1110, 1112 ГК РФ).

Исходя из сказанного, следует отметить, что либо наследственный договор прекращается, если считать его тесно связанным с личностью умершего наследодателя, что противоречит существу данной договорной конструкции, либо права и обязанности по договору переходят по наследству в порядке универсального правопреемства и, соответственно, происходит совпадение должника и кредитора в одном лице, что согласно статье 413 ГК РФ также влечет прекращение обязательства. Таким образом, конструкция наследственного договора не соответствует общим положениям подраздела 1 «Общие положения об обязательствах» раздела III ГК РФ.

ПРОБЛЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЯ НОТАРИУСОМ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

**З.Л. Ништ,
нотариус г. Москвы**

Доверительное управление наследством как одна из мер по охране наследственного имущества и управлению им принимается нотариусом в целях защиты прав наследников (п. 1 и 2 ст. 1171 ГК РФ). Таким образом, одной из основных задач доверительного управления наследственным имуществом является сохранение этого имущества.

В соответствии со статьей 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) доверительное управление учреждается, если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления.

В правовом регулировании доверительного управления наследственным имуществом существует ряд проблем, которые требуют законодательного разрешения. В настоящее время в отсутствие надлежащего правового регулирования и единообразной судебной практики нотариусы вынуждены самостоятельно, опираясь большей частью только на свой опыт и интуицию, решать большинство вопросов, возникающих при доверительном управлении наследственным имуществом.

Среди возникающих на практике спорных вопросов, требующих правового разрешения, можно выделить следующие аспекты.

I. Учреждение доверительного управления (выбор кандидатуры доверительного управляющего, необходимость истребования согласия третьих лиц при учреждении доверительного управления наследственным имуществом)

Согласно пункту 1 статьи 1173 ГК РФ нотариус выступает в качестве учредителя доверительного управления и сам заключает до-

говор доверительного управления имуществом с доверительным управляющим.

По общему правилу статьи 1015 ГК РФ доверительным управляющим может быть индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, за исключением унитарного предприятия. Однако в случаях, когда доверительное управление имуществом осуществляется по основаниям, предусмотренным законом, доверительным управляющим может быть гражданин, не являющийся предпринимателем (абз. 2 п. 1 ст. 1015 ГК РФ). Так как доверительное управление наследственным имуществом является доверительным управлением в силу закона, то в данном случае доверительным управляющим может быть гражданин, не являющийся индивидуальным предпринимателем.

По мнению Н.Ю. Рассказовой, если управление наследственным имуществом связано с осуществлением лицензируемой деятельности, договор может быть заключен только с лицом, имеющим соответствующую лицензию¹. Лицензируемой, в частности, является деятельность по управлению эмиссионными ценными бумагами. Однако если доверительное управление связано только с реализацией управляющим прав по ценным бумагам, то наличие лицензии не требуется (абз. 3 ст. 5 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»).

Согласно пункту 3 статьи 1015 ГК РФ доверительный управляющий не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления имуществом. Так как выгодоприобретателями по договору доверительного управления наследственным имуществом являются наследники, то, следовательно, ни один из наследников, принявших наследство, не может быть доверительным управляющим. Не может быть доверительным управляющим и законный представитель несовершеннолетнего наследника. Как представляется, доверительным управляющим не может быть и наследник, который еще не принял решение о принятии или об отказе от наследства, так как назначение его доверительным управляющим и возможное последующее принятие им наследства сделают уже учрежденное доверительное управление противоречащим пункту 3 статьи 1015 ГК РФ. В то же время наследник, отказавшийся от наследства, может стать доверительным управ-

¹ Рассказова Н.Ю. Доверительное управление наследственным имуществом, учреждаемое нотариусом // Закон. 2007. № 2.

ляющим, так как отказ от наследства не может быть впоследствии изменен или взят обратно.

Иных ограничений по кандидатуре доверительного управляющего при доверительном управлении по основаниям, предусмотренным законом, закон не содержит.

Согласно пункту 2 статьи 1171 ГК РФ нотариус принимает меры по управлению наследственным имуществом по заявлению одного или нескольких наследников или иных лиц, действующих в интересах сохранения имущества. По сложившейся практике кандидатуру доверительного управляющего предлагает заявитель — как правило, наследник, первым обратившийся к нотариусу. При этом у нотариуса отсутствует возможность проверить квалификацию доверительного управляющего, предложенного наследниками. Возникает и другой вопрос: как быть, если наследник не может предложить кандидатуру доверительного управляющего? По мнению некоторых нотариусов, у заявителя есть обязанность предложить кандидатуру доверительного управляющего. Однако согласно пункту 2 статьи 1171 ГК РФ доверительное управление учреждается по заявлению наследников. Вопрос о том, каким должно быть содержание такого заявления, в частности, обязан ли наследник одновременно с просьбой учредить доверительное управление предложить и кандидатуру доверительного управляющего, остается открытым. К сожалению, в России отсутствует реестр доверительных управляющих, при обращении к которому можно бы было выбирать кандидатуру доверительного управляющего исходя из его знаний и опыта и не опасаясь, что при его управлении наследственным имуществом будет причинен вред выгодоприобретателям. Поэтому без создания в РФ такого реестра, в который включались бы профессионалы, обладающие соответствующим образованием и опытом, невозможно реально учреждать доверительное управление, а также эффективно контролировать деятельность доверительного управляющего, учитывая, что нотариус не является специалистом в сфере бизнеса.

Другой проблемой при выборе кандидатуры доверительного управляющего является возникновение возможных разногласий между наследниками по поводу назначенного доверительного управляющего. Как правило, нотариус, учреждая доверительное управление, назначает доверительным управляющим лицо, предложенное наследником, первым обратившимся с просьбой учредить доверительное управление. Но бывают случаи, когда другие

наследники, позднее обратившиеся к нотариусу, не согласны с избранной нотариусом кандидатурой.

В связи с этим возникают вопросы:

— необходимо ли учитывать мнение всех наследников, при том что на момент учреждения доверительного управления, как правило, достоверно круг наследников не известен;

— какими должны быть действия нотариуса, если наследники не приходят к единому мнению относительно кандидатуры доверительного управляющего;

— если доверительное управление нотариусом учреждено, а впоследствии возникли разногласия между наследниками относительно кандидатуры доверительного управляющего, то что происходит с доверительным управлением: должно ли оно быть прекращено нотариусом в одностороннем порядке или оно продолжается до выбора другой кандидатуры, вероятно, в судебном порядке, хотя в последнем случае не ясно, что будет предметом судебного разбирательства?

По данным вопросам в практике нотариусов сложились разные мнения. Одни нотариусы полагают, что в случае разногласий между наследниками доверительное управление должно быть прекращено нотариусом в одностороннем порядке. По этим вопросам имеется также позиция Федеральной нотариальной палаты, изложенная в ответе Челябинской областной нотариальной палате, подготовленном Комиссией ФНП по законодательно-методической работе. Согласно указанному ответу в случае, когда наследники выразили свое волеизъявление в отношении конкретной кандидатуры доверительного управляющего и их мнения не совпали, действия нотариуса утрачивают признак бесспорности, между выгодоприобретателями возникает спор, за разрешением которого нотариусу следует рекомендовать обратиться в суд. В то же время, по мнению Федеральной нотариальной палаты, нотариус сам оценивает все обстоятельства и в случаях, не терпящих отлагательства, самостоятельно принимает решение о заключении договора доверительного управления с учетом мнения наследников и заинтересованных лиц.

По нашему мнению, если законодательством не предусмотрено в обязательном порядке требовать согласия всех наследников при учреждении доверительного управления, то нотариус должен самостоятельно принять решение о кандидатуре доверительного управляющего. Нет уверенности, что, отказывая в учреждении до-

верительного управления и направляя наследников в суд, нотариус поступает правильно, так как у судов нет полномочий на учреждение доверительного управления в отношении наследственного имущества.

В практике может возникнуть и ситуация, когда от всех наследников поступило заявление о прекращении доверительного управления. Нотариус, видимо, может в одностороннем порядке прекратить доверительное управление, оценив все доводы наследников. В этом случае возможно учреждение доверительного управления еще раз, с другим доверительным управляющим.

Неоднозначна судебная и нотариальная практика учреждения доверительного управления долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ООО) в случае, когда уставом общества предусмотрено согласие остальных участников на переход доли умершего участника к наследнику. Ни ГК РФ, ни Закон об ООО¹ не предусматривают необходимости получения согласия общества на заключение договора доверительного управления наследственным имуществом в виде долей в уставном капитале ООО.

В судебной практике можно найти противоположные решения по данной проблеме. Так, в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.06.2013 по делу № А56-66585/2012 указано, что до заключения договора доверительного управления нотариусу надлежит проверить наличие в уставе ООО ограничений на наследование долей. При наличии таких ограничений возможность перехода долей в порядке наследования и перехода к наследникам всего комплекса прав участника общества, включения указанного имущества в наследственную массу и возможность управления имуществом в рамках договора доверительного управления обуславливается наличием следующих условий: обращением наследников в общество с заявлением об их принятии в состав участников и согласием оставшихся участников на принятие наследников в общество. В отсутствие одного из условий доли в уставном капитале общества не наследуются, а к наследникам переходит лишь право требования выплаты действительной стоимости доли. ФАС Северо-Западного округа постановлением от 7.10.2013 оставил данное постановление в силе.

¹ Федеральный закон от 8.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Аналогичная позиция судов содержится в постановлениях ФАС Дальневосточного округа от 25.04.2006, 18.04.2006 № Ф03-А59/05-1/4308 по делу № А59-6068/04-С8 и ФАС Северо-Кавказского округа от 28.05.2007 № Ф08-2860/2007 по делу № А20-477/2006.

Противоположные мнения судов содержатся в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10 и ФАС Волго-Вятского округа от 5.12.2012 по делу № А28-1125/2012.

Рассматривая данную проблему, нужно иметь в виду, что ни ГК РФ, ни Закон об ООО не предусматривают необходимости получения согласия общества или его участников на заключение договора доверительного управления наследственным имуществом в виде доли в уставном капитале ООО. Вопрос учреждения доверительного управления в данном случае тесно связан с вопросом о том, что входит в наследственную массу, если уставом ООО предусмотрено согласие на переход доли умершего участника к его наследникам: сама доля в уставном капитале общества или право требования выплаты действительной стоимости доли.

В соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 1176 ГК РФ, если участниками ООО наследнику отказано в переходе к нему доли в ООО, он вправе получить от ООО действительную стоимость *унаследованной* доли. Иными словами, сначала наследник должен ее унаследовать, получив свидетельство о праве на наследство, а потом решать вопрос о включении его в состав участников общества.

Учитывая это, представляется, что для учреждения доверительного управления долей в уставном капитале ООО согласие других участников общества не требуется. Если не учредить доверительное управление вовремя, то к моменту вынесения решения об отказе включить наследника в число участников и получения им действительной стоимости доли имущество у ООО может отсутствовать.

Кроме того, представляется, что если законодатель все-таки посчитает целесообразным обязательное истребование согласия участников на учреждение доверительного управления долей в уставном капитале ООО умершего участника, то на случай отсутствия такого согласия в целях защиты имущественных прав наследников необходимо предусмотреть обязанность общества незамедлительно передать в депозит нотариуса действительную стоимость наследуемой доли.

В практике нотариусов иногда возникает вопрос: необходимо ли запрашивать согласие органа опеки и попечительства при учреждении договора доверительного управления наследственным имуществом, если наследником является несовершеннолетний?

В соответствии со статьей 1012 ГК РФ передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему, договор доверительного управления не является сделкой, направленной на отчуждение имущества, в отношении которого учреждается доверительное управление.

Согласно статье 21 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» предварительное разрешение органа опеки и попечительства требуется только в указанных законом случаях, а именно при совершении сделок опекуном от имени подопечного или при совершении сделок подопечным с согласия попечителя.

Следовательно, на заключение договора доверительного управления в случаях, если одним из наследников является несовершеннолетний, предварительное разрешение органов опеки и попечительства не требуется.

Следующий вопрос, слабо урегулированный в законодательстве, касается сроков учреждения доверительного управления.

II. Сроки доверительного управления, прекращение доверительного управления

В соответствии со статьей 64 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате меры по охране наследственного имущества осуществляются нотариусом до принятия наследства. Пункт 8 статьи 21 Закона об ООО также устанавливает, что до принятия наследником умершего участника общества наследства управление его долей осуществляется в порядке, предусмотренном ГК РФ.

Таким образом, после принятия наследства доверительное управление долей в уставном капитале ООО прекращается. Поскольку, как правило, принятие наследства происходит до истечения шести месяцев после открытия наследства, а выдача свидетельства о праве на наследство на долю в уставном капитале ООО осуществляется по истечении шести месяцев после открытия наследства, в нотариальной практике постоянно возникает вопрос:

как может осуществляться управление долей в период между принятием наследства и получением наследниками свидетельства о праве на наследство? Именно в этот период времени (особенно если умер единственный участник общества) требуются управление обществом, принятие решений о назначении руководителя, уплата налогов и иных обязательных платежей. При буквальном толковании закона нотариус в этот период времени не может выступать в качестве учредителя доверительного управления. В этот период времени деятельность общества фактически парализуется, что влечет причинение убытков.

В то же время в соответствии с пунктом 4 статьи 1172 ГК РФ нотариус осуществляет меры по охране наследства и управлению им в течение срока, определяемого нотариусом с учетом характера и ценности наследства, а также времени, необходимого наследникам **для вступления во владение наследством**. Так как легального определения понятия «вступление во владение наследством» нет, то в практике возникает вопрос: что означает данная формулировка?

Судебная практика дает различные толкования этого понятия.

Так, Московский городской суд в апелляционном определении от 6.12.2012 по делу № 11-28016 согласился с доводами нотариуса о том, что наследник, принявший наследство, становится собственником имущества со дня открытия наследства. Поэтому, поскольку все наследники подали заявления и фактически приняли наследство, стали собственниками имущества, носителями имущественных прав и обязанностей, то оснований для заключения договора доверительного управления не имеется. То есть суд в данном случае посчитал понятия «вступление во владение наследством» и «принятие наследства» тождественными.

В то же время Ленинградский областной суд определением от 1.08.2013 № 33-3486/2013 оставил в силе решение суда первой инстанции, которым на нотариуса была возложена обязанность учредить доверительное управление долями в уставном капитале ООО после подачи наследником заявления о принятии наследства. Суд исходил из того, что наследник принял наследство, но не вступил во владение наследственным имуществом в виде долей в уставном капитале ООО, поскольку свидетельства о праве на наследство в отношении данного имущества не были выданы. Здесь, как видно, суд связал момент вступления во владение наследством с получением свидетельства о праве на наследство.

Учитывая важность данного вопроса и отсутствие однозначной практики его разрешения, требуется четкое законодательное регулирование.

Неоднозначны вопросы правоприменения законодательства, регулирующего деятельность доверительного управляющего.

III. Деятельность доверительного управляющего

В настоящее время отсутствует единая позиция в отношении объема полномочий доверительного управляющего. Каковы пределы полномочий доверительного управляющего? Что должен делать и что не вправе делать доверительный управляющий? Вправе ли доверительный управляющий производить отчуждение имущества, переданного ему в доверительное управление? Вправе ли доверительный управляющий переводить деньги с одного счета на другой, если по последнему предлагаются более выгодные условия? Если в состав наследственного имущества входит доля в ООО, может ли доверительный управляющий давать согласие на отчуждение долей другими участниками общества, если необходимость такого согласия предусмотрена уставом ООО? Может ли доверительный управляющий отказаться от использования преимущественного права покупки?

С одной стороны, доверительный управляющий должен сохранить наследственное имущество. С другой стороны, возможно, не распорядившись частью имущества, переданного ему в доверительное управление, он упустит возможность для увеличения его стоимости (такая ситуация часто возникает при доверительном управлении акциями).

Доля в уставном капитале ООО как один из видов имущества содержит в себе комплекс прав и обязанностей лица, которому принадлежит такая доля. В их числе не только имущественные права (принятие участия в распределении прибыли, продажа или отчуждение иным образом своей доли в уставном капитале общества, получение в случае ликвидации общества части имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимости), но и корпоративные права и обязанности, вытекающие из статуса участника общества (участие в управлении делами общества, включая присутствие на общем собрании участников общества, обсуждение вопросов повестки дня собрания, голосование при принятии решений; реализация права преимущественной покуп-

ки доли другого участника общества или отказ от реализации данного права; дача согласия на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьим лицам, получение информации о деятельности общества и право ознакомления с его бухгалтерскими книгами и иной документацией).

Следствием имеющихся прав на долю в уставном капитале ООО являются имущественные и корпоративные права участника ООО, которые неразрывно связаны друг с другом и реализуются в совокупности. Представляется, что формальное отделение имущественных прав участника ООО от его корпоративных прав нарушает целостность доли в уставном капитале общества как самостоятельного объекта гражданских прав.

Таким образом, при передаче в доверительное управление доли в уставном капитале ООО доверительный управляющий как лицо, имеющее право осуществлять любые права собственника имущества, переданного ему в управление, может быть наделен на период доверительного управления наряду с имущественными правами также и корпоративными правами участника ООО, что в полной мере соответствует главной цели доверительного управления — защите прав выгодоприобретателей.

Посредством участия в управлении обществом доверительный управляющий, обладая правами его участника, может оказывать реальное влияние на происходящие в обществе процессы, в том числе своевременно препятствовать принятию решений, не отвечающих интересам выгодоприобретателей, и обеспечивать сохранение стоимости соответствующей доли.

Абзацем 2 пункта 2 статьи 1012 ГК РФ предусмотрена возможность установления в договоре доверительного управления отдельных ограничений в отношении полномочий доверительного управляющего. Однако необходимо иметь в виду, что добросовестно действующий доверительный управляющий с учетом характера имущества, переданного в управление, и иных факторов (в том числе курса валют, состояния определенных рынков, общей экономической ситуации и т.п.) определяет, какие меры необходимо и достаточно принять для сохранения переданного в доверительное управление имущества или сохранения его стоимости. Поскольку нотариус не является специалистом в области управления имуществом, представляется нецелесообразным устанавливать ограничения в отношении отдельных действий доверительного управляющего

щего по управлению наследственным имуществом в учреждаемом нотариусом договоре доверительного управления.

Нередко в нотариальной практике возникает вопрос: если доверительное управление учреждено в отношении доли в ООО, может ли доверительный управляющий назначить генерального директора, в том числе из числа наследников, или назначить генеральным директором себя? По нашему мнению, ответ на этот вопрос может быть положительным.

В соответствии с пунктом 4 статьи 1012 ГК РФ доверительный управляющий представляет учредителю управления и выгодоприобретателям отчет о своей деятельности в сроки и порядке, которые установлены договором доверительного управления имуществом. Остается открытым вопрос: как должен поступить нотариус, если доверительный управляющий не представит отчет?

Существует проблема в передаче имущества при учреждении и прекращении доверительного управления. Согласно пункту 3 статьи 1024 ГК РФ при прекращении договора доверительного управления имущество, находящееся в доверительном управлении, передается учредителю управления, если договором не предусмотрено иное. Должен ли нотариус при прекращении доверительного управления, а также при его учреждении подписывать с доверительным управляющим акт передачи имущества? Если нотариус должен подписать такой акт, то что является предметом передачи? Или подписание такого акта противоречит существу отношений по доверительному управлению, учреждаемому нотариусом? Ведь согласно пункту 2 статьи 1026 ГК РФ правила, предусмотренные главой 53 ГК РФ, применяются к отношениям по доверительному управлению имуществом, учрежденному по основаниям, предусмотренным законом, если иное не предусмотрено законом и не вытекает из существа таких отношений.

Пристального внимания законодателя требуют и вопросы о степени ответственности нотариуса при учреждении доверительного управления.

IV. Ответственность нотариуса как учредителя доверительного управления

По общему правилу, предусмотренному пунктом 3 статьи 1022 ГК РФ, долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имуще-

ства. В случае недостаточности этого имущества взыскание может быть обращено на имущество доверительного управляющего, а при недостаточности и его имущества — *на имущество учредителя управления*, не переданное в доверительное управление. В то же время пункт 2 статьи 1026 ГК РФ предусматривает, что правила, предусмотренные главой 53 ГК РФ, применяются к отношениям по доверительному управлению, учрежденному в силу закона, *только в случае, если иное не вытекает из существа таких отношений*.

В связи с этим представляется, что к доверительному управлению наследственным имуществом не могут применяться правила об ответственности учредителя управления своим имуществом по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением. Для сравнения: маловероятно, чтобы орган опеки и попечительства отвечал как учредитель управления в случае учреждения доверительного управления имуществом подопечного. Кроме того, в абзаце 2 пункта 2 статьи 1026 ГК РФ речь идет о *правах* учредителя управления, а не о его обязанностях и ответственности. Таким образом, исходя из формулировок статьи 1026 ГК РФ, устанавливающей особенности доверительного управления по основаниям, предусмотренным законом, можно сделать вывод о том, что нотариус как учредитель управления не может отвечать своим имуществом по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением.

В то же время следует констатировать, что данный вопрос, по сути, не урегулирован, а учитывая уже рассмотренные проблемы, в частности проблему выбора кандидатуры доверительного управляющего, нотариусы подвергаются необоснованному риску обращения взыскания на их собственное имущество.

И наконец, еще одной проблемой, которая носит чисто практический характер, является направление заявления в налоговые органы об учреждении доверительного управления долей в уставном капитале ООО.

V. Направление заявления в налоговые органы об учреждении доверительного управления долей в уставном капитале ООО

Об учреждении доверительного управления нотариус должен поставить в известность налоговые органы. На практике нотариусы сталкиваются с ситуацией, когда сотрудники инспекций ФНС России предъявляют разные требования к заполняемым формам.

Возможна ситуация, когда в рамках одного наследственного дела в один и тот же день учреждалось доверительное управление в отношении долей в уставном капитале двух ООО. В одном случае регистрация изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в ЕГРЮЛ, была произведена своевременно, а в отношении другого ООО был получен отказ. Хотелось бы, чтобы и здесь был наведен порядок с точки зрения законодательства, так как отсутствие единообразия в практике ФНС России также затрудняет работу доверительного управляющего.

О МЕСТЕ НОТАРИАТА В ОФОРМЛЕНИИ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

**В.Д. Потемкина,
нотариус г. Москвы**

Законопроект, который предлагает внести существенные изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) и особенно в его раздел «Наследственное право», сегодня очень беспокоит нотариальное сообщество, а значит, и меня как нотариуса, но еще и как бывшего наследника и наверняка будущего наследодателя. Вице-президент Федеральной нотариальной палаты С.В. Смирнов в своем докладе уже дал очень подробную и объективную оценку указанному законопроекту. Как было отмечено в этом докладе, в раздел «Наследственное право» ГК РФ за 15 лет его существования по сравнению с другими разделами было внесено незначительное количество изменений, всего 13, что свидетельствует о действительном качестве и стабильности его норм.

Самое сложное в нотариальной практике — это оформление наследства. По каждому наследственному делу нотариус проверяет и запрашивает, в том числе с помощью электронного оборота, десятки документов. На сегодняшний день оформлением наследства по всей России занимается 7915 специально подготовленных юристов — нотариусов, обязанных в соответствии с законом регулярно повышать свою квалификацию, готовых отвечать за свои действия всем своим имуществом, обязательным индивидуальным и коллективным страхованием, а также средствами недавно созданного законом компенсационного фонда. Также хочется напомнить, что нотариат находится под контролем государства в лице Министерства юстиции Российской Федерации и при этом бюджету страны он не стоит ни копейки. Только в 2014 году нотариусами России было выдано 3 273 847 свидетельств о праве на наследство. Это тот потенциал, который в основной своей массе может оказаться в судах. И если спросить любого гражданина, хотел бы он оформить

наследство в суде или у нотариуса, где, кстати, это ему обойдется в десять раз дешевле, ответ будет очевиден.

Думаю, справедливым будет считать, что нотариат оказывает судам большую помощь, рассматривая свои дела в бесспорном порядке. Нам очень льстит, когда нотариат называют превентивным правосудием, и особенно в части такого сложного процесса, как оформление наследственных прав — всесторонне и по существу, а не формально, учитывая, что потом суд во всем разберется. Ведь только незначительная часть спорных дел по наследству попадает в суды, и среди них немало таких, которые связаны с установлением фактов родственных отношений, принятия наследства, нахождения на иждивении и т.д. Если бы судебское сообщество нас поддержало, мы были бы готовы взять на себя удостоверение указанных фактов в случае их бесспорности и при наличии как минимум согласия на это всех призванных к наследству наследников. На наш взгляд, это действительно помогло бы гражданам упростить процедуру оформления наследства.

Представляется, что инициатива предлагаемых изменений и особенно предложение заменить свидетельство о праве на наследство свидетельством о праве наследования, а это значит фактически реформировать наследственное право, появилась по двум основным причинам:

1) определенные проблемы, связанные с управлением бизнесом, и это касается незначительного количества заинтересованных лиц;

2) желание упростить нотариальное оформление наследственных прав, и это уже касается абсолютно каждого из нас.

На одной из последних встреч, посвященных обсуждению этого законопроекта, с большим удивлением услышала аргумент его влиятельного сторонника о том, что нам не впервой ломать законодательство, регулирующее наследственное право. Да, в известный период нашей истории, когда была отменена частная собственность, это было несложно сделать, но ныне действующее наследственное право основано как раз на возвращении частной собственности и ее правовом регулировании. К сожалению, далеко не все наши граждане уже научились грамотно распоряжаться своей собственностью, особенно это касается старшего поколения. Отчасти поэтому многие современные нормы действующего законодательства, регулирующие правоотношения собственности, а значит, и наследования, пока остаются маловостребованными.

Хочу обратить внимание на то, что свидетельства о праве наследования, а точнее, свидетельства, определяющие только круг наследников и их доли (именно это предлагает законопроект), существуют и в сегодняшнем законодательстве. Нотариусы их выдают для действия за границей. Но это объективно оправданно, поскольку и наше гражданское законодательство (ст. 1224 ГК РФ), и нормы международного права устанавливают порядок и место оформления наследства на недвижимое имущество по правилам той страны, где оно находится.

Безусловно, любую проблему гражданского общества законодатель должен постараться решить. Другое дело — как? Ломать — не строить. А ведь многие вопросы, которые предлагает законопроект, уже урегулированы действующим законодательством. Может быть, не так, как в Европе, а в соответствии с нашим, российским, менталитетом. Но кто сказал, что хуже? Думаю, и у нас есть чему поучиться, о чем свидетельствует большой опыт нашего взаимодействия с коллегами из других стран. Но если мы все-таки решили наше гражданское законодательство выстроить по-европейски, тогда имеет смысл вернуться и к обсуждению нотариальной формы сделок с недвижимостью, как в Европе. Однако для законодателя этот вопрос, к сожалению, остается неактуальным, но хочется надеяться, что открытым.

Уже сегодня многие нормы действующего законодательства могли бы решить проблемы бизнеса. Я имею в виду брачный договор, свободу завещания, закрытое завещание, исполнителя завещания, завещательный отказ, завещательное возложение, подназначение наследника, доверительное управление и др. Но, как показывает практика, эти нормы применяются крайне редко. Например, для завещателя важнее, чтобы после его ухода у семьи не было имущественных споров, и, поверьте, о бизнесе в этот момент думают немногие. А для тех бизнесменов, которых эта тема все же беспокоит, есть возможность кроме существующих способов защиты бизнеса поискать иные в области регулирования правоотношений юридических лиц в обязательственном праве, существенно не затрагивая наследственное. Ведь бизнес, по существу, интересуют не столько имущественные правоотношения, сколько организационные вопросы управления бизнесом.

Много справедливых замечаний уже было высказано по поводу «упрощения» процедуры оформления наследственных прав граждан. Но еще больше сегодня невозможно учесть, их покажет толь-

ко практика, и, вполне вероятно, слишком дорогой ценой. Какой объем специальных законов и других нормативных актов придется изменить? Сколько при этом государственных и иных структур будет задействовано в не свойственном для них процессе оформления наследства? Сколько государственных чиновников придется не только нанять на работу, но и постоянно обучать? Сколько бюджетных средств на это потребуется? А что делать с коррупционной составляющей? И кто будет нести ответственность за неправомерные действия чиновников? Риторические вопросы...

Как просто: заменил три буквы алфавита в слове «наследство», и хорошее дело развалилось. Поэтому огромная просьба практиков и, уверена, подавляющего большинства граждан ко всем, от кого зависит дальнейшая судьба этого законопроекта, — не навредите!

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДОВАНИИ БИЗНЕСА: ПОТРЕБНОСТИ ОБОРОТА И РЕАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

**М.Н. Илюшина,
заведующая кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор**

Развитие законодательства о наследовании бизнеса во многом определяется потребностями современного гражданского оборота. Соответствующий уровень соотношения частных и публичных интересов требует решения ряда задач совершенствования гражданского законодательства, в том числе в сфере регулирования наследственных отношений. Наследственное право как подотрасль гражданского права, самым тесным образом связанная с базовыми институтами гражданского права, не может не испытывать последствий их изменения. Но так сложилось, что до наследственного права у законодателя «руки доходят» в самую последнюю очередь.

Как известно, реформа Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и, соответственно, всего гражданского законодательства находится в одной из самых интенсивных стадий. При этом невозможно не видеть, что законодательство о наследовании, и прежде всего о наследовании бизнеса, находится в недопустимо отсталом состоянии. Причем речь идет о необходимости скорейшего реформирования не только положений гражданского законодательства в целом, регулирующего основы наследственного права, но и специального законодательства, позволяющего нотариусу максимально реализовать субъективные гражданские права, имеющиеся у субъектов наследственных правоотношений.

В связи с этим, учитывая, что рефлекторный, или, проще сказать, заплаточный, подход в реформировании институтов и подотраслей гражданского, и в том числе наследственного, права никогда не создавал долгосрочного эффекта в регулировании общественных отношений, необходимо выделить в наиболее системном виде главные направления реформирования норм гражданского законодательства и особо законодательства о наследовании, в том числе учитывая состоявшиеся итоги реформирования ГК РФ.

В первую очередь следует признать, что не решен вопрос о статусе несовершеннолетних при наследовании бизнеса. Как известно, право на осуществление предпринимательской деятельности возникает с 18 лет.

Исключение составляют предусмотренная законодательством возможность стать членом производственного кооператива с 16 лет, что закреплено в статье 7 Федерального закона от 8.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах»¹, и процедура эмансипации, предусмотренная статьей 27 ГК РФ, в силу соблюдения которой также допускается заниматься предпринимательской деятельностью с 16 лет. Хотя надо отметить, что в юридической литературе существует авторитетная позиция, что данной проблемы не существует и малолетние являются полноценными наследниками, в частности, долей в обществах с ограниченной ответственностью (ООО). Например, этой позиции придерживаются авторы комментария к ГК РФ под редакцией П.В. Крашенинникова, в котором утверждается, что ограничения малолетних детей в праве совершать сделки не влияют на право собственности ребенка, возможность малолетнего стать акционером, участником общества с ограниченной ответственностью и других хозяйственных обществ. Согласно пункту 3 статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им; на имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на его средства.

Так, арбитражный суд признал за малолетними детьми право на переход доли умершего гражданина в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и отклонил утверждение заявителя о том, что малолетние дети не могут являться участниками общества, как противоречащее пункту 1 статьи 28, статьям 1141, 1142

¹ СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

ГК РФ, статье 7 Закона об обществах с ограниченной ответственностью¹ (см. постановление ФАС Уральского округа от 15.04.2003 № Ф09-782/2003-ГК). Арбитражный суд правомерно признал право на переход доли умершего гражданина за малолетними наследниками по закону². Следует признать, что в силу пункта 1 статьи 28 ГК РФ за несовершеннолетних, не достигших 14 лет (малолетних), сделки, за исключением указанных в пункте 2 статьи 28 ГК РФ, могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. Таким образом, в силу закона малолетние наследники обладают субъективным правом выступить в качестве наследника долей в ООО. Далее встает вопрос о моменте и механизме приобретения права участия в ООО и, соответственно, права на осуществление предпринимательской деятельности. А по этому вопросу существует две позиции судов. Первая позиция основана на утверждении, что наследник доли умершего участника приобретает статус участника общества со дня открытия наследства. Именно эта позиция и лежит в основе ранее приведенного мнения ученых (см. постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.03.2012 № 12653/11 по делу № А36-3192/2010).

Однако в практике судов представлена и другая позиция, которая основана на утверждении, что наследник доли приобретает статус участника общества с момента внесения сведений о нем в ЕГРЮЛ, имея в виду случаи, когда доля умершего участника общества переходит к наследникам со дня открытия наследства, если устав общества содержит положение о том, что доля умершего участника переходит к его наследникам только с согласия участников и такое согласие было получено после смерти участника (см. постановление ФАС Дальневосточного округа от 5.03.2012 № Ф03-96/2012 по делу № А73-14693/2010). В этих случаях очень часто налоговая служба не принимает заявления от законных представителей несовершеннолетних о внесении изменений в ЕГРЮЛ, руководствуясь все тем же положением о том, что несовершеннолетние вправе заниматься предпринимательской деятельностью с 18 лет. Круг замкнулся. Кроме того, указанные две позиции судов не позволяют однозначно установить момент возникновения

¹ Федеральный закон от 8.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2013. Ст. 28.

у наследника права на участие в управлении делами. Это оказалось чрезвычайно важно для определения момента прекращения полномочий душеприказчика или доверительного управляющего.

Соответственно, необходимо уточнить статус несовершеннолетних в наследственных правоотношениях. На наш взгляд, это можно сделать как в ГК РФ, так и в специальном законодательстве об отдельных юридических лицах. Прежде всего необходимо закрепление прав несовершеннолетних в отношении юридических лиц, построенных по принципу организаций — объединений лиц. Наиболее актуальным решение этой проблемы видится в отношении наследования долей в обществах с ограниченной ответственностью.

Второй вопрос связан с определением объема прав, которые переходят в порядке наследования как универсального правопреемства. В соответствии со статьей 1112 ГК РФ на сегодняшний день в состав имущества входят принадлежащие наследодателю вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. В связи с этим требует разрешения следующий, более общий вопрос: какие конкретно права, входящие в состав гражданских прав с учетом их современной классификации, переходят по наследству? Как известно, Федеральный закон от 8.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, вводя статью 307.1 ГК РФ, признал в части правоту прежней редакции статьи 48 ГК РФ в восполнительном формате и установил, что, поскольку иное не установлено настоящим Кодексом, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений, общие положения об обязательствах применяются к требованиям, возникшим из корпоративных отношений. Как известно, Федеральным законом от 5.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»² введена статья 65.1 «Корпоративные и унитарные юридические лица», в силу которой квалифицированы как корпоративные следующие юридические лица: хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские

¹ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

² СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации. В силу этого требуют пересмотра статья 1176 ГК РФ как не содержащая правил о наследовании корпоративных прав хозяйственного партнерства и статья 1179 ГК РФ, которая не учитывает корпоративный характер прав участников крестьянского (фермерского) хозяйства, закрепленный новой статьей 86.1 ГК РФ.

Назрела необходимость признать актуальность рассмотрения вопроса о поиске правового решения перехода прав в порядке правопреемства в частных учреждениях. Речь идет о довольно крупных частных вузах, больницах, медицинских центрах, автошколах и т.д. Как выясняется, это значимые имущественные комплексы, которые нельзя унаследовать. Понимая их унитарную природу, исключаящую по общему правилу переход прав на данное имущество в порядке наследования, все-таки нельзя отрицать того обстоятельства, что в основе этой формы организации деятельности лежит частная собственность и при этом закон признает право частных учреждений заниматься деятельностью, приносящей доход. Выход из этого положения видится в возможности закрепить в качестве объекта наследования право на участие в управлении этими организациями.

Третий момент связан с необходимостью определиться с новой группой обязательствных прав, вытекающих из таких новых договорных конструкций, как опционные договоры (ст. 429.2–429.3 ГК РФ). Конструкция соглашения об опционе на заключение договора и предполагаемая область его применения определили появление правила о том, что допускается переход прав по опциону на заключение договора к другому лицу, если иное не предусмотрено этим соглашением или не вытекает из его существа. Это правило также носит диспозитивный характер: стороны могут своим соглашением запретить к действию это право. Оно не может быть реализовано и в случае, если характер прав и их существо не позволяют их передачу другому лицу, например носят личный характер. Здесь следует указать, что, даже если стороны не погасили это право своим соглашением, указанные правила будут действовать в силу общих положений, которые установлены для перехода прав по правилам статей 382–386 ГК РФ. Если признавать саму

возможность наследования данных прав, нужен новый механизм: опцион, направленный на передачу корпоративных прав, позволил бы рассматривать данный переход не как переход обязательственных прав, а как переход корпоративных прав со всеми гарантиями, которые имеются в корпоративном законодательстве для участников корпорации и самого общества с ограниченной ответственностью.

Четвертый вопрос касается закрепления в законодательстве мер защиты добросовестного наследника в период принятия наследства. Следует признать справедливой неоднократно высказывавшуюся в литературе необходимость предусмотреть для наследников защиту на этапе принятия наследства (на период неопределенности имущественных прав). Как ни странно, но закон допускает на этом этапе только опосредованную защиту прав наследников — в форме договора доверительного управления. Надо отметить, что сама конструкция договора доверительного управления, применяемого для наследования бизнеса, в частности в отношении долей в ООО, представляется совершенно непригодной, поскольку имеет довольно ограниченный арсенал правовых средств: в частности, в судебной практике при отсутствии определенного подхода в законе не решен вопрос о пределах в управлении данным имуществом. Например, по вопросу о том, вправе ли доверительный управляющий голосовать на общем собрании участников общества, существует две позиции судов. В соответствии с первой позицией доверительный управляющий не вправе голосовать на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью. Суды в этом случае исходят из анализа положений главы 53 ГК РФ о доверительном управлении, согласно которым доверительный управляющий не может осуществлять права участника общества по управлению долями. «...Возможности доверительного управления наследственным имуществом ограничены, он не вправе управлять долями путем голосования на общих собраниях, распоряжаться имуществом путем заключения различных сделок, его задача состоит лишь в охране наследственного имущества, в недопущении принятия решений, способных причинить вред имущественным интересам будущего наследника, либо возложение на него дополнительных обязанностей»¹. Вто-

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 31.08.2010 по делу № А29-10522/2009.

рая позиция основывается на том, что доверительный управляющий вправе голосовать на общих собраниях участников общества с ограниченной ответственностью. Суд исходит из толкования пункта 2 статьи 1012 ГК РФ, согласно которому, осуществляя доверительное управление имуществом, доверительный управляющий вправе совершать в отношении этого имущества в соответствии с договором доверительного управления любые юридические и фактические действия в интересах выгодоприобретателя. Доверительный управляющий осуществляет в пределах, предусмотренных законом и договором, правомочия собственника в отношении имущества, переданного в доверительное управление¹.

Нотариус же обладает довольно ограниченными возможностями по охране наследственного имущества. Речь идет прежде всего о наследниках исключительных прав на наименование мест происхождения товара (п. 1 ст. 1519 ГК РФ) и на коммерческое обозначение в качестве средства индивидуализации принадлежащего правообладателю предприятия (п. 1 и 4 ст. 1539 ГК РФ). Как известно, эти объекты переходят только в случае, если наследником будет индивидуальный предприниматель или юридическое лицо. Это решение представляется неправильным. Данные объекты должны переходить к наследникам, и не имеющим такого статуса, но без права их использования до его получения. При этом наследник должен получить право на распоряжение указанными правами и защиту от третьих лиц. Также такое право непосредственной защиты должны получить все наследники, находящиеся в периоде ожидания истечения срока для принятия наследства, на все время приема наследства, поскольку наследник является по своему правовому статусу добросовестным законным владельцем наследственного имущества.

Наконец, для решения вопросов, которые возникают во множестве и, как правило, сразу в виде спора, требуются немедленные изменения в базовых законах, регулирующих правовой статус хозяйственных обществ, — Законе об обществах с ограниченной ответственностью и Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Речь идет о выплате наследнику, не принятому в состав ООО, действительной стоимости доли, переходящей по наследству.

¹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 6.05.2010 по делу № А74-1567/2009.

По общему правилу общество обязано выплатить наследнику действительную стоимость доли или выдать в натуре имущество такой же стоимости в течение года со дня перехода доли к обществу, если меньший срок не предусмотрен Законом об обществах с ограниченной ответственностью или уставом (п. 8 ст. 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью).

Срок, в течение которого участники общества могут отказать наследнику в принятии его в ООО, в Законе об обществах с ограниченной ответственностью не установлен. Не определен также период для выплаты в случае такого отказа действительной стоимости доли. Кроме того, на практике возникают иные вопросы, связанные с выплатой наследнику доли в уставном капитале общества. В частности, необходимо закрепить, что наследник в случае, если участники не дали согласия на прием наследника в состав ООО, а такое согласие должно быть по уставу, имеет право на получение не действительной стоимости доли, как сейчас записано в пункте 8 статьи 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, а рыночной стоимости, как указано в статье 1115 ГК РФ. И кроме того, необходимо указать в виде императивного правила положение о том, что переход доли в порядке наследования возможен только в той части, в которой она оплачена.

Наконец, в свете состоявшихся изменений положений ГК РФ о решениях собраний, обязательствах и договорах требуется осмысление перспективы рассмотрения вопросов о правопреемстве в порядке наследования прав на оспаривание состоявшихся решений собраний обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ, а также оспаривание сделок, договоров и прав, возникающих из них.

ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ АКЦИЙ

В.В. Долинская,
профессор кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ,
доктор юридических наук, профессор

Принятие и введение в действие Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в том числе его части третьей, ознаменовали легальное расширение круга объектов гражданских прав, включая объекты наследования¹. Наследованию акций в современном отечественном законодательстве посвящены фактически две нормы: пункт 5 статьи 149.2 и пункт 3 статьи 1176 ГК РФ. О нем также упоминается в пункте 4.1 Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров, утвержденного приказом ФСФР России от 2.02.2012 № 12-6/пз-н (далее — Положение об ОСА).

Проблему представляет отсутствие в законодательстве унифицированного определения акции. Согласно статье 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон № 39-ФЗ) «акция — эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации. Акция является именной ценной бумагой». В той же статье эмиссионная ценная бумага определяется через одновременное наличие трех признаков: «закрепляет совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных настоящим Федеральным законом формы и по-

¹ См. подробнее: Долинская В.В. Наследственное право: Учеб. пособие. 2-е изд., изм. и доп. М., 2004.

рядка»; «размещается выпусками»; «имеет равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги».

Однако в законодательстве отсутствует унифицированное определение ценной бумаги (см. ст. 142 ГК РФ; ст. 2 Закона № 39-ФЗ; п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», далее — Закон об АО). Содержание ценной бумаги раскрывается через категорию, которая должна определяться, но не определяется в законе (право), кроме того, законодатель определил не все виды прав. Статья 142 ГК РФ использует неоднозначно трактуемое понятие «документ».

Анализ правовых актов и доктринальной литературы¹ позволяет выделить наиболее часто упоминающиеся признаки:

- 1) закрепление в ценной бумаге какого-либо права;
- 2) необходимость придания ценной бумаге установленной для нее формы с соблюдением обязательных реквизитов;
- 3) необходимость предъявления ценной бумаги (при документарной форме) для осуществления закрепленного в ней права (презентация или презентативность);
- 4) способность ценной бумаги к обращению (транзитивность);
- 5) публичная достоверность ценной бумаги.

Но в целом понятие и природа ценной бумаги до сих пор остаются дискуссионными вопросами.

В сопоставлении с ценными бумагами акции можно охарактеризовать:

- 1) по воплощению имущественного права — как выражающие имущественные права;
- 2) с точки зрения перевода — как предъявительские и именные (в мире) или только именные (в России);
- 3) с точки зрения доходов — как не дающие постоянного дохода;
- 4) с точки зрения эмитента — как частные;
- 5) с точки зрения эмиссии — как бумаги массового выпуска;

¹ См.: Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М., 1994; Киячков А.А., Чалдаева Л.А. Рынок ценных бумаг и биржевое дело. М., 2002; Крашенинников Е.А. О легальных определениях ценных бумаг // Известия вузов: Правоведение. 1992. № 4. С. 35–39; Митрошина М.В. Ценные бумаги как объект гражданско-правового регулирования гражданско-правовой и уголовно-правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Юлдашбаева Л.Б. Гражданско-правовое регулирование сделок с эмиссионными ценными бумагами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

6) с точки зрения формы выпуска — как документарные и бездокументарные;

7) с точки зрения положения на рынке денег и капиталов — как рыночные ценные бумаги.

Постатейный анализ Закона об АО позволяет установить, что акции свидетельствуют о внесении известного вклада в капитал акционерного общества (далее — АО), удостоверяют участие в АО, дают право на получение определенного, но не постоянного дохода в виде части прибыли АО (дивиденда), предоставляют право на долю имущества АО в случае его ликвидации, дают право на участие в управлении АО, в ряде случаев — право голоса на общих собраниях акционеров (далее — ОСА), во всех случаях обеспечивают право доступа к важнейшим документам АО и право возмездного получения их копий, во всех случаях наделяют обязанностями по отношению к АО (соблюдать положения устава и договора о создании (для учредителей), локальных нормативных актов; вносить вклады в порядке, размере и способами, предусмотренными законом, внутренними документами, проспектом эмиссии; исполнять решения органов управления АО и др.).

Пункт 1 статьи 2 Закона об АО подчеркивает, что акции удостоверяют обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу.

На основании вышеизложенного нами было разработано следующее определение, больше, на наш взгляд, удовлетворяющее потребностям научных исследований и правоприменительной практики.

Акция — это эмиссионная ценная бумага массового выпуска частных эмитентов (исключительно АО), которая выпускается как именная, в документарной и бездокументарной форме; свидетельствует о внесении известного вклада в уставный капитал АО; удостоверяет участие в этом обществе; наделяет своего владельца имущественными, организационно-имущественными (в первую очередь корпоративными) и личными неимущественными правами и обязанностями, в том числе обязательственными правами по отношению к обществу на получение непостоянного дохода в виде части прибыли общества (дивиденда) и части стоимости имущества, остающегося после его ликвидации, правом на участие в управлении АО; причем эти права могут быть реализованы: для документарных акций — при предъявлении самой акции, для бездокументарных акций — при предъявлении документов, под-

тверждающих факт существования акции и принадлежность ее конкретному субъекту¹.

Помимо общего понятия акции на практике возникают иные затруднения с определением объекта наследования. Статья 1164 ГК РФ говорит о поступлении наследственного имущества со дня открытия наследства в общую долевую собственность наследников. «Имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками... Участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества» (п. 1, 2 ст. 252 ГК РФ). Об общей долевой собственности гласит пункт 3 статьи 57 Закона об АО, но идет ли речь о дробных акциях или другой ситуации, остается спорным вопросом. Законодатель предусматривает закрытый перечень оснований возникновения дробных акций (см. ст. 7, 25, 40, 41, 74 Закона об АО). Их существование — величина переменная: при приобретении одним лицом двух и более дробных акций одной категории (типа) эти акции образуют одну целую и (или) дробную акцию, равную сумме этих дробных акций (абз. 4 п. 3 ст. 25 Закона об АО). Хотя существует противоречие между абзацем 2 пункта 3 статьи 25 и статьей 52, пунктом 7 статьи 49, пунктом 7 статьи 55, пунктом 5 статьи 71, статьей 91 Закона об АО (владелец дробной акции имеет полное право, а не часть его на информацию, на обжалование решения ОСА, на подачу иска о возмещении убытков, причиненных АО его органами управления, и т.п.), но в целом из наименования и характеристики предоставляемых прав по объему (абз. 2 п. 3 ст. 25 Закона об АО) можно сделать вывод, что режим дробных акций тяготеет к режиму отдельных вещей.

Умозрительно можно делать вывод о защите прав акционеров, так как исчезла действовавшая до 1 января 2002 года норма статьи 74 Закона об АО о принудительном выкупе дробных акций. Практики же считают институт дробных акций не отражающим потребности гражданского оборота (в силу узости круга оснований возникновения и прекращения) и необоснованно усложняющим учет прав и акций, решение организационных вопросов в АО (проведение ОСА) и др. Наследственное право также явно демонстрирует недостатки этой нормы.

¹ См. подробнее: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции: монография. М., 2006.

Определенные организационные сложности представляет процедура принятия наследства. Для получения свидетельства о праве на наследство необходимо представить документы, подтверждающие факт существования наследственной массы и права на нее наследодателя. Это акция (ее сертификат), выписка из реестра владельцев именных ценных бумаг. Нотариус не входит в число лиц, имеющих право затребовать информацию у регистратора (п. 7.9 Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утвержденного постановлением ФКЦБ России от 2.10.1997 № 27, далее — Положение о ведении реестра; п. 4.2 Положения о порядке ведения реестра эмиссионных ценных бумаг, утвержденного Банком России 11.09.2014 № 430-П). Таким образом, потенциальный наследник должен обратиться к нотариусу с просьбой направить соответствующий запрос эмитенту, а тот, в свою очередь, предоставляет регистратору распоряжение с указанием объема требуемой информации (п. 7.9.2 Положения о ведении реестра).

Следующий вопрос — о размере государственной пошлины, взыскиваемой при переходе имущества в порядке наследования. Сами по себе акции как ценные бумаги не создают стоимости и прибавочной стоимости. Превращение ценных бумаг в деньги не связано непосредственно с кругооборотом реального капитала АО. Фиктивный капитал — капитал, представленный в ценных бумагах (в том числе в акциях), приносящих доход их владельцам и совершающих самостоятельное движение на рынке ценных бумаг, где они продаются и покупаются, — в отличие от реального не является обособившейся частью промышленного капитала и не выполняет никаких функций в процессе движения и самовозрастания промышленного капитала. Однако фиктивный и реальный капитал связаны друг с другом. Фиктивный капитал, претендующий на получение известной доли прибавочной стоимости, но сам ее не создающий, возникает и развивается на основе реального капитала. Из расчета какой суммы должна взыскиваться госпошлина? Исходя из номинальной стоимости? Или рыночной? Кем в последнем случае она определяется: советом директоров (наблюдательным советом) или независимым оценщиком? Ни правовые акты, ни правоприменительная практика не дают единообразного ответа на данные вопросы.

«Наследники, к которым перешли... акции, становятся участниками акционерного общества» (п. 3 ст. 1176 ГК РФ). Обратим внимание на норму пункта 1 статьи 146 ГК РФ, по которой с пере-

ходом права на документарную ценную бумагу переходят все удостоверенные ею права в совокупности, и на нормы пунктов 2 и 5 статьи 149.2 ГК РФ. Пункт 2 гласит о специфике бездокументарных ценных бумаг (напомним, что существуют акции в России в документарной и бездокументарной формах, а выпускаются теперь только в бездокументарной): «Права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя». Пункт 5 представляет именно специфику наследственного права: «Оформление перехода прав на бездокументарные ценные бумаги в порядке наследования производится на основании представленного наследником свидетельства о праве на наследство (статья 1162)».

Обычно правопреемство рассматривают с точки зрения гражданского оборота, но через правообладание мы выходим на вопрос правового статуса субъекта и на защиту его прав. В отечественной научной литературе сформировались две основные теории правопреемства: дискретная (Б.С. Антимонов, В.П. Грибанов, В.А. Рясенцев и др.¹) и транзитивная (Д.М. Генкин, Б.Л. Хаскельберг, Б.Б. Черепахин и др.²).

К сожалению, ни в законодательстве, ни в судебной практике нет единого подхода к понятию правопреемства³. Так, пункт 2 статьи 8, пункт 1 статьи 157 ГК РФ говорят о возникновении права, пункт 1 статьи 21, пункты 1, 2 статьи 53, пункты 1, 2 статьи 125 ГК РФ — о приобретении права, пункт 1 статьи 131, статьи 142, 146, пункты 2, 4 статьи 209, статья 217, пункт 2 статьи 218, статья 1110, пункт 3 статьи 1176 ГК РФ — о переходе и передаче права, объекта.

¹ См.: Антимонов Б.С. Возникновение права собственности у покупателя при новых формах розничной торговли в советских магазинах // Ученые записки ВИЮН. М., 1959. Вып. 9; Грибанов В.П. Правовые последствия перехода имущества по договору в советском гражданском праве // Советское государство и право. 1955. № 8; Рясенцев В.А. Наследование по закону и по завещанию в СССР. М., 1972; Его же. Право собственности. Общие положения // Советское гражданское право: Учебник: в 2 т. М., 1985. Т. 1.

² См.: Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961; Хаскельберг Б.Л. Приобретение права личной собственности // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 96—101; Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962.

³ Применительно к сделкам по Закону об АО см. об этом постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2.12.2003 № 9736/03, от 9.12.2003 № 12258/03.

С какого момента и какие права переходят в собственность наследника?

Согласно пункту 4 статьи 1152 ГК РФ «принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации».

Переход права на акции подчиняется требованиям Закона № 39-ФЗ, согласно статье 29 которого право на именную бездокументарную ценную бумагу переходит к приобретателю:

а) в случае учета прав на ценную бумагу у лица, осуществляющего депозитарную деятельность, — с момента внесения приходной записи по счету депо приобретателя;

б) в случае учета прав на ценную бумагу в системе ведения реестра — с момента внесения приходной записи по лицевому счету приобретателя.

Права, закрепленные эмиссионной ценной бумагой, переходят к их приобретателю с момента перехода прав на эту ценную бумагу. Переход прав, закрепленных именной эмиссионной ценной бумагой, должен сопровождаться уведомлением держателя реестра или депозитария либо номинального держателя ценной бумаги.

В соответствии с пунктом 7.3.2 Положения о ведении реестра регистратор вносит в реестр записи о переходе прав собственности на ценную бумагу в результате наследования по представлении подлинника или нотариально удостоверенной копии свидетельства о праве на наследство (передается регистратору); документа, удостоверяющего личность (предъявляется регистратору); подлинника или нотариально удостоверенной копии документа, подтверждающего права уполномоченного представителя (передается регистратору); сертификатов ценных бумаг, принадлежавших прежнему владельцу, при документарной форме выпуска (передаются регистратору).

Выявленные противоречия в законодательстве негативно сказываются на имущественных отношениях, при проведении ОСА, в корпоративных спорах.

Первое продемонстрируем на примере дивидендов, правом на получение которых при определенных условиях акция наделяет своего владельца.

Минфин России в письме от 29.10.2007 № 03-04-06-01/363 указал: если «дивиденды начислены, но не выплачены наследодателю, наследник наследует от физического лица — наследодателя не денежные средства в виде дивидендов, а право на их получение». Такая позиция объясняется тем, что в случае признания за наследником права на дивиденд и последующего включения суммы объявленного дивиденда в наследственную массу наследник в соответствии с пунктом 18 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации должен быть освобожден от уплаты налога на доходы физических лиц.

Однако суды не столь однозначны в своих выводах. Так, в постановлениях ФАС Западно-Сибирского округа от 15.09.2009 № Ф04-5561/2009(19577-А45-11), от 11.11.2008 № Ф04-6792/2008(15485-А75-16), ФАС Северо-Кавказского округа от 15.07.2005 № Ф08-1840/2005 установлено, что право требования от общества выплаты объявленных дивидендов может существовать в отрыве от ценной бумаги, его удостоверяющей. Право требования объявленных дивидендов возникает в день формирования списка лиц, имеющих право участвовать в ОСА, на котором принимается соответствующее решение о выплате дивидендов¹, и не утрачивается даже при последующем отчуждении акций².

То есть выделяются два самостоятельных объекта наследования: право на получение дивиденда как составляющая акции и сам объявленный дивиденд.

Начнем со второго случая как более простого. Решение о выплате дивидендов принято на ОСА, но дивиденды не выплачены в связи со смертью акционера. После принятия решения ОСА о выплате дивидендов общество считается объявившим о выплате дивидендов, и с этого момента право общества на распределение прибыли в дивиденды, на начисление дивидендов участникам трансформируется в обязанность АО по выплате дивидендов (см., например, постановление ФАС Дальневосточного округа от 20.03.2012 № Ф03-707/2012). Таким образом, объявленные дивиденды войдут в наследственную массу как имущество акционера-наследодателя на момент открытия наследства (ст. 1112 ГК РФ). На практике АО требуют от наследников в качестве правопод-

¹ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 2.10.2008 № 11837/08.

² Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.07.2005 № Ф08-1840/2005.

тверждающего документа отдельное свидетельство о праве на наследство в отношении дивидендов.

Иная ситуация: на момент смерти акционера-наследодателя решение о выплате дивидендов еще не принято. В корпоративной практике встречаются две позиции.

Первая: право на получение части прибыли в составе акции абстрактно, все условия его реализации на момент смерти наследодателя не наступили, а имущество, которое трансформируется в будущем в дивиденды, еще не обособлено. Таким образом, наследники не участвуют в распределении прибыли в дивиденды в этом году. Косвенным подтверждением такой позиции является персонификация лицевых счетов владельцев именных ценных бумаг, каковыми являются акции.

Вторая позиция: прибыль распределяется не между участниками АО, а по акциям, и дивиденды начисляются не столько конкретному владельцу ценной бумаги, сколько на акцию (ст. 42 Закона об АО). Косвенным подтверждением такой позиции является введение в правовой оборот понятия «акции, учтенные на счете неустановленных лиц» (например, п. 2.14 Положения об ОСА).

В любом случае нотариус выдает свидетельство о праве на наследство в отношении акций, а наследник в случае спора с АО по поводу получения дивидендов обращается в суд.

Пункт 2 статьи 57 Закона об АО указывает на принадлежность права на участие в ОСА приобретателю акции в случае ее передачи после даты составления списка лиц, имеющих право на участие в ОСА, и до даты проведения собрания.

Пункт 4.1 Положения об ОСА, несмотря на некоторую некорректность, предусматривает участие в общем собрании субъектов, к которым в порядке наследования перешли права на акции «лиц, включенных в список лиц, имеющих право на участие в общем собрании»¹.

Все вышеизложенное в совокупности с характеристикой АО как объединения капиталов, а не лиц доказывает, на наш взгляд, что если на момент отчуждения акций акционер имел право на обжалование действий АО (решений органов управления, сделок),

¹ Как правило, при наследовании — длительном процессе — новые субъекты оказываются уже включенными в список. Если свидетельство о праве на наследство еще не выдано, наследование не считается свершившимся, перехода прав на акции нет, и допуску на собрание эти лица не подлежат.

то это право переходит к новому акционеру в составе переданного комплекса прав, принадлежавшего отчуждателю акций. Соблюдение условий подачи иска в суд, срока исковой давности, необходимость представления доказательств нарушения прав и законных интересов акционера (п. 38 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.11.2003 № 19 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об акционерных обществах”») препятствуют злоупотреблениям своими правами со стороны новых акционеров и необоснованному росту числа судебных разбирательств.

В первую очередь имущественные права акционеров в отношении АО, права на решение судьбы юридического лица опосредуются через акции¹. Наследственное право обеспечивает стабильность гражданского оборота и, в некоторой степени, социальную справедливость в сфере частного права. В связи с этим исследования вопросов наследования акций являются актуальными, а правовое регулирование требует совершенствования.

¹ Акционерное общество может выпускать в обращение и другие ценные бумаги, но, как правило, они не отражают специфику акционерного права.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В МИРЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

И.Г. Медведев,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральского государственного юридического университета,
директор Центра нотариальных исследований,
кандидат юридических наук, доктор права (Франция)

Мишель Гримальди,
профессор юридического факультета
Университета Париж II Пантеон-Ассас

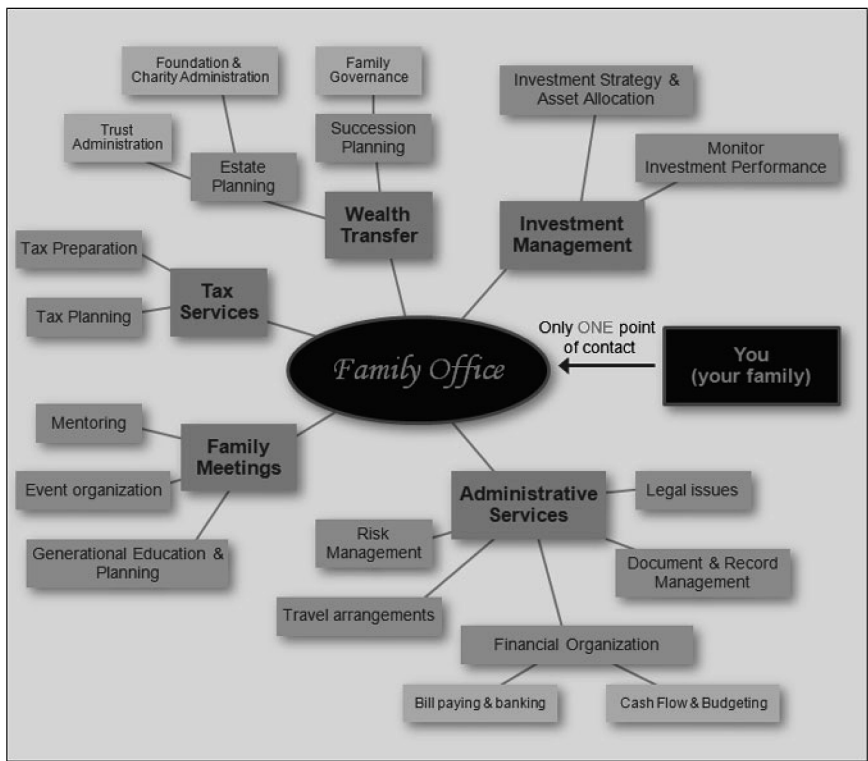
У вопроса о тенденциях развития наследственного права в мире нет простого ответа, как не существует единого для всех, универсального наследственного права. Уже потому, что каждое наследственное право, взятое в отдельности, довольно сложно для анализа, так как является комплексной отраслью права. Потому как наследственное правопреемство является одновременно имущественным, семейным и посмертным, а регулирующее его право находится на перекрестке вещного, семейного и обязательственного права, которые привносят в него собственные, нередко противоречащие друг другу идеологии. Так, от концепции семьи зависит, например, призывание к наследованию внебрачного ребенка, пережившего супруга или сожителя; от концепции имущества зависит единое регулирование всех активов наследства или же, напротив, определение специальных правил для некоторых их видов, как, например, предприятия (бизнес) или сельскохозяйственные земли; от концепции смерти зависит широта полномочий, которые признаются за каждым в самостоятельном определении судьбы своего имущества после ухода в мир иной. Поэтому большинство национальных систем наследования — это право компромисса, что не упрощает выявление общих тенденций их развития. Не избежало этой участи и российское наследственное право, которое сегодня вновь оказалось на очередном

витке своей эволюции, где как никогда требуется примирение зачастую противоположных подходов.

На сегодняшний день можно увидеть три основные тенденции развития наследственного права.

Во-первых, это *жизнеспособность наследственного права*: повсюду в мире наследственное право находится в движении! Не случайно эта тема уже не единожды, в 2014 и 2015 годах, становилась предметом обсуждения на ПМЮФ.

Во-вторых, это *либерализация наследственного права*: воля индивидуумов, как наследодателя, так и наследника, сегодня в большей степени, чем вчера, учитывается при наследовании. Это, в частности, вызвало появление нового направления юридической практики — наследственного планирования (*estate planning*), активно развивающегося в целом ряде юрисдикций, как части модели комплексного управления семейной собственностью на протяжении поколений в одной семье или так называемых *family offices*. В упрощенном виде их функциональная структура может выглядеть следующим образом:

В-третьих, это *координация национальных правовых порядков*: международные соглашения или объединения государств, как СНГ или Евросоюз, вырабатывают механизмы сотрудничества, гармонизации и даже унификации, которые содействуют созданию трансграничных правовых пространств в области наследования.

Перейдем к более подробной характеристике каждой из указанных тенденций.

І. Жизнеспособность наследственного права проявляется в ряде аспектов.

Появление наследственного права в актуальной повестке дня — относительно недавнее явление. Еще каких-то 20–30 лет назад наследственное право имело репутацию слишком технического и конфликтного и было, скорее, уделом ограниченного круга специалистов, питая ряд нескончаемых судебных процессов. Не так много доктринальных работ и слишком мало молодых юристов видели для себя в этой области многообещающее будущее. Сегодня все изменилось.

В целом ряде стран можно наблюдать подлинное восстановление наследственного права как результат полной смены экономического режима, вытеснения коллективизма либерализмом. Частная собственность неотделима от наследования: она возникает только как растянутая во времени на всем протяжении ряда последовательных поколений; *«...потому что она наследуема, она может творить великие дела»*, — писал профессор Карбонье¹. В странах, где коллективная собственность изгоняла частную, как в Советской России, классическое наследственное право чахло и исчезало. Когда же частная собственность была в них восстановлена, с ней восстало из пепла и наследственное право. Это произошло в постсоветский период в России и во всех странах Восточной Европы. Также это происходит сегодня в странах, которые, как Китай или Вьетнам, остаются в теории верны марксистским догмам, но развивают рыночную экономику: в них изобретаются права, которые хоть и иначе называются, но не сильно отличаются от права собственности, в том числе и потому, что могут передаваться по наследству.

В других странах, которые никогда не знали коллективистского режима, мы являемся свидетелями уже не восстановления, а *пол-*

¹ Carbonnier J. Flexible droit, Pour une sociologie du droit sans rigueur. LGDJ. 10e éd. 2001. P. 384.

ной или частичной перестройки наследственного права, вызванной глубокими изменениями концепций семьи и собственности.

Когда речь идет о семье, то здесь возросшее значение так называемой супружеской семьи и относительный ему упадок «кровной семьи» объясняют, почему брачная связь превосходит кровно-линейную, когда, например, переживший супруг исключает призвание к наследованию братьев и сестер; точно так же воплощение в законе принципа равенства родственников одной линии устранило существовавшие ранее наследственные ограничения, от которых страдали внебрачные дети.

Говоря о *собственности*, традиционное разделение между движимым и недвижимым имуществом дублируется сегодня разделением между профессиональным и личным имуществом, которое при наследовании все больше заменяет первое. Раньше наследственный закон защищал недвижимость, которую он стремился в *частных* интересах семьи сохранить внутри нее самой, тогда как в настоящее время он защищает предприятия, бизнес, которым он в *общих* интересах старается обеспечить выживание даже в руках третьего лица, несмотря на исчезновение их владельца.

Конечно, эти изменения, особенно отражающие эволюцию семьи, не идут везде в одном темпе и с одинаковой глубиной: они бесконечно более медленны и поверхностны в странах мусульманского права, где наследственный закон, который определяет призвание к наследству в зависимости от пола, религии и *качества* родственных связей, записан в Коране. Очевидно, что божественный закон, данный и воспринимаемый как откровение, не может развиваться так же быстро и непредсказуемо, как закон человеческий.

Понемногу везде как отдельная профессиональная специализация развивается *наследственная инженерия*. Раньше наследства передавались без особой подготовки: планирование наследства означало и ограничивалось для большинства совершением завещания. В настоящее время подготовка наследования становится все более сложным и амбициозным процессом: с одной стороны, он включает организацию и структурирование имущества, то есть выбор с точки зрения будущей его передачи по наследству наиболее разумных форм вложения (например, в страхование жизни, ценные бумаги, другие активы) и адекватных способов владения (например, через общество и/или фонд, траст); с другой стороны, он предполагает обращение к нетипичным и сложным схемам рас-

поряжения имуществом, которые часто приводят, в чрезмерной заботе о налоговой оптимизации наследства, к прогрессивному вымыванию волеизъявления наследодателя как такового и выбытию классических наследников из процесса. В особенности это характерно для получивших нездоровую популярность у состоятельных семей трастовых моделей управления и передачи собственности будущим поколениям. При этом цели стратегий наследственного планирования могут быть различны: от заблаговременной передачи активов младшему поколению (дарение, рента) до исключительно снижения налогового бремени при наследственном правопреемстве.

II. Либерализация наследственного права является еще одной тенденцией развития наследственного права, традиционными границами которого являются обязательная доля и запрет наследственных договоров в отношении будущего наследства.

Свобода в наследственном праве — это прежде всего свобода *наследодателя* решать судьбу своего имущества: либо на час своей смерти, завещав его; либо, действуя заблаговременно, даря его. Это также и свобода *наследника* распоряжаться своими наследственными правами: уступать их или отказываться от них. Однако два института наследственного права могут связывать по рукам и ногам эти свободы. Прежде всего это правила об *обязательной доле*, которые устанавливают обязательный для наследодателя лимит его свободы завещать и нередко также дарить. Затем — *запрет наследственных договоров в отношении будущего наследства*, который, с одной стороны, запрещает наследодателю распоряжаться безотзывным образом своим наследством для сохранения свободы завещания и который, с другой стороны, препятствует наследнику закрепить в договоре его права на неоткрытое наследство, чтобы избежать злоупотреблений возможным влиянием, о существовании которых нередко начинают подозревать в таких семьях.

Оба этих правовых института — обязательная доля и наследственный договор — не одинаково восприняты в различных правовых системах. Обязательная доля представляет собой самый известный пункт для расхождения между странами *common law*, которым он неизвестен, и странами *civil law*, которые его признают. Что касается запрета наследственных договоров, то он более строг во Франции, Бельгии и других странах латинской правовой традиции, чем в Германии и Швейцарии, где допускаются договоры, посредством которых наследодатель бесповоротно определяет

судьбу своего имущества (что связано в том числе и с невысокой популярностью наследования по завещанию в немецкой правовой традиции).

Однако тенденция очевидна: либерализм захватывает пространство. Так, например, институт *обязательной* доли исчез — без сомнения, по причине «заразного» англосаксонского окружения — из материального права ряда стран цивилистической правовой традиции в Северной Америке (Квебек, Луизиана). В других странах он сжимается: либо право на обязательную долю забирают у некоторых наследников, например по восходящей линии (Франция); либо уменьшают ее размер; либо вводят инструменты, позволяющие успешно обходить данное ограничение на практике (например, страхование жизни).

Что касается запрета наследственных договоров в отношении будущего наследства, то он также ослаблен в целом ряде юрисдикций. Государства отказываются от безусловного запрета наследственных договоров с учетом полезности и удобства их использования в отдельных случаях: например, как средства передачи предприятия (бизнеса) или для урегулирования специфических ситуаций, возникающих при распаде семей и возникновении новых брачных союзов. Здесь, в частности, можно упомянуть конструкцию итальянского права — договора о семейном предприятии; или супружеский договор в бельгийском праве, так называемый пакт Валкеньерса (*Pacte Valkeniers*), которым супруги взаимно отказываются от наследственных прав в пользу детей от предыдущего брака; или еще универсальный договор французского права, в котором обязательный наследник может до открытия наследства отказаться от прав требования к тому или иному лицу, получившему от наследодателя имущество в дар или по завещанию.

Для такой либерализации наследственного права существует ряд причин, среди которых можно выделить две основные.

Первая заключается в появлении *новой иерархии оснований наследования*. Сегодня экономические основания возобладали над семейными, что, впрочем, не удивительно в эпоху, когда экономическая эффективность везде ставится во главу угла, а семейные ценности затухают, — эпоху, в которую Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с большей легкостью описывает контуры права собственности, гарантированного статьей 1 протокола № 1, чем определяет семью в статье 8 Конвенции. Поэтому там, где экономические соображения оказываются в фаворе, обязательная

доля тем более отрицается как препятствие свободной передаче имущества, особенно бизнеса, и как посягательство на суверенное право собственника распоряжаться своим имуществом, хотя бы и безвозмездно и на случай смерти. Явным примером такого подхода являются страны *common law*, где экономическая доминанта преобладает. И наоборот, там, где интересы семьи в приоритете, обязательная доля сохраняется как выражение семейной солидарности и общей, *продолженной* через поколения, собственности. Достаточно примечательно, что в 1996 году Конституционный суд Колумбии поместил эту самую общую семейную собственность под конституционную защиту по мотиву того, что «она является естественным и очевидным отражением воли создать семью»¹.

Вторая причина связана с определенным *видением человека*. Человек в XXI веке воспринимает себя как сильного своей собственностью и уверенного в своей воле. С одной стороны, он получает право «приказывать» потомкам, даже умерев, из глубины своей могилы, вдохновляясь этой концепцией, на которой, кстати, основано и завещание: «...для энергичного человека нет ничего невозможного»² (проф. Ж. Карбонье). С другой стороны, он полагает себя способным участвовать в определении прав в будущем наследстве, устанавливая из прошлого запреты и ограничения, которые нередко бесполезны или даже вредны.

Однако и у набирающей обороты либерализации наследственного права должны быть свои пределы. Либеральная эволюция наследования не должна скрывать из виду, что завещательная свобода — это не просто экономическая свобода, как все прочие, и что она всегда остается под определенным контролем.

Необходимость такого контроля связана с тем, что завещательная воля — это воля *post mortem*, реализуемая в момент, когда нас уже не будет, и что живые не должны быть оставлены на произвол воли мертвых. Конечно, завещательная воля может быть мудрой, зрелой и миролюбивой. Но она может быть и девиантной: она может быть волей-*разрушительницей*, которая не только не из-

¹ Sentencia Corte Constitucional de Columbia 28.11.1996 n° C-660/96 // <http://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1996/C-660-96.htm>. В дальнейшем этот подход был развит в других постановлениях Конституционного суда Колумбии: Sentencia Corte Constitucional de Columbia 31.05.2000 n° C-641/00 // <http://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2000/C-641-00.htm>; Sentencia Corte Constitucional de Columbia 8.02.2005 n° C-101/05 // <http://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2005/C-101-05.htm>

² Carbonnier J. Droit civil. Thémis. Tome I. N° 50.

лечивает семью, но вводит в нее ядовитый фермент разногласий: завещать все одному сыну не лучший ли способ сделать из братьев врагов? Она может быть *тиранической* волей, инструментом злоупотребления домашней властью, где свободы младших (свобода выбора занятия, образа жизни, мнения и т.д.) разбиваются об экономическую власть старшего поколения; она может быть волей, которой *злоупотребляют* как сам завещатель, так и окружающие: оценка достоинств каждого, откуда часто проистекает благосклонность завещателя, подвержена ошибкам, как спонтанным, так и спровоцированным.

И здесь закономерен вопрос об условиях такого контроля.

Правило об обязательной доле — одна из мер контроля. Его действие не ограничивается при этом сохранением внутри семьи ее богатств. С одной стороны, оно гарантирует минимальное равенство между детьми: оно запрещает не просто завещать все постороннему лицу (что не причиняет ущерба внутрисемейному единству, солидарному в несчастье), но также завещать все только одному из детей (мальчику, например, или старшему ребенку, или ребенку, родившемуся в браке). С другой стороны, правило об обязательной доле ограничивает возможность лишиться наследства того, чьи образ жизни, убеждения или позиция не нравятся.

Там, где отсутствуют правила об обязательной доле, в законе используются иные средства для ограничения свободы завещания. Так, иногда за некоторыми близкими родственниками закрепляются *обязательственные права в отношении наследства*, призванные обеспечить поддержание их уровня жизни и ограничивающие тем самым свободу завещания: так, в Квебеке, например, за пережившим супругом сохраняется право пользования семейным жильем и право на получение алиментов. Или же в других случаях суд осуществляет строгий *качественный контроль* над волей завещателя: известно, насколько часто в США завещание критикуется из-за легкости его опорочить на основании широкой концепции *undue influence* (недопустимого влияния). Иногда также для ограничения воли завещателя может использоваться концепция фундаментальных (естественных) прав человека, как в случае, когда ЕСПЧ был вынужден признать дискриминационными толкования суда Андорры, который посчитал, что при наследовании по завещанию невозможно ассимилировать права усыновленного ре-

бенка и ребенка, происходящего из канонического брака¹. Однако с точки зрения юридической безопасности не очевидно, что такой контроль, оставляемый во многих странах на усмотрение суда, будет предпочтительнее автоматической защиты, которую обеспечивают правила об обязательной доле.

III. Координация национальных правопорядков — следующая тенденция развития наследственного права. Необходимость такой координации возникла и расширилась с так называемой интернационализацией наследств — производной от свободного перемещения лиц и капиталов в мире. Сегодня мир таков, что большие состояния и семьи имеют свойство распространяться по миру.

Все более масштабные миграции лиц и капиталов имеют самые различные причины: гедонистические (сбежать из дождя к солнцу), экономические (сбежать от безработицы — для молодых, увеличить свою покупательную способность — для пенсионеров), политические (сбежать от ненавистного режима) или юридические (избежать применения конфискационного налогового режима или просто получить дополнительный профит в налоговом раю). Эти перемещения значительно упростились за последние десятилетия как с развитием транспорта, так и в силу налогового демпинга, практикуемого некоторыми государствами для привлечения состоятельной клиентуры и развития внутреннего рынка.

Координация национальных правопорядков в области наследования включает ряд аспектов.

Во-первых, следует говорить об упрощении *международного оборота официальных документов и актов*, совершаемых при урегулировании наследства, за счет установления единых правил для их признания или, в принципе, унификации документооборота.

Например, Гагская конвенция 1985 года о праве, применимом к *трасту*, и о его *признании*², несмотря на ее довольно ограниченный успех (12 государств-участников), нацелена на обеспечение эффективности данного института *common law* за рубежом, в других юридических культурах.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 13.07.2004 № 69498/01 по делу «Пла и Пунсерно против Андорры» // Reports of Judgments and Decisions/ Recueil des arr ts et décisions 2004-VIII, Karl Heymanns Verlag KG. Köln. 2006. P. 179.

² См. дополнительно: Медведев И.Г. Комментарий к конвенциям в области имущественных отношений супругов и наследования. М., 2007. С. 161 и след.

Или, например, европейский регламент от 4.07.2012, вводящий *единое свидетельство о праве на наследство* для всех государств Евросоюза (ЕС), кроме Дании и Великобритании, которое обеспечит признание прав наследника на всей территории ЕС¹. Было бы еще лучше, если бы такое сотрудничество позволяло наследникам эффективно искать и находить наследственное имущество за рубежом... Любому практику известно, сколько сил и настойчивости порой требуется, чтобы найти ценности, размещенные здесь и там: в банках, трастах, фидуциарных компаниях, *штифтугах*, непрозрачность которых уже давно стала легендарной...

Во-вторых, в области *коллизионного регулирования* наблюдается подлинная унификация правил о компетенции и применимом праве, по крайней мере в рамках отдельных региональных организаций, таких как ЕС. Принятие и вступление в силу 17 августа 2015 года уже названного ранее регламента ЕС от 4.07.2012 служит формированию общеевропейского правового пространства наследования, по меньшей мере в части международного частного права. Любопытно заметить и здесь такие же тенденции, что и ранее отмеченные во внутреннем праве: с одной стороны, повышенное значение в нем придается индивидуальной воле, так как он допускает автономный выбор права, применимого к наследованию (*professio juris*), когда наследодатель может выбрать вместо права страны последнего места жительства, применимого по общему правилу, право страны своего гражданства; с другой стороны, возможность для суда применять оговорку о публичном порядке и отбрасывать иностранное право (места жительства или гражданства), несовместимое с основами правопорядка *for*. Однако остается нерешенным вопрос, относятся ли к таким основам, например, правила об обязательной доле.

В-третьих, происходит ограниченная и медленная гармонизация *материального права*, особенно в свете Европейской конвенции о правах человека и на основе ее расширительного толкования ЕСПЧ. Известно, например, как серия постановлений, принятых против Австрии, Бельгии и Франции, привела к вычищению их национального законодательства о наследовании от любых дис-

¹ См. подробнее: Морун Н. Международное наследование во Франции и России: содержание и влияние Регламента ЕС 650/2012 // Нотариус. 2013. № 6. С. 38 и след.; Хуттенлохер П. Международное наследственное право и новый регламент ЕС по международному наследованию (ЕС 650/2012) // Нотариальный вестник. 2014. № 8.

криминационных положений, действовавших ранее в отношении внебрачных детей. Но и здесь мы всегда будем наткнуться на вопрос о том, какая мера усмотрения должна оставаться в данной области у государств. Где находятся разумные пределы гармонизации и достаточной ли, в современных условиях, границей является концепция фундаментальных (естественных) прав человека?

IV. Российский неспецифический путь при реформе наследственного права. Эволюция наследственного права, происходящая в России, не сильно отличается от обозначенных выше общемировых тенденций.

Во всяком случае, сама постановка вопроса о реформировании отечественного права в данной области обусловлена такими же глубинными изменениями в понимании человека, семьи, общества и собственности. Закрывать глаза, игнорируя новую социально-экономическую реальность и формируемый внутри нее запрос на изменение правового регулирования, вряд ли оправданно как для законодателя, так и в практической деятельности. Поэтому считаем полноценную научную дискуссию по этим вопросам необходимым и предварительным условием качественного правотворчества. Тем более в условиях происходящего сегодня обсуждения законопроекта федерального закона № 801269-6 в части совершенствования наследственного права.

Положения готовящегося законопроекта, посвященные таким нововведениям для российской правовой системы, как совместное завещание, наследственные договоры, фонды и ряд других, ставших уже классикой за рубежом, на наш взгляд, соответствуют общеевропейским правовым тенденциям развития наследственного права. Конечно, предлагаемый законопроект не лишен отдельных недостатков, однако продолжение дискуссии о путях совершенствования российского наследственного права нам видится, скорее, в поиске адекватных юридико-технических средств реализации новых идей и концепций, а не в «глубокой заморозке» существующего регулирования с выталкиванием новых отношений либо в иностранные юрисдикции, либо в серую зону «не-права».

Поэтому считаем возможным высказать ряд замечаний и предложений, которые могут быть учтены при доработке данного законопроекта в частности и при реформировании российского наследственного права в целом.

Первое, на что следует обратить внимание законодателя, так это на необходимость расширения оснований наследования и до-

полнительную детализацию новых режимов наследования. Преду-сматривая новые инструменты организации наследования — на-следственный договор и наследственный фонд, — законопроект не решает вопрос об их правовой природе и месте в системе ин-ституты наследственного права, «растворяя» внутри уже суще-ствующим нормативных положений. Это не соответствует их месту и значению, а также декларируемому принципу приоритета воли наследодателя и вступающих с ним в соглашение по поводу буду-щего наследования заинтересованных лиц, лишает предлагаемую модель регулирования определенности и снижает ее практическую ценность. В частности, не вполне понятно, по каким причинам авторы законопроекта не расширили перечень оснований для на-следования, предусмотренный статьей 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), включив в нее как минимум на-следование по договору.

В этой же логике довольно сомнительным выглядит включение статьи, посвященной регулированию наследственного договора, в главу 62 «Наследование по завещанию» ГК РФ. Наследственный договор как многосубъектная, двусторонняя и взаимобязываю-щая сделка не может и не должен быть сводим к завещанию: это не просто не соответствует его природе, но и умаляет ценность данного инструмента как такового, снижая позитивный эффект от его возможного введения. Поэтому явно недостаточным для от-дельного основания наследования, каковым по праву выступает наследственный договор, является предлагаемое для него в зако-нопроекте регулирование в единственной, пусть и относительно развернутой, статье 1140.1 ГК РФ. Более целесообразным и соот-ветствующим реальному месту наследственного договора при на-следовании стало бы введение самостоятельной главы 62.1 «Насле-дование по договору», целиком ему посвященной, для детального законодательного описания договорного режима наследования.

Аналогичные замечания могут быть также высказаны в части использования корпоративной модели организации наследова-ния (наследственного фонда), хотя, например, его указание в ка-честве самостоятельного основания для наследования и вызывает определенные сомнения. Тем не менее считать, что дополнением статьи 123.17 ГК РФ пунктом 5 самого общего содержания можно решить целый комплекс вопросов, которые вызывает практиче-ское применение данного средства при наследовании, будет до-статочно самоуверенным и юридически небезопасным подходом

(см. ниже). Так, с учетом квазидоговорной основы для образования и функционирования фонда, включая наследственный, соответствующие ему положения могли бы быть включены в уже предложенную нами ранее главу 62.1 «Наследование по договору».

Второе замечание касается доработки механизма опосредованного наследования с использованием конструкции фонда. Использование механизма опосредованной передачи имущества наследникам с применением различных корпоративных структур хорошо известно в ряде зарубежных юрисдикций, прежде всего англосаксонского толка. Для его приспособления к местным условиям важно учесть и довольно обширный зарубежный опыт регулирования, и собственные правовые традиции.

В иностранных государствах, прежде всего германской правовой традиции, для решения вопросов наследования иногда используются конструкции *фонда* (*Stiftung*, штифтунг) или *траста* (*Trust*), пришедшего из англо-американского права. Как в том, так и в другом случае речь идет о передаче определенных имущественных ценностей в управление, которые в результате образуют обособленное «целевое имущество»¹.

Однако между фондом и трастом есть различия.

1. При учреждении фонда возникает самостоятельный субъект права, тогда как при учреждении траста речь идет о договорных отношениях между лицом, передавшим имущество в траст, и управляющим траста. Траст сам по себе не становится юридическим субъектом, а собственность на траст переходит к управляющему траста, который обязан управлять имуществом, переданным в траст, обособленно от своего собственного.

2. Учредитель траста в отличие от учредителя фонда может оговорить право отменить траст и вернуть себе право собственности на оставшееся имущество.

3. Фонд распоряжается переданным ему имуществом как юридическое лицо, в то время как управляющий трастом является, как правило, физическим лицом.

4. Фонд свободен в распоряжении имуществом в рамках уставной цели, поскольку в отличие от траста не существует правовых притязаний выгодоприобретателя на имущество.

¹ Материал по наследственным фондам (*stiftung*) предоставлен кандидатом юридических наук, магистром частного права Е.П. Путинцевой.

5. Учредитель фонда, несмотря на обособленность имущества, остается видимым (зримым), выступая в качестве мецената, дарителя или активного руководителя проекта. Лицо, учреждающее траст, остается, как правило, анонимным.

Для создания фонда могут использоваться любые имущественные ценности, в частности: недвижимое имущество, доли в уставном капитале, акции, предметы искусства, патенты и т.д. Поскольку фонд является юридическим лицом, то, соответственно, необходимо определить состав его органов. Как правило, сюда относятся единоличный руководитель (президент фонда) и совет.

Несмотря на то что конструкция фонда используется для оформления наследственного правопреемства в Германии, Швейцарии, Люксембурге и некоторых других странах, конкретные модели фондов различаются в названных странах, что, безусловно, вызвано различиями в национальном праве, и прежде всего в налоговом праве. Зачастую данная конструкция используется именно как средство законной налоговой оптимизации, позволяющей снизить стандартное для наследования в этих странах налоговое бремя. Поэтому штафтинг должен восприниматься, скорее, в контексте соответствующих налоговых преференций, а непосредственная «цивилистическая» выгода от его использования не очевидна.

В теоретическом плане можно выделить две конструкции фондов:

- 1) фонды, созданные при жизни наследодателя;
- 2) фонды, создаваемые в случаи смерти.

При первом варианте лицо, желающее оформить передачу наследства с использованием конструкции фонда, при жизни создает юридическое лицо — фонд, выступая в роли его учредителя, определяет цель его деятельности и наделяет его имуществом. Размер имущества, передаваемого в собственность фонда, не может быть менее установленной национальным законодательством величины (например, в Германии — 50 000 евро). При этом сам учредитель, как правило, становится президентом фонда с достаточно широкими полномочиями, которые подробно прописываются в уставе. Таким образом, несмотря на утрату права собственности на имущество, переданное фонду, он сохраняет возможность оказывать непосредственное влияние на юридическую судьбу этого имущества в рамках определенной им же самим цели деятельности фонда.

Во втором варианте лицо, учреждающее фонд, остается собственником своего имущества до самой своей смерти, а решение о создании фонда включается в текст распоряжения на случай смерти (как правило, завешания), в котором среди прочего определяются наименование фонда; лицо, ответственное за оформление всех документов, необходимых для создания и регистрации фонда (исполнитель завешания); имущество, которое необходимо передать в собственность фонда; цель деятельности фонда и т.д. К завешанию может прилагаться устав фонда.

Как уже отмечалось, конструкция фонда используется в основном для того, чтобы минимизировать расходы, связанные с передачей имущества от наследодателя к наследнику, поскольку, в частности, в Германии существуют достаточно высокие налоги на наследство (доходящие, в зависимости от степени родства, до 50%). Кроме того, фонды, как правило, пользуются и другими налоговыми льготами.

Другим отмечаемым на практике положительным моментом является то обстоятельство, что переданное в собственность фонда имущество защищается от претензий наследников, имеющих право на обязательную долю, а также от претензий кредиторов наследодателя. Однако подобное действие *штифтунга*, направленное, по сути, на вывод имущественных активов из-под удара, вряд ли можно во всех случаях признать позитивным, поскольку это способно приводить к нарушениям прав кредиторов и обязательных наследников.

В условиях российской действительности использование без необходимой адаптации конструкции фонда для решения вопросов наследования представляется неэффективным и нецелесообразным по следующим соображениям.

Во-первых, в настоящее время в России отменен налог с наследства, а оформление прав на наследство не связано с существенными финансовыми затратами, поэтому использование достаточно громоздкой конструкции фонда вряд ли является оправданным. Кроме того, создание фонда также связано с определенными расходами.

Во-вторых, гибкость конструкции фонда является одновременно ее достоинством и недостатком, поскольку свобода в выборе модели фонда и его внутренней структуры требует огромного внимания к содержанию учредительных документов и навыков прогнозирования развития событий на далекое будущее. Без вы-

сокопрофессионального юридического сопровождения механизм фонда нежизнеспособен.

В-третьих, передача имущества в собственность фонда требует также осмотрительности в вопросе о том, каким образом наследники смогут принять участие в управлении фондом после смерти его учредителя. В частности, если после смерти учредителя фонд должен будет возглавляться не наследником (например, в силу несовершеннолетия последнего), а полномочия руководителя фонда прописаны в уставе достаточно широко, то возникают сложности с определением личности будущего руководителя, поскольку он должен обладать доверием учредителя фонда и не злоупотреблять своим положением. Использование механизма опосредованной передачи собственности наследникам через фонд предполагает высокий уровень правовой культуры участников этой схемы, которая в противном случае лишь создает дополнительные риски оспаривания уставных документов и полномочий управляющего фондом.

В-четвертых, для того чтобы использовать конструкцию фонда в целях наследования, необходимо изменить действующее отечественное законодательство, поскольку в соответствии со статьей 118 ГК РФ и статьей 7 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» фонд создается для осуществления общественно полезных целей. Российскому гражданскому праву неизвестны «семейные» фонды, цели деятельности которых ограничиваются интересами одной семьи.

В-пятых, использование стандартного института фонда способно привести к нарушению при наследовании прав третьих лиц — кредиторов и обязательных наследников наследодателя.

Поэтому, соглашаясь с концептуальной полезностью института фонда как дополнительного инструмента наследования прежде всего в отношении крупных и разнородных имущественных масс (например, при наследовании бизнеса), полагаем необходимой существенную доработку положений законопроекта в части его дополнения правилами, позволяющими учесть частный и публичный интерес при наследовании при сохранении тех же юридических гарантий чистоты и бесспорности перехода имущества правопреемникам, что и при классическом «прямолинейном» наследовании.

Третье замечание относится к несовершенству процедуры оформления выморочного наследства. Абзац 3 пункта 1 статьи 1162 ГК РФ в предлагаемой в проекте редакции предусматривает обя-

занность нотариуса оформить наследственные права публичным субъектам (РФ, субъектам РФ и муниципальным образованиям) в соответствии со статьей 1151 ГК РФ, в том числе выдать свидетельства о праве на наследство и направить заявления о государственной регистрации перехода прав на основании выданных свидетельств в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество, а также заявления о внесении изменений в Единый государственный реестр юридических лиц.

Возникновение указанной обязанности поставлено в законопроекте в зависимость от бездействия лиц, уполномоченных публичными субъектами, выразившегося в неподаче заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство в течение трехлетнего срока со дня открытия наследства.

Данный механизм оформления прав представляется как минимум не соответствующим той правовой логике, которая заложена законодателем при разработке действующего ГК РФ. С точки зрения таковой (п. 3 ст. 1151 ГК РФ) порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность РФ, а также порядок передачи его в собственность субъектов РФ или в собственность муниципальных образований должен определяться специальным федеральным законом. До настоящего времени такого федерального закона не принято.

Возложение в указанном пункте законопроекта обязанности оформить наследственные права публичного лица при бездействии последнего никоим образом не может решить круг проблем, возникающих при наследовании выморочного имущества.

Следующей сложностью в применении данной нормы является ее противоречие другой норме проекта — введенной в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате статье 73.1, предусматривающей заявительный характер открытия наследственного дела. Сложность наследования выморочного имущества зачастую связана как раз с отсутствием у нотариуса информации как об умершем, так и о составе его имущества. Поэтому по меньшей мере странной выглядит конструкция возникновения обязанности у нотариуса именно в связи с бездействием уполномоченных должностных лиц.

Четвертая наша претензия связана с несовершенством процедуры выявления, организации охраны и управления наследством. Нормы проекта о выявлении наследства (п. 3 ст. 73.2 Основ за-

конодательства РФ о нотариате), охране и управлении им также предполагают заявительный характер действий нотариуса. Обоснованные сомнения вызывает финансирование этих нотариальных действий, а также наличие реальных полномочий у нотариуса на получение информации из различных государственных реестров. Так, финансирование мер по выявлению и охране имущества, входящего в состав наследства, согласно проекту закона о внесении изменений в пункт 23 статьи 333.24 Налогового кодекса Российской Федерации предполагается в определенном проценте от выявленного и подлежащего охране имущества. В то же время в случае с выморочным имуществом плательщик не ясен.

Кроме того, меры по выявлению состава наследства (п. 3 ст. 73.2 Основ законодательства РФ о нотариате) вполне могут предполагать направление запросов в десятки и даже сотни банков, в том числе зарубежных, получение информации от реестродержателей ценных бумаг, частных лиц и государственных структур. Закрепление такой обязанности за нотариусом предполагает одновременное предоставление последнему соответствующих правомочий в профильных законах, что не предусматривается названным законопроектом. Также следует учитывать, что любая обязанность должна носить четко выраженный объем. В какие, к примеру, банки и в каком количестве нотариус должен направить запросы в отсутствие обязанности наследников информировать его о составе наследства, проект закона не указывает. В то же время ответственность нотариуса, в том числе имущественная, за нарушение его профессиональных обязанностей регламентируется Основами законодательства РФ о нотариате достаточно развернуто.

Наконец, пятое замечание связано с существенным повышением юридических рисков при реализации модели абстрактного свидетельства о праве на наследство. Пункт 2 статьи 1162 ГК РФ и статья 73.4 Основ законодательства РФ о нотариате в редакции законопроекта вызывают серьезную обеспокоенность введением общего правила по выдаче свидетельства о праве на наследство без указания объектов гражданских прав, перешедших наследнику в порядке наследования.

Следуя тексту пояснительной записки к законопроекту, он «существенным образом упрощает процедуры принятия наследства. Завершением оформления наследственных прав должна в результате стать выдача наследнику всеобъемлющего свидетельства о праве наследования на все имущество наследодателя».

В то же время результат данного нововведения представляется прямо противоположным в силу следующих причин.

Во-первых, происходит слом существующего десятилетиями (а в ряде стран столетиями) порядка оформления прав наследования.

Действующий порядок предполагает совершение нотариусом, открывшим наследственное дело, до момента выдачи свидетельства целого комплекса процедур. В первую очередь это определение имущества, входящего в состав наследственной массы, при необходимости принятие мер по охране и управлению этим имуществом в интересах наследников. После чего происходит оформление прав пережившего супруга на долю в праве собственности на это имущество. При этом помимо общих положений об открытии наследства нотариусам при выдаче свидетельства о праве на наследство необходимо учитывать особенности оформления наследственных прав в порядке наследственной трансмиссии, наследования по праву представления, соблюдение правил об обязательной доле необходимых наследников и правил о завещательном отказе (возложении) в случае наличия таковых в завещании.

После завершения названных действий нотариус выдает свидетельство, в котором указывается имущество (часть имущества), перешедшее в порядке наследования наследникам (наследнику).

Вводимое законопроектом всеобъемлющее свидетельство о праве наследования ломает названную процедуру оформления наследственных прав, порождая проблему их легитимации и публичной достоверности. Конструкция всеобъемлющего свидетельства предполагает наличие некоего абстрактного собственника (наследника), имеющего правомочия владения, пользования и распоряжения неустановленным имуществом.

Положение такого «абстрактного» собственника в гражданском обороте становится гораздо более уязвимым, чем даже сегодня, поскольку перед всеми третьими лицами, претендующими тем или иным образом на наследственное имущество, он не имеет легитимного подтверждения своего права собственности. Причем в отсутствие публичного подтверждения принадлежности конкретного имущества наследнику не станет панацеей и механизм исковой давности: по сути, ни один титул собственности, основанный на подобном образом организованной процедуре наследования, не будет отныне бесспорным.

С неизбежностью отсутствие правоподтверждающего документа повлечет повышенную спорность в отношении наследуемого имущества как между самими наследниками (пережившим супругом) относительно того, входит ли данное имущество в наследственную массу, так и между ними и третьими лицами. Легко предположить, что это повлечет лишнюю нагрузку на судебную систему и все процедуры по определению наследственного имущества, которые сейчас проводит нотариус, будет проводить суд в исковом производстве со всеми неоправданными в данном случае издержками, которые вызывает развернутая судебная процедура, как для самих тяжущихся, так и для государства.

Во-вторых, без установления перечня и стоимости имущества, входящего в состав наследства, невозможно рассчитать обязательную долю необходимого наследника (ст. 1149 ГК РФ). Данная норма проектом не меняется. Более того, нотариус не сможет выполнить положения пункта 2 статьи 1149 ГК РФ, согласно которому право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся не завещанной части наследственного имущества, даже если это приведет к уменьшению прав других наследников по закону на эту часть имущества, а при недостаточности не завещанной части имущества для осуществления права на обязательную долю — из той части имущества, которая завещана. В обязательную долю засчитывается все, что наследник, имеющий право на такую долю, получает из наследства по какому-либо основанию, в том числе стоимость установленного в пользу такого наследника завещательного отказа.

Таким образом, при всем желании наследников и нотариуса рассчитать обязательную долю необходимому наследнику сделать это согласно логике законопроекта невозможно. Соответственно, значительная часть наследственных дел с участием необходимых наследников также неминуемо окажется в судах.

В-третьих, такие же проблемы возникают в отношении завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ) и завещательного возложения (ст. 1139 ГК РФ). Наследник, на которого завещателем возложен завещательный отказ, должен исполнить его в пределах стоимости перешедшего к нему наследства за вычетом приходящихся на него долгов завещателя. Разрешение споров между наследником и отказополучателем также будет происходить не иначе как в судебном порядке.

Выдача всеобъемлющего свидетельства существенно затруднит реализацию и других статей ГК РФ, применение которых связано с оценкой стоимости наследства. Это касается возмещения расходов исполнителя завещания (ст. 1136 ГК РФ), ответственности наследников по долгам наследодателя (ст. 1175 ГК РФ). Последнее особенно актуально сегодня в связи с большим количеством наследодателей, имевших банковские кредиты. Возникнут сложности и с применением правил об отказе наследника от части наследства (ст. 1158 ГК РФ), о приращении наследственных долей (ст. 1161 ГК РФ), разделе наследства по соглашению между наследниками (ст. 1165 ГК РФ) и преимущественном праве на неделимую вещь при разделе наследства (ст. 1168 ГК РФ).

В-четвертых, введение проектом закона всеобъемлющего свидетельства не только повлечет повышение количества частноправовых споров по поводу наследуемого имущества, но и нарушит публичные интересы государства в области налогообложения. С наследника, имеющего подобную «абстрактную» собственность, проблематично собрать налоги и сборы, ведь объекты прав не конкретизированы, и нет сомнений, что в российских условиях невысокой правовой культуры наследники не будут торопиться заявлять о таковых. Вопрос регистрации прав на объекты недвижимого имущества, акции и доли в уставном капитале хозяйственных обществ законопроектом отнесен на усмотрение самого наследника. В такой ситуации вполне вероятно появление так называемой бесхозяйной собственности, бремя содержания которой наследник может и не нести, а о своих правах заявить, лишь когда такое право, по его мнению, будет нарушено.

Таким образом, в качестве заключения по вопросу о современных тенденциях развития наследственного права в мире и в России хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, как бы ни был значителен феномен глобализации, как бы ни были реальны вызванные им тенденции по сближению правовых систем, от этого не станет ни более приемлемым, ни желательным, чтобы наследственное право в разных государствах утратило свои особенности, изюминки. Основанное на традициях, связывающих его с обществом, разнообразие наследственного права — это знак культурного многообразия, богатство которого стоит защищать: не совсем понятно, почему, например, обязательная доля должна существовать везде или нигде, почему экономический либерализм, где-то принимаемый в качестве абсолютной

ценности, не может быть смягчен в другом месте с учетом иных достойных защиты ценностей.

Во-вторых, распространение практик заблаговременной оптимизации наследства, которая, может быть, и отличная штука, но иногда извращена довольно низменными мотивами, как-то: ненависть к налогам и налоговой службе или же неумеренные амбиции пережить себя самого, что называется, из могилы костлявой рукой управлять жизнью живущих. Она проявляется в нагромождении схем и конструкций, нередко на грани фола и закона, с использованием всего арсенала средств имущественной инженерии, включая делокализацию, офшорные компании матрешечного типа, трасты и другие механизмы.

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О НАСЛЕДОВАНИИ

**Е.А. Чефранова,
директор АНО «Центр научно-методического
обеспечения нотариальной деятельности»,
доктор юридических наук,
профессор**

Реформа отечественного наследственного права должна обсуждаться одновременно как с точки зрения наличия запроса со стороны общества на предлагаемые нововведения, осознания необходимости по-новому урегулировать складывающиеся общественные отношения, так и с позиции максимально бережного встраивания предлагаемых новелл в сложную ткань гражданского права вообще и наследственного права в частности.

При конструировании новых правовых институтов, затрагивающих права большинства граждан, нельзя ограничиваться только правовыми доводами и не учитывать современные социальные и демографические процессы. Примеров тому, как упрямая действительность отторгала несвоевременные и непродуманные новшества, из нашего недавнего прошлого можно привести немало.

Общеизвестно, что брак в значительной степени перестал быть пожизненным союзом. Согласно официальной статистике, число заключенных в России браков в 2014 году составило 1 225 985, тогда как число разводов за тот же временной период достигло 693 730. Нетрудно увидеть, что на 1000 заключенных в течение года браков приходится 565 разводов. Одним из следствий высокой разводимости является рост числа повторных браков. Добавим, что в последние 10–15 лет в нашей стране вне брака ежегодно рождаются от 20 до 30% всех появившихся на свет детей, более половины таких детей обретают отца посредством признания или установления отцовства. По данным ООН, продолжительность жизни россиянина-

мужчины составляла в 2014 году 59,1 года, что значительно уступает продолжительности жизни женщин, равняющейся 73 годам. В среднем российские женщины живут почти на 14 лет дольше мужчин. По прогнозам Росстата, до 2030 года этот разрыв будет постепенно сокращаться, но все равно останется значительным и составит 8–9 лет. Немаловажным является и старение населения страны: доля лиц в возрасте старше 65 лет составляет 13%. Ежегодно в России только нотариусами без учета должностных лиц органов местного самоуправления удостоверяется более 600 000 завещаний (в 2012 г. — 692 817, в 2013-м — 656 425, в 2014-м — 609 131).

Перечисленные выше факторы в совокупности с сосредоточением в частной собственности граждан значительных активов объективно усложняют отношения по наследованию. Все чаще в круг наследников входят дети наследодателя от разных браков, а также его внебрачные дети. Переживший супруг (а чаще более молодая супруга) с высокой степенью вероятности может вступать в новый брак. Эти социальные реалии должны учитываться при реформировании наследственного права вообще и институировании совместного завещания в частности. В противном случае новые правовые инструменты окажутся не востребованными жизнью или трудноприменимыми в практическом плане.

Несомненно, совместное завещание расширяет диспозитивность правового регулирования, предоставляет наследодателю как собственнику имущества более широкие возможности по выбору того или иного вида завещательных распоряжений. Российская практика показывает, что желание супругов составить завещание друг на друга становится все более распространенным, а значит, конструкция совместного завещания в случае ее введения может стать востребованной, но лишь при условии, что его конструкция будет всесторонне продуманной и тщательно проработанной. Необходимым условием успешности практического применения той или иной правовой конструкции является правовая определенность, достигаемая в том числе посредством четкости формулировок, непротиворечивости и взаимной согласованности правовых норм, наличия ясности по вопросу о том, какое место новому правовому явлению предстоит занять среди уже существующих.

В целом не возражая против введения совместного завещания супругов в качестве одного из видов распоряжения имуществом на случай смерти, нельзя не отметить опасный «минимализм» предложенного законопроектом правового регулирования: в законопро-

екте совместному завещанию посвящена, по сути, одна статья. Так, абсолютно проигнорирован тот факт, что в качестве основания наследования по завещанию смогут выступать сразу два акта: обычное завещание и совместное завещание супругов. Наследование на основании совместного завещания будет иметь приоритет перед наследованием на основании обычного завещания или наоборот?

Нормы обсуждаемого законопроекта, посвященные совместному завещанию супругов, сколько-нибудь конкретизированы только в части определения объекта, субъектного состава и формы такого завещательного распоряжения, а вот содержание такого завещательного распоряжения, процедура перехода прав на имущество, а также последствия отказа от наследства по совместному завещанию пережившего супруга, порядок и последствия отмены такого завещания либо описаны крайне скупо, либо вообще никак не регулируются. Значит, в случае принятия законопроекта в предлагаемом виде в лучшем случае нотариусы будут вынуждены отказывать в удостоверении совместных завещаний, а в худшем — увеличится число судебных споров о наследовании.

С очевидностью предлагаемый вариант совместного завещания опирается на издавна существующую немецкую модель (*Gemeinschaftliches Testament, das gemeinschaftliche Ehegattentestament*). За последние годы конструкция совместного завещания получила широкое распространение на постсоветском пространстве. Так, общее завещание супругов закреплено в наследственном законодательстве Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Украины, а также стран Балтии. Было бы полезно внимательно изучить не только соответствующие нормы зарубежного законодательства, но и правоприменительную практику, что позволило бы в ходе реформирования российского законодательства наиболее полно воспринять положительный опыт и избежать досадных ошибок.

Суть совместного завещания заключается в предоставлении одному из супругов некоторой уверенности в распоряжениях второго супруга и соблюдении достигнутой между ними договоренности.

С содержательной точки зрения совместное завещание состоит из двух волеизъявлений, в которых каждый из супругов распоряжается своим имуществом в одностороннем порядке. Однако оба завещания образуют совместный акт, когда существует явно выраженная воля наследодателей об установлении единого порядка наследования. Особенность юридической конструкции совместного завеща-

ния состоит в том, что оно является единой сделкой, содержащей два односторонних волеизъявления. Безусловно, совместное завещание — это сделка, но не договор. Нужно четко определить, к какому виду юридических фактов следует отнести совместное завещание.

Согласно законопроекту совместным завещанием предлагается определять порядок перехода прав не только на общее имущество супругов, но и на личное имущество каждого из них. Предусматривается, что совместное завещание супругов определяет порядок перехода прав на имущество в случае смерти каждого из них к пережившему супругу или иным лицам, а также может содержать иные распоряжения супруга или супругов, в частности, условие о назначении душеприказчика (душеприказчиков), действующего в случае смерти каждого из супругов. Используемые неисчерпывающие, неточные формулировки порождают многочисленные вопросы. Так, остается неясность в вопросе, будут ли наследники призываться к наследованию после смерти обоих супругов или наследник сможет оформить свои наследственные права после каждого из супругов. В последнем случае данный вид завещания ничем не отличается от обычного завещания. Если же наследство принимается сразу по всему завещанию, то наследник вынужден согласиться заранее отвечать по всем долгам пережившего супруга, о которых он не может знать на момент принятия наследства. Из содержания предлагаемой нормы остается неясным, должно ли пониматься совместное завещание супругов как завещание о взаимном наследовании. Значит ли это, что на основании совместного завещания допустим переход прав на общее имущество супругов после смерти одного из них сразу «к иным лицам», минуя пережившего супруга? Утвердительный ответ возможен только в отношении личного имущества умершего и его доли в праве на общее имущество супругов. Наследство, наследственная масса — это то, что принадлежит наследодателю на момент смерти. Нельзя передать в порядке наследования совместное имущество, право на которое принадлежит в том числе пережившему супругу.

Непонятно, насколько широко следует понимать указание в проекте на то, что совместное завещание может содержать иные распоряжения супруга или супругов, в частности, условие о назначении душеприказчика. Возможно, излишним было бы поименовать завещательный отказ и возложение как допустимые для совместного завещания распоряжения.

С учетом достигнутого уровня правовой культуры и правовой грамотности россиян излишним было бы предусмотреть в законе виды

совместных завещаний (пошел же законодатель на утверждение и использование типовых уставов для юридических лиц), что позволило бы в значительной степени снять вопросы о законности включения в совместное завещание тех или иных условий. Это очень важно, ведь, к сожалению, законопроект не разграничивает волеизъявления на взаимосвязанные и независимые. Перечисление в законе нескольких допустимых вариантов совместных завещаний предоставило бы супругам возможность осознанного выбора конкретного варианта правопреемства за счет включения в текст распоряжения на случай смерти различных условий, тем самым позволяя супругам составить юридический акт, полностью отвечающий их интересам и соответствующий их личным представлениям о справедливом наследственном правопреемстве. Такое решение было бы оправданным с учетом допустимости составления совместного завещания в форме закрытого завещания, а также удостоверения совместных завещаний главами местных администраций и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления.

Если под совместным завещанием супругов понимать документ, содержащий волю обоих супругов о праве взаимного наследования, то среди возможных вариантов совместного завещания на первое место следовало бы поставить «взаимное завещание», по которому супруги назначают друг друга наследниками. В случае смерти одного из супругов его имущество, включая его долю в праве на нажитое в браке имущество, переходит к пережившему супругу. В случае смерти последнего к наследованию призываются лица, определенные супругами в совместном завещании. То есть только после смерти пережившего супруга все их имущество переходит по наследству к лицам, указанным в совместном завещании. Третьи лица будут считаться наследниками всего имущества, принадлежавшего супругу, умершему последним. В законе нужно специально указать (расшифровать), что во взаимном завещании супругов действительность распоряжения, сделанного одним супругом, зависит от действительности распоряжения, сделанного другим супругом, если можно предположить, что распоряжение одного супруга не было бы сделано без распоряжения другого супруга. Затем можно было бы сформулировать другие варианты совместного завещания — например, с условием о призвании к наследованию одновременно с пережившим супругом третьих лиц согласно совместному завещанию. Возможен также и вариант, предусматривающий некие имущественные обязанности пережив-

шего супруга в случае его вступления в повторный брак. Например, предусмотреть, что в случае повторного брака переживший супруг полностью или частично возвратит все унаследованное имущество умершего супруга третьему лицу, указанному в завещании (чаще всего это дети). По сути, такое условие представляет собой не что иное, как отменительное условие.

Неясно, должно ли совместное завещание быть составлено обоими супругами одновременно в виде единого документа, удостоверенного нотариусом, или остается возможность составления совместного завещания каждым из супругов в отдельности при условии согласованности и взаимообусловленности содержания волеизъявлений обоих супругов. Как известно, необходимым условием совместного завещания является его добровольность. В случае составления завещания одновременно обоими супругами в нотариальной форме в его совместном характере сомнений не возникает. Однако при составлении совместного завещания каждым из супругов отдельно возникает вопрос о том, при каких условиях оба эти завещательные волеизъявления могут составлять один документ о совместном завещании.

В законе, несомненно, должен быть соблюден баланс между стабильностью совместного завещания и возможностью его отмены. Однако из проекта явствует, что завещание, совершенное одним из супругов, приводит к утрате в полном объеме силы составленного ранее совместного завещания, при этом не требуется предварительного отказа от совместного завещания. При таком порядке отмены совместного завещания игнорируется тот факт, что один из супругов мог позднейшим завещанием, например, распорядиться исключительно своим личным имуществом, тогда как совместное завещание касалось судьбы только совместного имущества супругов.

Из проекта усматривается, что отмена совместного завещания после смерти одного из супругов невозможна в принципе, что вызывает серьезные сомнения. Более разумным было бы предусмотреть возможность отмены взаимосвязанных распоряжений даже после смерти одного из супругов при условии отказа пережившего супруга от причитающегося по завещанию и тем самым получить возможность далее свободно распоряжаться своим имуществом.

Все изложенное приводит к неутешительному выводу о недостаточной обоснованности и проработанности положений о совместном завещании супругов в предлагаемом законопроекте.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЫДЕЛЕНИЯ СУПРУЖЕСКОЙ ДОЛИ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ

С.Ю. Чашкова,
заведующая кафедрой международного права,
адвокатуры и нотариата Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

В соответствии со статьей 1150 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Данное право пережившего супруга может быть подтверждено путем выдачи ему свидетельства на долю в общем имуществе супругов по правилам статьи 75 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

Определение состава наследственной массы наследодателя, состоявшего на момент смерти в браке, требует выделения супружеской доли (в том числе и в случае отказа пережившего супруга от получения свидетельства о праве на долю в общем имуществе), что сопровождает большинство наследственных дел. Однако правило о принадлежности супругу «права на часть имущества, нажитого в период брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью» по-прежнему вызывает многочисленные вопросы у нотариусов. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

Во-первых, входят ли в состав имущества, составляющего долю пережившего супруга, права и обязанности из договорных обязательств, участником которых был умерший супруг?

Во-вторых, каков порядок реализации пережившим супругом прав на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее — ООО), участником которого был умерший?

В-третьих, каков порядок выделения доли пережившего бывшего супруга на имущество, нажитое в браке с наследодателем и не разделенное при расторжении брака?

1. О возможности выделения супружеской доли в правах и обязанностях, возникших из договорных обязательств, участником которых был умерший супруг

В состав наследства входят имущественные права и обязанности, принадлежащие наследодателю на день открытия наследства. Поскольку имущественные права и обязанности переходят от наследодателя к его наследникам в рамках универсального правопреемства (п. 2 ст. 218 ГК РФ), наследники в силу прямого указания закона занимают место стороны в обязательстве, если оно не носит личного характера либо переход прав и обязанностей, возникших из него, не допускается действующим законодательством.

При этом положения статьи 1150 ГК РФ указывают на право пережившего супруга на часть имущества, являющегося их совместной собственностью, то есть речь идет о категории вещного права. Согласно статье 34 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) к совместной собственности относятся доходы каждого из супругов, за исключением таких выплат, которые носят целевой характер, а также приобретенное за счет общих доходов илижитое в браке имущество. Вместе с тем общие долги супругов распределяются при разделе общего имущества супругов между ними пропорционально присужденным им долям. Упоминание о долге опять приводит нас к положениям обязательственного права.

Очевидно, что поставленный нами первый вопрос должен разрешаться в плоскости обязательственного права. Согласно положениям обязательственного права если наследодатель был участником обязательства, то права и обязанности из такого обязательства возникают исключительно у него (ст. 307, 308 ГК РФ). В соответствии с семейным законодательством пребывание стороны обязательства в браке допускает возможность признания возникшего у него долга общим. Причем общность долга не презюмируется, а должна быть доказана, что подтверждается многочисленными примерами из судебной практики. Однако признание долга общим не влечет признание супруга, не участвующего в этом обязательстве в качестве стороны, содолжником, а лишь позволяет обратиться взыскание на общее имущество супругов, а при его недостаточности считать супругов солидарными должниками имуществом каждого из них (ст. 45 СК РФ).

По существующим гражданско-правовым канонам возможность замены стороны обязательства допускается в порядке либо уни-

версального правопреемства, либо сингулярного, с соблюдением правил главы 24 ГК РФ. При наследовании наследники в силу универсальности правопреемства занимают место умершего участника обязательства. При этом переживший супруг может стать стороной в обязательстве только в размере той доли, которая перейдет к нему как к наследнику по закону или по завещанию. Оснований же для сингулярного правопреемства у пережившего супруга (и ни у кого другого) не может возникнуть, так как после смерти участника обязательства универсальным правопреемством охватывается все обязательство, что исключает выделение или оставление в нем части (доли) прав и обязанностей. Таким образом, выделить супружескую долю в правах и обязанностях, возникших из обязательств, в соответствии с положениями обязательственного и наследственного права не представляется возможным.

Вместе с тем следует иметь в виду, что сказанное будет справедливо, если речь идет, например, о договорах, не опосредующих передачу имущества в собственность (например, договоре аренды, договоре возмездного оказания услуг). Но если имеет место обязательство, предметом которого являются действия по приему-передаче имущества в собственность умершего супруга, и в рамках данного обязательства переданы общие средства супругов (например, уплачена денежная сумма по договору купли-продажи или передано имущество по договору мены), то переживший супруг не только наследует право на встречное получение имущества как универсальный правопреемник (наследник), но и сохраняет в качестве супружеской доли право на получение имущества, равного половине внесенных общих супружеских средств. В этом случае в свидетельство на долю пережившего супруга подлежит включению доля в праве требования из договора о передаче права собственности. Очевидно, что данная ситуация не соответствует положениям ГК РФ о перемене лиц в обязательстве, но соответствует существу отношений общей собственности супругов, а потому заслуживает прямого и самостоятельного правового регулирования в рамках законодательства о наследовании.

2. Порядок реализации пережившим супругом прав на долю в уставном капитале ООО

Возможность выдела супружеской доли в доле в уставном капитале ООО вытекает из положений пункта 2 статьи 34 СК РФ, со-

гласно которому доля в капитале является разновидностью общего имущества супругов.

Доля в уставном капитале ООО, принадлежащая участнику, состоящему в браке, условно может быть представлена как единство «права участия» как корпоративной составляющей и «имущественного права» как супружеского имущества. Однако правовой режим доли в уставном капитале ООО как объекта прав определен корпоративным (гражданским) законодательством, наделяющим исключительно участника ООО корпоративными правами (правом участия), независимо от его семейного положения.

Не возникает сомнений, что положения статьи 34 СК РФ, относя долю в уставном капитале ООО к общему имуществу супругов, не изменяют отношений участия в ООО и управления им. Следовательно, наследование доли в ООО как общего имущества супругов не может быть совершено при игнорировании положений законодательства об обществах с ограниченной ответственностью.

Вместе с тем сегодня нотариальная практика идет таким путем: при наличии в составе наследства в качестве общего имущества супругов доли в уставном капитале ООО нотариус выдает пережившему супругу свидетельство на долю пережившего супруга, включив в нее, например, $\frac{1}{2}$ доли в праве на долю в уставном капитале ООО. Соответственно, в состав наследства включается $\frac{1}{2}$ доли в праве на долю в уставном капитале ООО, о чем выдается свидетельство о праве на наследство.

Далее переживший супруг, действуя не как наследник, а на основании свидетельства на долю пережившего супруга, обращается к ООО с просьбой принять его в состав участников с соответствующим размером доли. Если сделать это запрещают положения устава или не было получено согласие остальных участников общества в случае, если это предусмотрено уставом, то общество выплачивает пережившему супругу действительную стоимость части доли в уставном капитале ООО.

Однако, на мой взгляд, возникают вполне закономерные вопросы:

1) правомерно ли включение в состав наследственной массы только $\frac{1}{2}$ доли в уставном капитале ООО как «права участия», а не всей доли, так как у супруга нет «права участия», а есть только «имущественное право»;

2) почему свои требования о включении в состав ООО переживший супруг адресует обществу с ограниченной ответственностью;

3) на какие нормы права опирается такой порядок реализации прав пережившего супруга на долю в уставном капитале ООО?

Согласно пункту 8 статьи 21 Федерального закона от 8.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) доля в уставном капитале ООО умершего участника переходит к его наследникам. Из смысла и буквального прочтения этой нормы можно сделать вывод о том, что вся доля в уставном капитале ООО переходит к правопреемникам умершего участника общества. Очевидно, что Закон об ООО регламентирует порядок наследования именно корпоративной составляющей, то есть «права участия», но никак не затрагивает наследование доли как супружеского имущества.

Исходя из этого, уменьшение размера наследуемой наследниками доли в уставном капитале ООО как «права участия» на размер супружеской доли (которой в «праве участия» нет) недопустимо, а следовательно, не основано на нормах закона.

Место умершего супруга как участника ООО в полном объеме занимают его наследники, а это означает, что вопрос о «праве участия» пережившего супруга должны решать они, причем точно в таком же порядке, как если бы при жизни супруга — участника общества другой супруг претендовал на раздел доли в уставном капитале ООО в натуре.

Таким образом, вопрос передачи пережившему супругу части доли в уставном капитале ООО как «права участия» должен решаться наследниками умершего участника по правилам и с ограничениями, установленными статьей 21 Закона об ООО. Так, уставом общества может быть установлен запрет на передачу доли или части доли в уставном капитале ООО (абз. 2 п. 2 ст. 21 Закона об ООО). В этом случае компенсацию половины действительной стоимости доли в уставном капитале ООО будут выплачивать наследники как правопреемники доли участника общества. Если устав общества предусматривает необходимость получения согласия общества или его участников (п. 10 ст. 21 Закона об ООО), то такое согласие также должно быть получено. При неполучении указанных согласий пережившему супругу может быть только выплачена компенсация действительной стоимости части доли в уставном капитале ООО, приходящейся на долю пережившего супруга.

К слову, если переживший супруг также был участником этого или иного ООО, то логично предположить, что в состав наслед-

ственной массы должна быть включена $\frac{1}{2}$ (если иной размер не будет установлен судом) его доли в ООО как общего имущества супругов. А у наследников умершего супруга, соответственно, появляется право требования к пережившему супругу, аналогичное тому, что есть у пережившего супруга и было рассмотрено выше.

Вместе с тем при выдаче свидетельства о праве на наследство в составе наследственной массы нотариусы не указывают имущество, оформленное на имя пережившего супруга, что, на наш взгляд, не соответствует положениям пункта 2 статьи 34 СК РФ, согласно которым имущество является общим независимо от того, на имя кого из супругов приобретено имущество либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Представляется, что в интересах наследников имеет смысл путем прямого указания в норме права допустить включение в свидетельство о праве на наследство имущества, оформленного на имя пережившего супруга, предусмотрев соответствующие правила либо в ГК РФ, либо в Основах законодательства РФ о нотариате.

Кроме того, полагаем необходимым прямым образом урегулировать существующий пробел в части реализации прав пережившего супруга на долю в общем имуществе, если таким имуществом является доля в уставном капитале ООО и участником был наследодатель, а также права наследников супруга, не являющегося участником ООО, но доля в уставном капитале которого является общим имуществом супругов.

Требуется четкая регламентация того, что должно быть указано в свидетельстве о праве пережившего супруга на общее имущество, если наследуемым объектом является доля в уставном капитале ООО, чтобы не нарушать установленный корпоративным законодательством порядок наследования данного объекта.

3. Порядок выделения доли пережившего бывшего супруга на имущество, нажитое в браке с наследодателем и не разделенное при расторжении брака

Не всегда при расторжении брака супруги делят свое имущество, тем самым сохраняя на имущество, нажитое ими в браке, режим общей совместной собственности на период после прекращения брачных отношений. В случае смерти одного из бывших

супругов возникает проблема, связанная с тем, что действующее законодательство прямо не регулирует вопросы определения состава наследственной массы исходя из наличия в составе наследства общего имущества бывших супругов.

Как правило, в таких ситуациях нотариусом выбирается один из двух возможных путей преодоления этого пробела в законе. Первый вариант: наследников отправляют в суд за установлением состава наследственной массы. Второй вариант: все имущество включается в состав наследства в любом случае или в случае, если с момента расторжения брака прошло три года и более.

Вместе с тем оба варианта в предложенной ситуации не соответствуют действующему законодательству и приводят к усложнению порядка наследования и/или к нарушению прав лиц. Если первый вариант — это необоснованное направление наследников по долгому пути в суд, в том числе при отсутствии спора о праве или о размере долей, то второй вариант — частный случай грубого нарушения права собственности третьего лица (пережившего супруга). Придание особого значения трехлетнему сроку лишено какого-либо смысла, так как данный срок соответствует сроку исковой давности, установленному для раздела общего имущества после расторжения брака (п. 7 ст. 38 СК РФ). Однако начало его течения не связано с моментом расторжения брака, а в соответствии со статьей 200 ГК РФ начинается в момент, когда лицо узнало или должно было узнать о своем нарушенном праве. Кроме того, срок исковой давности применяется судом при заявлении об этом стороны в споре. Сказанное исключает возможность применения нотариусом таких сроков, так как нотариусы осуществляют свою деятельность в рамках бесспорной юрисдикции.

Представляется, что смерть одного из участников общей совместной собственности во всех случаях влечет трансформацию режима общности — с режима совместной на режим долевой собственности. Данный вывод следует из положений статьи 244 ГК РФ, согласно которой поступление имущества в собственность двух и более лиц влечет возникновение права общей долевой собственности.

Неизбежность возникновения общей долевой собственности при наследовании имущества, находящегося до смерти наследодателя в общей совместной собственности, следует из того, что смерть ее участника влечет правопреемство в имуществен-

ных отношениях. В силу закона это подразумевает замену режима совместной собственности (данный режим существует только в случаях, указанных в законе, при наличии специальных субъектов, когда смерть любого из них разрушает специальный субъектный состав) на режим долевой собственности. При этом одним из участников общей собственности продолжает оставаться переживший бывший супруг, а место второго участника занимает или занимают наследник или наследники (правопреемники). Положения наследственного права неизбежно приводят к появлению иного претендента (участника) на имущество наследодателя. А в ситуации с бывшим супругом, вероятнее всего, это будет некое третье лицо. Но даже если предположить, что переживший бывший супруг наследует все имущество по завещанию, он становится владельцем доли в праве, но не в качестве прежнего участника общей совместной собственности.

Такая логика является наиболее взвешенной и соответствующей характеру отношений общей совместной собственности. Согласно пункту 1 статьи 1179 ГК РФ после смерти любого члена крестьянского (фермерского) хозяйства наследство открывается и наследование осуществляется на общих основаниях с соблюдением при этом правил статей 253–255 и 257–259 ГК РФ. Данные нормы регламентируют порядок прекращения права общей совместной собственности в связи с разделом имущества.

Кроме того, прежние метания судебной и нотариальной практики в случаях смерти одного из участников общей совместной собственности на приватизированные жилые помещения привели к необходимости введения нормы права, прямо регулирующей отношения в случае смерти одного из участников общей совместной собственности на приватизированное жилое помещение. Федеральным законом от 26.11.2002 № 153-ФЗ в Закон РФ от 4.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» была введена статья 3.1, согласно которой в случае смерти одного из участников совместной собственности на жилое помещение, приватизированное до 31 мая 2001 года, определяются доли участников общей собственности на данное жилое помещение, в том числе доля умершего. При этом указанные доли участников общей собственности на данное помещение признаются равными.

Сказанное свидетельствует о том, что для всех прямо поименованных сегодня в законодательстве видов общей совместной

собственности имеется единообразное регулирование ситуации, связанной с «судьбой» общей совместной собственности в случае смерти одного из ее участников: смерть участника общей совместной собственности влечет ее прекращение.

Таким образом, считаю целесообразным вместо «распыления» данного правила закрепить его в качестве общего в ГК РФ для всех видов общей совместной собственности, что снимет все вопросы для нотариата при определении состава наследственной массы в ситуации открытия наследства у одного из бывших супругов — участника общей совместной собственности.

НАСЛЕДОВАНИЕ ДЕТЬМИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ, ЗАЧАТЫМИ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА

М.Л. Шелютто,
ведущий научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук

Благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям, включающим использование криоконсервированных гамет (половых клеток), тканей репродуктивных органов или эмбрионов, стало возможным зачатие ребенка после смерти его генетического родителя. В отдельных государствах (Германии, Канаде, Франции, Швеции) посмертная репродукция была запрещена, а в ряде государств — Бельгии, Великобритании, Голландии, Израиле, США — осуществляется легально. Все указанные технологии применяются теперь и в России.

Ключевое условие посмертной репродукции — согласие на нее лиц, предоставляющих свой генетический материал (сперму, яйцеклетки) для оплодотворения, — в российском законодательстве в настоящее время безусловно не предусмотрено.

Происхождение ребенка от умершего до его зачатия отца устанавливается в России в судебном порядке по модели, применяемой в случае рождения ребенка женщиной, не состоящей в браке (независимо от ее реального брачного статуса), на основании генетической связи между ребенком и его умершим родителем. Установление происхождения ребенка от умершей генетической матери в случае применения метода суррогатного материнства теоретически также возможно, хотя в России широко известными стали иные варианты установления материнства при этом методе вспомогательной репродукции: в случае рождения детей с использованием донорских яйцеклеток и спермы умершего мужчины на запись в качестве матери детей претендуют с переменным успехом

матери умерших. Согласие быть родителем зачатого посмертно ребенка, как и согласие на посмертную репродукцию, не требуется.

В зарубежных государствах, где установление происхождения детей, рожденных в результате вспомогательных репродуктивных технологий, уже тщательно урегулировано, запись умершего в качестве родителя ребенка в случае посмертного зачатия обусловлена, помимо согласия на посмертное использование генетического материала, письменным согласием быть родителем такого ребенка. В отсутствие письменного согласия намерение быть родителем ребенка может быть подтверждено иными убедительными доказательствами.

Поскольку зачатие связывается с началом беременности и во всех ситуациях завершается внутри материнского организма, действующее правило пункта 1 статьи 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которому наряду с гражданами, находящимися в живых в день открытия наследства, к наследованию как по закону, так и по завещанию могут призываться граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, не позволяет ребенку, зачатому посмертно и родившемуся живым после открытия наследства, наследовать ни по закону, ни по завещанию несмотря на установление его происхождения от наследодателя.

С одной стороны, интересам ребенка наследодателя отвечало бы и было бы справедливым предоставление ему возможности наследовать на равных с другими детьми наследодателя, с другой стороны, появление наследника через неопределенное время после открытия наследства способно подорвать стабильность права собственности, возникшего у наследников, и совершенных ими сделок с унаследованным имуществом.

К решению вопроса о предоставлении зачатым посмертно детям, происхождение которых от умершего установлено, права наследования имеются два подхода.

Один из них состоит в отрицании наследственных прав посмертно зачатых детей и отражается не только в российском наследственном праве, но и, например, в намного более разработанном в части правовых аспектов вспомогательной репродукции законодательстве Великобритании, где запись об отце в свидетельстве о рождении не предоставляет ребенку, зачатому после смерти его родителя, права наследования.

Противоположным образом вопрос решается с начала XXI века в части штатов США (в их числе Алабама, Делавер, Калифорния, Колорадо, Луизиана, Северная Дакота, Техас и др.). Согласно их законодательству, а равно Единообразному наследственному кодексу США происхождение посмертно зачатого ребенка от наследодателя, установленное в предусмотренном законом порядке, является необходимым, но не единственным условием предоставления такому ребенку права наследования.

Так, во Флориде возможность наследования предоставлена только тем посмертно зачатым детям, которые были назначены наследниками в завещании, а в Луизиане — детям, родители которых состояли в браке между собой. В последнем штате срок рождения посмертно зачатого ребенка в целях его призвания к наследованию ограничен тремя годами со дня смерти мужа матери ребенка, а заинтересованным наследникам предоставлено право оспорить отцовство в отношении посмертно зачатого ребенка в пределах одного года со дня его рождения.

Как наиболее продвинутый, современный в подходе к решению вопроса о возможности призвания к наследованию посмертно зачатых детей наследодателя благодаря внесенным в 2005 году изменениям характеризуется Наследственный кодекс Калифорнии. В нем в качестве условий наследования посмертно зачатым ребенком оговариваются:

- письменное согласие наследодателя на посмертное зачатие ребенка с использованием его генетического материала (которое может быть отозвано или изменено наследодателем также в письменной форме);

- ограничение срока зачатия (*in utero* — в утробе) двухлетним периодом со дня выдачи свидетельства о смерти или вынесения решения суда об установлении факта смерти, если оно предшествовало выдаче свидетельства;

- назначение наследодателем лица для осуществления контроля за использованием своего генетического материала;

- уведомление после открытия наследства таким лицом (заказным письмом с уведомлением о вручении) о наличии генетического материала наследодателя для целей посмертного зачатия. Уведомление должно быть направлено лицу, полномочному контролировать распределение имущества умершего или выплаты в связи с его смертью, не позднее четырех месяцев с даты выдачи свидетельства

о смерти или вынесения решения суда об установлении факта смерти, если оно предшествовало выдаче свидетельства.

Реализация ребенком права наследования в таких случаях гарантируется в Калифорнии тем, что после получения соответствующего уведомления лицо, уполномоченное контролировать распределение имущества умершего или социальные выплаты в связи с его смертью, не вправе распределять это имущество или производить такие выплаты до истечения двухлетнего периода (начало которого определяется указанным выше образом), за исключением случаев, когда рождение посмертно зачатого ребенка не повлияло бы на такие распределение и выплаты или получено письменное уведомление за личной подписью, а также подписанное свидетелем о том, что лицо не желает, чтобы его генетический материал был использован после его смерти для зачатия его ребенка. В этот период вопрос о распределении имущества умершего или получении социальных выплат в связи с его смертью может быть по требованию заинтересованного лица решен в судебном порядке при условии, что это не нанесет имущественного вреда посмертно зачатому ребенку умершего.

В 2008 году Единообразный наследственный кодекс США также был дополнен положениями, предусматривающими следующие условия наследования посмертно зачатым ребенком имущества наследодателя:

- 1) согласие на посмертное зачатие с намерением быть родителем ребенка;
- 2) зачатие не позднее 36 месяцев со дня смерти или рождение ребенка не позднее 45 месяцев после смерти.

Период продолжительностью 36 месяцев был определен, чтобы позволить пережившему супругу или партнеру оправиться от горя и принять осознанное решение об использовании вспомогательных репродуктивных технологий, а также исходя из вероятности неудачных попыток добиться беременности. Кроме того, такой срок соответствует сроку (три года со дня смерти или один год после распределения имущества), в течение которого наследник вправе истребовать неправомерно распределенное имущество или его стоимость. Альтернативный срок — срок рождения ребенка в пределах 45 месяцев со дня смерти — был установлен посредством добавления к 36-месячному периоду девяти месяцев, составляющих обычный срок беременности, для тех случаев, ког-

да отсутствует медицинская документация о точной дате зачатия (in utero).

Все эти меры, обеспечивающие баланс интересов ребенка, его второго родителя, наследников, кредиторов наследодателя, иных участников гражданского оборота: необходимость согласия генетического родителя на использование его генетического материала после его смерти и согласия быть родителем ребенка, который может родиться, назначения «контролера» за использованием генетического материала, уведомления о наличии генетического материала, установление предельного разумного (исходя из гуманных соображений) срока зачатия ребенка или его рождения, сохранение наследственного имущества в течение указанного срока, возможность оспаривания наследниками отцовства наследодателя в отношении ребенка в случае посмертной репродукции — заслуживают внимания и обсуждения.

Обусловить призывание к наследованию по российскому законодательству детей, зачатых после смерти наследодателя в результате вспомогательных репродуктивных технологий, во-первых, дачей наследодателем при жизни согласия на применение указанных технологий после его смерти и, во-вторых, их применением в течение шести месяцев со дня открытия наследства предлагается О.Ю. Малкиным. По его мнению, «предложенный срок соотносится со сроком принятия наследства и позволит исключить ситуации, когда необходимо будет осуществлять повторный раздел наследства, что имело бы место при рождении ребенка по истечении года, двух и более лет после открытия наследства».

Согласие наследодателя на посмертную репродукцию и ограничение срока зачатия ребенка, как было показано, признаются за рубежом необходимыми условиями призывания к наследованию его посмертно зачатых детей. Но для того, чтобы регулирование не разбалансировалось и не были нарушены интересы всех вовлеченных лиц, срок, ограничивающий период зачатия или время рождения ребенка-наследника, определяется более продуманно и гуманно, а также устанавливаются дополнительные правила, обеспечивающие определенность отношений и сохранение наследственного имущества.

Важно также определиться, стоит ли иметь в виду при призывании к наследованию только детей наследодателя, оставив по-прежнему за рамками круга его наследников всех прочих, помимо детей, родственников наследодателя, которые могли бы быть зача-

ты после его смерти: внуков, племянников, братьев и сестер и т.д. Очевидно, что согласие на использование вспомогательных репродуктивных технологий может быть испрошено только у лица, по инициативе которого они применяются.

Е.Ю. Петров полагает, что лица, зачатые и родившиеся живыми после открытия наследства, «вполне могут быть признаны наследниками по завещанию. Проблема бессрочной неопределенности появления наследника (отлагательное условие) имеет механизм решения, применяемый в ряде случаев немецким правом. Наследниками считаются наследники по закону. Рождение наследника по завещанию и принятие им наследства может рассматриваться в качестве отменительного условия».

Речь идет о предусмотренной в Германском Гражданском Уложении возможности назначения наследодателем последующего наследника, в том числе такого, который еще не зачат ко дню открытия наследства. Пока последующий наследник не родился (или не наступило иное событие, с которым завещатель связал призвание к наследованию последующего наследника), имущество наследуется первоначальным наследником, назначенным в завещании, а если первоначальный наследник в завещании не назначен, то первоначальными наследниками выступают наследники по закону. Первоначальные наследники ограничены в праве распоряжения унаследованным имуществом, а их затраты на содержание и сохранение наследства должны быть компенсированы последующим наследником. Назначение последующего наследника считается недействительным по истечении 30 лет со дня открытия наследства, если за это время последующий наследник не был призван к наследованию (это правило не касается случая назначения последующим наследником брата или сестры первоначального наследника, который может появиться на свет в будущем).

Таким образом, предложение Е.Ю. Петрова заключается в том, чтобы ввести в российское наследственное право немецкую конструкцию наследования первоначальным и последующим наследниками применительно к случаям назначения в завещании наследником ребенка, не зачатого ко дню открытия наследства; до его рождения наследственное имущество будет находиться в собственности первоначального наследника, назначенного в завещании, или наследника (наследников) по закону. Такая конструкция чревата неустойчивым положением первоначального наследника и ограничена только наследованием по завещанию.

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Б.А. Борзенко,
нотариус г. Волгограда

Проект федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)», предусматривающий введение в отечественную гражданскую правовую практику коллективных завещаний, на наш взгляд, недостаточно проработан с точки зрения юридической техники. Представляется, что совместное завещание супругов требует более серьезных изменений всей системы правового регулирования наследственных правоотношений. Тем более что указанные нововведения повлекут за собой серьезные социальные последствия.

Очевидно, что актуальность слома старой системы наследования в нашей стране не продиктована экономическими причинами хотя бы уже потому, что в России вовсе отсутствуют налоги на наследство. И любые иные материальные основания не просматриваются в качестве причин, по которым стоит обсуждать целесообразность новелл указанного законопроекта. Также сложно объяснить принимаемые законодательные изменения и социальными причинами: в основе норм о совместных завещаниях не лежит желание отрегулировать уже сложившиеся общественные отношения либо воспитать у населения некий полезный навык. Фактически есть только одно объяснение законодательной инициативы — либерализация традиционных отношений.

Прежде чем критиковать нововведение, целесообразно поинтересоваться мнением нотариусов по теме совместных завещаний. В журнале «Нотариальный вестник» за 2008 год опубликована статья помощника нотариуса Е.П. Путинцевой, которая отстаивала идею принятия отечественным законодательством совместных завещаний супругов, но попутно критикуя идею наследственного

договора. При этом единственный аргумент, приведенный автором, — это бóльшая диспозитивность германского права, предоставление гражданину большего набора способов распорядиться своим имуществом на случай смерти¹.

Вполне возможно, что с тех пор автор изменил свое мнение, однако в настоящее время, как в упомянутой статье, в качестве оправдания нуждаемости общества в институте коллективного завещания приводится всегда один и тот же пример: супруги находятся не в первом браке, имеют детей от предыдущих браков и желают оформить наследственное правопреемство таким образом, чтобы желаемые последствия наступили только после смерти их обоих. Складывается впечатление, что вся проблема заключается лишь в желании законодательно поспособствовать конкретному социальному меньшинству, которое характеризуется не только нахождением в повторном браке, но и большой степенью недоверия к партнеру.

Однако даже если и существует подобного рода проблема, то в ее основе практически всегда лежит известное правило об обязательной доле в наследстве, которое, безусловно, влияет на свободу волеизъявления. Само наличие обязательных наследников вносит значительную степень неопределенности в естественное желание спрогнозировать реальные последствия завещания. Но тогда очевидно, что проблему обязательных наследников следовало бы законодательно разрешать, изменяя нормы об обязательной доле. Совместное завещание супругов эту проблему решит не во всех случаях. А вот использование правового механизма совместного завещания может привести к неожиданным неблагоприятным последствиям.

Целесообразно обратиться к негативному опыту германских коллег, которые давно уже работают с конструкцией совместного завещания². Немецкие нотариусы настоятельно не рекомендуют своим клиентам выбирать такую форму завещания. Дело в том, что, если брак не был расторгнут на момент смерти первого из супругов либо завещание не было отменено, переживший супруг попадает в ситуацию, которую можно охарактеризовать термином

¹ Путинцева Е.П. Способы выражения последней воли наследодателя по законодательству РФ и ФРГ // Нотариальный вестник. 2008. № 1.

² По материалам делегации российских нотариусов в г. Мюнхене по приглашению Нотариальной палаты Федеральной земли Бавария. 1995 год.

«кабала». В качестве наглядного примера можно продемонстрировать реальную жизненную ситуацию молодой семейной пары, у которой родился ребенок-аутист. Находясь под воздействием психологической травмы, родители ребенка-инвалида поклялись его не бросить и даже составили на ребенка совместное завещание на все имущество. В Германии, к слову сказать, совместная собственность не является законным режимом имущественных отношений супругов. Классическое совместное завещание распространяется как на общее имущество супругов, так и на имущество каждого из них. Далее история этой семьи была такова: супруг очень скоро погиб в автокатастрофе, а молодая женщина получила пожизненное ограничение на распоряжение всем имуществом, какое только она имеет или приобретет в течение всей жизни. При этом переломить ситуацию с правовой точки зрения невозможно.

Институт совместного завещания супругов существует в Германии со времен Баварских уложений 1703 года. Долгое время совместные завещания были уникальным немецким явлением. Однако в настоящее время он применяется в некоторых штатах Соединенных Штатов Америки, а с недавних пор и на Украине. Здесь справедливо принять во внимание влияние на предмет настоящего обсуждения национальных особенностей. Тогда тем более становится непонятным, зачем вводить подобные изменения в России.

На наш взгляд, нотариуса, привыкшего в своей деятельности руководствоваться принципом «не навреди», новелла о коллективных завещаниях должна насторожить. И хотя в данном вопросе невозможно сейчас опереться на отечественную практику применения норм-новелл, целесообразно учесть негативный опыт зарубежных коллег. Однако история отечественного права позволяет все-таки задать риторические вопросы:

— почему Михаил Михайлович Сперанский, автор судебной реформы Александра II, ознакомившись со всеми известными на тот момент правовыми системами Европы, не выбрал для применения в России институт совместного завещания;

— почему Константин Петрович Победоносцев, чьи труды по сей день обнаруживаются в основе отечественной цивилистики, говорил, что России ближе французская система семейных и гражданских отношений, нежели германская;

— и наконец, почему древнеримские юристы, первыми детально разработавшие институт завещания, которое они называли

«Testamentum», считали, что в его основе лежит *mortis causa*, под которой они буквально понимали **личное отношение человека к своей собственной смерти**? То есть коллективное завещание — это и не завещание вовсе, если только мы не отходим от правила, что кауза является обязательной частью состава сделки?

Задав себе эти вопросы, необходимо еще раз внимательно взглянуть на законодательную инициативу по изменению устоявшихся веками правовых институтов на предмет целесообразности и положительной динамики развития наследственного права в России.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Б.А. Булаевский,
доцент кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Система законодательства о наследовании достаточно определена и стабильна, что во многом объясняется практически полной регламентацией наследственных отношений нормами раздела V части третьей «Наследственное право» Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Сколь-либо серьезные проблемы применения данных норм возникают не часто. Тем не менее их появление порождает мысли о совершенствовании законодательства о наследовании, поиске направлений оптимальной регламентации отношений, возникающих по поводу имущества умерших граждан.

Практика последних лет обозначила ряд таких проблем. Одни из них носят системный характер и во многом обусловлены проводимой в России реформой гражданского законодательства, «отлаживанием» права под новые правила. Другие проявились в рамках конкретных гражданских дел как следствие существования диаметрально противоположных правовых позиций (получивших подкрепление и в научных кругах). И даже геополитические процессы отразились на применении норм о наследовании (имеется в виду применение правил о наследовании в новых субъектах Российской Федерации).

Серьезные усилия по преодолению большинства из отмеченных проблем предприняты Верховным Судом Российской Федерации, подготовившим постановление Пленума от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», а также ряд иных постановлений по реализации отдельных норм гражданского законодательства (например, постановление Пленума Верховного

Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). В одном ряду с указанными постановлениями стоят и применяемые позиции упраздненного к настоящему времени Высшего Арбитражного Суда РФ (например, постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»).

Однако даже отдельные правовые позиции Верховного Суда РФ послужили поводом для противостояний (например, в части применения правил о направленном отказе), что потребовало «вмешательства» Конституционного Суда Российской Федерации. В итоге постановлением Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П абзац 1 пункта 1 статьи 1158 ГК РФ признан частично не соответствующим Конституции РФ. Впредь до внесения в ГК РФ необходимых изменений отказ от наследства в пользу других лиц в рамках наследственных правоотношений, возникших до 29 мая 2012 года, осуществляется в соответствии с официальным судебным толкованием данного законоположения, не исключающим право наследника отказаться от наследства в пользу лиц, не призванных к наследованию, но относящихся к очередям наследования по закону как в силу действующего правового регулирования (ст. 1142–1148 ГК РФ), так и в силу прежнего правового регулирования (ст. 532 ГК РСФСР)¹. Применительно к наследственным правоотношениям, возникшим после 29 мая 2012 года, сохраняет свое действие официальное судебное толкование, данное в пункте 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», распространяемое лишь на наследников, которые призваны к наследованию.

Разрешение данного вопроса в конечном счете зависит от понимания целей института наследования и должно быть ориентировано на оптимальное сочетание публичных и частных интересов (в том числе с учетом волеизъявления завещателя). Полагаем,

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1.07.1966 № 6 «О судебной практике по делам о наследовании».

что регулирование соответствующих отношений не должно быть одинаковым в рамках наследования по закону и наследования по завещанию. В отсутствие волеизъявления завещателя каких-либо ограничений для его наследников в части направленного отказа быть не должно. Что же касается определенно выраженной воли завещателя, то при ее наличии свобода направленного отказа должна быть ограничена возможностью отказа лишь в пользу призванных к наследованию наследников.

В рамках рассмотрения вопроса о направлениях и перспективах развития российского законодательства о наследовании нельзя не упомянуть и появившиеся сравнительно недавно законопроекты. Как известно, депутатами Государственной Думы О.В. Савченко и Р.С. Ильясовым был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в раздел V части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (№ 295719-6)¹, основная идея которого сводилась к введению в российский правовой порядок института наследственного договора. Не вступая в полемику относительно содержания законопроекта, полагаю возможным высказаться о потенциале предлагавшегося института, и прежде всего об определенности правового режима имущества, по поводу которого допустимо заключение так называемого наследственного договора, а также об определенности правового положения субъектов данного договора (которая в целом в связи с заключением договора несомненно выше, чем при завещательном распоряжении). При положительном решении публичной власти оба обстоятельства потребуют серьезной детализации в рамках правового регулирования (это и вопросы правовых последствий неисполнения подобных договоров в случае гибели имущества, и вопросы правопреемства, и целый ряд иных аспектов). Кроме того, представляется, что необходимо будет предложить такое регулирование, которое в присущей российскому правовому порядку заботе о социально уязвимых гражданах (прежде всего так называемом близком круге наследодателя из числа необходимых наследников) обеспечит охрану их интересов. Также можно предположить, что внезапительное распоряжение имуществом на случай смерти вполне может получить закрепление не только в специальных правилах о на-

¹ В настоящее время снят с рассмотрения Государственной Думой в связи с отзывом авторами.

следственном договоре, но и в нормах о некоторых иных сделках (например, в правилах о брачном договоре).

Помимо наследственного договора законодательные инициативы недавнего времени коснулись и института завещания.

В проекте федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенном 26 мая 2015 года депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, наряду с наследственным договором идет речь о совместных завещаниях супругов.

Идея разрешения вопроса с общим имуществом супругов не нова и давно требует определенности. Однако представляется, что не только институт завещания способен оказаться полезным. Вполне возможно, что и соглашения о разделе имущества между супругами при их жизни, не затрагивающие интересы их кредиторов, следовало бы особым образом учитывать в рамках наследственных отношений. В случае открытия наследства после лица, заключившего при жизни соглашение о разделе со своим супругом, ни бывший супруг, ни его потенциальные наследники по общему правилу не должны претендовать на такое имущество. И лишь в случае нового волеизъявления (например, в завещании, составленном после заключения соглашения о разделе наследства) положения соглашения о разделе имущества не должны применяться.

Считаю возможным также вести речь об одном точечном изменении законодательства о наследовании, ранее предлагавшемся на страницах специальной литературы¹. Речь идет о возможности закрепления в нашем законодательстве презумпции одновременности смерти.

Действующее правило о комориентах хотя и основывается на предположении, однако не содержит в себе презумпцию (хотя о существовании презумпции применительно к тождественным правилам об одновременной смерти в законодательстве советского периода заявлялось в специальной литературе²), поскольку имманентно присущее презумпциям «доказательство иного» при-

¹ См.: Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений: монография. М., 2013. С. 232.

² См., напр.: Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 183–184.

менительно к названному правилу закон не допускает. На наш взгляд, правило о комориентах вполне может быть преобразовано путем замены положенной в его основу неопровержимой конструкции на презумпцию¹. А решающим фактором замены должен служить критерий охраны интересов. Возможность охраны интересов отдельных лиц должна предопределять выбор механизма регулирования отношений. Конструкция презумпции в большей степени отвечает требованию справедливости, поскольку устраняет неравенство между отдельными участниками гражданских правоотношений. При ее введении заинтересованные лица получают возможность добиваться иного развития наследственных правоотношений. Искусственно созданное в законе неравенство представляется неэффективным и малопригодным средством для обеспечения имущественной независимости участников гражданского оборота.

Конкретное выражение правила с учетом конструкции презумпции можно предложить в следующей редакции пункта 2 статьи 1114 ГК РФ: «Пока не доказано иное, граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно. Такие граждане не наследуют друг после друга. При этом к наследованию призываются наследники каждого из них».

В литературе предлагается и другое решение подобных коллизий. Так, Ю.Б. Гонгало со ссылкой на нормы международного права и французское законодательство предлагает отдавать приоритет установлению точного времени смерти каждого из комориентов и, при наличии такой возможности, порядка смертей для целей наследственного правопреемства. Однако при невозможности установления этого порядка наследство каждого из умерших передается так, как если бы другой к нему не призывался². Данный подход заслуживает внимания, но, как представляется, он является более обременительным для участников гражданского оборота, чем режим применения презумпции одновременности смерти, по-

¹ Допустимость такого подхода косвенным образом подтверждается нормами международного права. См., например, статью 29 Кодекса международного частного права (Кодекса Бустаманте 1928 г.), в соответствии с которой «презумпция переживания одним лицом другого или одновременной смерти лиц при отсутствии доказательств регулируются личным законом умерших в отношении их наследств».

² См.: Гонгало Ю.Б. Юридические факты в наследственном праве России и Франции: Сравнительно-правовое исследование. М., 2010. С. 102.

сколько усложняется сам процесс вступления в наследство. Кроме того, предлагаемое решение не исключает ситуации, при которой все усилия по установлению времени смерти и порядка смертей окажутся тщетными.

Подводя итог, можно утверждать, что потенциал юридической мысли и опыт наших предшественников (представителей науки и практики) позволяют решить любые задачи, стоящие перед правом. Важно, чтобы при этом право не переставало быть определенным, чтобы не размывалась главная цель правового регулирования — оптимальное сочетание интересов участников правоотношений.

О ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И КОНТРОЛЕ СОДЕРЖАНИЯ ДОГОВОРОВ И ЗАВЕЩАНИЙ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ И НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ЮРИДИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА

И.Ю. Карлявин,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»,
кандидат юридических наук,
доцент

Контроль содержания договоров — правовой институт, возникший еще в древности. Базовым масштабom соразмерности прав и обязанностей участников договорных отношений испокон веков выступала добрая совесть (добросовестность) как осязаемое проявление божественной мудрости в гражданском обороте.

Принципы и правовые конструкции контроля содержания договора, выработанные наукой гражданского права, используются в различных сферах правоприменения. Речь идет о принципах свободы договора, добросовестности, недопустимости злоупотребления правом, а также о конструкциях, направленных на ограничение свободы договора и частной автономии (автономии воли), — *laesio enormis contra proferentem*. В правовой доктрине развитых зарубежных стран активно обсуждается проблема распространения контроля содержания договора на институты корпоративного, семейного и наследственного права.

Современный Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) в качестве основополагающего начала смело провозгласил принцип добросовестности как принцип осуществления гражданских прав. Этот принцип является общетраслевым, следова-

тельно, должен быть применим ко всем институтам гражданского права, в том числе и институтам наследственного права.

Принципы и правовые конструкции контроля содержания договора, по всей видимости, найдут применение в полном объеме в наследственном праве, в частности при составлении и толковании завещаний. Указанные принципы и правовые конструкции функциональны и могут быть рассмотрены как в совокупности (как системный механизм), так и отдельно.

В правовой доктрине западноевропейских стран не утихают споры по поводу понятия генеральных оговорок, их места в механизме правового регулирования и их значения для отдельных правовых институтов. Одной из наиболее примечательных проблем в правовой доктрине и практике Европейского суда и верховных судов стран — членов ЕС является проблема разрешения споров с применением основной отсылки, именуемой «добросовестность», — *Treu und Glauben*.

Категория добросовестности (*Treu und Glauben*) играет огромную роль в германском праве вообще и в гражданском праве в частности. Изучение добросовестности не просто как отвлеченного философско-правового явления, но и как реально действующего механизма не прекращается в германской правовой доктрине вот уже несколько сотен лет. Накоплен огромный теоретический и практический опыт в этой области правоотношений.

Одной в целом ряду правоприменительных конструкций, сформированных с применением добросовестности, является генеральная отсылка параграфа 307 «Контроль содержания» (*Inhaltskontrolle*) Германского Гражданского Уложения (ГГУ). Указанный параграф появился в гражданском кодексе Германии благодаря реформе обязательственного права начала 2000-х годов, удачно вписался в круг норм, регулирующих формирование общих условий сделок, а также в логику развития представлений о добросовестности, сложившуюся в дореформенный период в ГГУ, — параграфы 157, 242 и ряд других.

Генеральная оговорка параграфа 307 ГГУ содержит в себе как основополагающий принцип, так и генеральный масштаб контроля содержания договоров. Данный масштаб в той или иной мере согласуется с принципом добросовестности и одновременно предоставляет возможность, в частности для суда, обращать внимание на особенности конкретного договора и особый статус его участников. Цель данной нормы — гарантировать то, что в итоге ком-

промисс интересов сторон будет достигнут, несоизмеримый ущерб будет соизмерен, а значит, в большинстве случаев, если говорить о фактическом измерении ущерба, его можно не только соизмерить, но и вообще избежать.

Генеральная оговорка устанавливает и предполагает комплекс мер взвешивания (соизмерения), как бы набор гирек разного веса для весовщика. Главная идея, которая крепко сидит в сознании «весовщика», — постоянный поиск сравнительного подхода в сопоставлении общего договорного права и предложенной законодателем специальной конструкции масштаба контроля за содержанием договора. Положения параграфа 307 ГГУ на первый взгляд действительно сформулированы довольно жестко.

Сегодня при применении параграфа 307 ГГУ речь идет не о целенаправленном контроле, не о компетентном контроле и не о контроле над реализацией полномочий судей. В подавляющем большинстве случаев это не контроль содержания договоров, а фактически некий черновой проект контроля над действительностью условий сделки. По своей сути это не контроль содержания, а содержание контроля.

Масштаб, заложенный в параграфе 307 ГГУ, является масштабом соразмерности. В соответствии с пунктом 1 параграфа 307 ГГУ масштабом служит несоизмеримый ущерб, не согласующийся с требованиями добросовестности. Свою дальнейшую конкретизацию этот масштаб находит в пункте 2 параграфа 307 ГГУ. В подпункте 1 пункта 2 параграфа 307 ГГУ конкретизация происходит довольно своеобразно — через истолкование ссылки на имеющие существенное значение идеи законодательного регулирования. В итоге получается, что закон поднимает на уровень нормы права основные идеи и ценности законодательного регулирования. Другими словами, основополагающие идеи законодательного регулирования разъясняются в законе. Таким образом, основополагающие идеи законодательного регулирования становятся элементом масштаба контроля содержания договора. Этот излюбленный прием законотворческой техники, обеспечивающий взаимосвязь основополагающих (принципиальных) положений и нормативных установлений, был известен еще римским юристам и нашел яркое отражение в Законах XII таблиц.

Следующий этап в конкретизации пункта 1 параграфа 307 ГГУ относится к подпункту 2 пункта 2 этой нормы, где говорится о том,

что несоразмерность ущерба предполагается, если благодаря общим условиям существует опасность не достигнуть цели договора.

Самостоятельное значение в практике судов отводится предложению второму пункта 1 параграфа 307 ГГУ, где говорится о презумпции несоразмерного ущерба при неясно сформулированном общем условии договора. Как правило, суды отказывают в исках о признании общих условий неясными.

Наконец, параграф 307 ГГУ предлагает пусть острый (поскольку опирается в конечном счете на принципы, лежащие в основе законодательного регулирования), но и генеральный, или, как его еще называют, типичный, масштаб. Имеется в виду его применение в общем и целом как точки отсчета и возможности его конкретизации с помощью как параграфов 308 «Запреты оговорок с возможностью оценки» (*Klauselverbote mit Wertungsmöglichkeit*) и 309 «Запреты оговорок без возможности оценки» (*Klauselverbote ohne Wertungsmöglichkeit*) ГГУ (таких судебных решений множество), так и специальных норм права.

Таким образом, на примере параграфа 307 ГГУ мы видим реализацию принципа добросовестности как основополагающего элемента генерального масштаба контроля над общими условиями сделок.

Необходимо сделать важное замечание о том, что, во-первых, параграфом 307 ГГУ не исчерпывается система судебного контроля в германском праве, во-вторых, судебный контроль существенно ограничен в отношении содержания брачных договоров, практически неприменим к договорам о создании хозяйственных обществ и товариществ и в ряде других ситуаций. Конечно, особое место занимает проблема контроля содержания деривативов.

Вместе с тем в сфере наследования германское право только примеряется к применению полномасштабного контроля содержания договоров, делая акцент на традиционном толковании. Так, в параграфе 2084 ГГУ говорится, что если содержание завещательного распоряжения допускает различное толкование, то при наличии сомнения следует предпочесть такое толкование, при котором распоряжение может быть исполнено. При толковании завещаний германское право, по всей вероятности, придерживается положений параграфа 157 ГГУ, в котором говорится о том, что договоры следует толковать добросовестно, принимая во внимание обычаи делового оборота.

Контроль содержания договоров является в германском наследственном праве допустимым еще и потому, что право этой страны содержит понятие договора о наследовании (параграф 1941 ГГУ).

Российским юристам еще предстоит осмыслить как международный опыт, собственные традиции, так и применение принципа свободы договора в совокупности с принципами справедливости и добросовестности в наследственном праве и правоприменительной практике.

Вместе с тем нужно сказать, что механизм контроля содержания, в частности завещаний, в российском праве существует. Так, в статье 1119 ГК РФ говорится о свободе завещания, в качестве пределов этой свободы указывается на правила об обязательной доле (ст. 1149 ГК РФ). Другим инструментом контроля содержания завещания являются положения статьи 1132 «Толкование завещания» ГК РФ. В этой норме определен субъектный состав тех, чье толкование завещания имеет правовое значение, а также последовательность и цель такого толкования: «В случае неясности буквального смысла какого-либо положения завещания он устанавливается путем сопоставления этого положения с другими положениями и смыслом завещания в целом. При этом должно быть обеспечено наиболее полное осуществление предполагаемой воли завещателя» (ч. 2 ст. 1132 ГК РФ).

Возникает вопрос: применяются ли к толкованию завещания общие положения о толковании договоров (ст. 431 ГК РФ), а также принцип добросовестности как некие справедливые весы, способные уравновесить истинную волю завещателя и интересы наследников, и обычаи, существующие в обществе?

Сопоставляя положения статей 431 и 1132 ГК РФ, мы видим, что в обоих случаях толкование принимает во внимание буквальное значение слов и выражений, затем значение слов и выражений сопоставляется с общим смыслом договора или завещания. При этом толкование завещания ставит целью поиск истинной воли завещателя, толкование договора — истинной воли сторон. При толковании завещания по понятным причинам не принимается во внимание предшествовавшее и последующее поведение сторон. Не принимаются во внимание обычаи. О добросовестности в обеих статьях ничего не говорится.

Сделаем промежуточный вывод и одновременно сузим спектр исследования: толкование договора или завещания есть один из механизмов контроля содержания волеизъявлений, имеющих юри-

дическое значение. В поисках инструментария, необходимого для рассмотрения интересующих нас положений, обратимся к юридической герменевтике. Мы намеренно прибегаем к этому приему, поскольку гражданское законодательство России за последние 100 лет менялось неоднократно. Вместе со сменой общественно-экономических формаций менялись менталитет людей, их язык, нравы и обычаи. Все это не могло не отразиться на законодательных актах.

По своей природе герменевтика — наука толкования речей (диалогов) юристов и текстов законов. В повседневной жизни, не ведая того, мы постоянно прибегаем к герменевтике при анализе поступившей к нам разного рода речевой информации, будь то информация из сферы торговли, семейных отношений, политики и т.д. Как правило, мы справляемся с этой задачей безошибочно благодаря многократному повторению упражнений в нашей повседневной жизни. Однако надо отдавать себе отчет в том, что слово само по себе не является носителем духа и приобретает содержание и значение благодаря процессу его отражения в виде определенных письменных знаков, которые и имеют первостепенное значение, поскольку применяются определенными лицами как средство выражения существующих понятий и чувств. С помощью этих письменных знаков происходит взаимосвязь того, чем наполнено само слово, и того, что существует в природе.

Под герменевтикой в научном смысле следует понимать научное представление о правилах толкования как о системе знаний методик толкования. При этом определяющую роль играет язык как инструментальный выражения мысли. Таким образом, по мнению ряда немецких исследователей, через слово и язык внешний разум контактирует с внутренним мыслительным миром человека. Следует различать общую и специальную герменевтику. Общая вбирает и взаимоувязывает составные части, сформированные на основе философской грамматики, логики и в особенности диалектики. Специальная герменевтика опирается на фактически существующие основы и особенности языка. Герменевтику можно рассматривать как основополагающий принцип, в соответствии с которым толкование речевых памятников ставит целью наиболее адекватно отражать мысли их авторов. Герменевтика не ограничивается предположениями, а стремится к наиболее точному постижению смысла сказанного (написанного) исходя из краткого тезиса: *wir reden wie wir denken* (мы говорим, как мы думаем), а значит,

каждый говорящий говорит или пишет в соответствии с общими законами мышления.

Одним из принципиальных подходов герменевтики является понятийно-историческое начало от логического мира Аристотеля до мистического мироощущения Гомера. При этом герменевтика всякий раз подчеркивает, что в человеческих взаимоотношениях предполагается как языковое понимание, так и взаимопонимание. Важно отличать герменевтику от аналитики. Они различаются на уровне различий между семантикой и прагматикой.

Характерной чертой современной герменевтики является то, что это есть методика обобщенного взгляда на мир как на понятийную систему. Задачей толкования в смысле современного герменевтического подхода является интерпретация как искусство соизмерительного восприятия и понимания того, что зафиксировано, и того, что отражает ход жизни. При этом внешнее выражение жизни может восприниматься в довольно широком охвате. Под искусством соизмерительного понимания нужно рассматривать правила взаимосвязанного понимания и деятельность, направленную на понимание.

Если говорить о контроле содержания договоров как о некоторой гарантии соразмерности прав и обязанностей сторон, ненарушения принципа свободы договора и частной автономии, то российское право обладает собственными традициями толкования. Так, том X Свода законов Российской империи (СЗРИ) предлагал свою систему координат. Основопологающими элементами этой системы в договорном праве являлись, на наш взгляд, статьи 1528, 1529, 1536 и 1539 СЗРИ. Ключевыми категориями выступали благочиние, лихоимство, добрая совесть. Заметим, что данная система сложилась до принятия ГГУ.

В российском праве определение внешних границ, за которыми простирается императивное усмотрение, контроль содержания договоров предполагает в большей степени внутренний контроль как возможность сторон договора или завещателя самостоятельно определиться с содержанием волеизъявления.

Наибольшую смысловую нагрузку с точки зрения контроля содержания договоров несет статья 1539 СЗРИ. В отличие от параграфа 307 ГГУ в норме отсутствует санкция. Однако контроль содержания договора со стороны государства предполагается в случае недостижения сторонами соглашения. В структуре нормы выделяется пять возможных вариантов поведения сторон при

неясности содержания договора. Норма может рассматриваться и как отсылочная, поскольку речь идет о содержании договора как определенном объеме прав и обязанностей и отсылке (привязке) к правилам доброй совести. Это видно из первого предложения статьи 1539 СЗРИ: если словесный смысл (условий договора) представляет важные сомнения, тогда договоры должны быть изъяснены по намерениям их (сторон договора) и доброй совести. Это применимо и к завещаниям.

Время появления тома X СЗРИ и, соответственно, статьи 1539, а также сходных смысловых нитей наталкивало некоторых русских исследователей на мысль о заимствовании из Французского гражданского кодекса. Так, В.И. Синайский с долей сарказма замечает, что «правила толкования договоров заимствованы из французского законодательства, проникнуты страхом перед свободным толкованием сделки». Сегодня нельзя согласиться с ученым безоговорочно, нужно учитывать то время, когда он, возможно, вынужден был допустить такое высказывание.

Действительно, как и Французский гражданский кодекс, СЗРИ акцентирует свое внимание на толковании слов договора, но это не дань зарубежной традиции, а, скорее, дань уважения к договору как к закону, писанному для участников договорного правоотношения. А.М. Гуляев по этому поводу отмечает, что «договор по отношению к договаривающимся сторонам имеет силу закона», как и закон, он должен исполняться беспристрастно, несмотря на лица и невзирая на чьи-либо требования и предложения.

В отличие от французского законодательства российское право использует категорию «добрая совесть», очевидно понимая всю содержательную нагрузку, которую несет в себе добросовестность. Под добросовестностью в этот период понимают праводушие, честность, правдивость, строгую богобоязненность в поступках. При этом если честность и правдивость как квалифицирующие признаки добросовестности можно встретить и в трудах зарубежных авторов, то такие качества, как праводушие и строгая богобоязненность в поступках, наиболее ярко выражены в русском правосознании.

Добрая совесть как сфера, очерченная нравственностью, вырабатывает в сознании российского законодателя некий вектор отношений между участниками гражданского оборота. Принцип добросовестности реализуется через языковую (письменную) форму, через оформление пунктов договора. Именно поэтому перво-

степенное внимание предлагается уделить смыслу слов в тексте договора. Слова, в свою очередь, подразделяются в соответствии со своим значением. Они могут относиться к определению предмета договора, могут быть обычно употребляемыми в договорах. Не допускается словесная неопределенность предмета договора. Обычно употребляемые слова могут быть выпущены, а их смысл — легко восполнен (п. 1 и 2 ст. 1539 СЗРИ). На наш взгляд, обычно употребляемые слова не всегда являются бессмысленными и ненужными. Однако их значение восполняется правилами, сложившимися в результате многократного повторения в сфере определенных гражданских правоотношений, так что эти правила при заключении и исполнении договора считаются известными его участникам. Это и есть в понимании российского законодателя тот момент, когда возможно принимать во внимание правила гражданского оборота. Иначе говоря, эти правила не должны касаться сущности (предмета) договора.

Если, опираясь на представления о правовой цели, векторе отношений, определяемом добросовестностью, понимание слов и выражений договора, не удастся внести ясность в важные (сущностные) условия договора, тогда предлагается обратить внимание на ясно изложенные положения договора и сопоставить их с целью договора вообще (п. 3 ст. 1539 СЗРИ).

Если из сущностного и системного толкования слов, выражений, пунктов договора нет возможности прояснить предмет договора в полном объеме, тогда позволительно обратиться к аналогии закона и обычаям гражданского оборота (п. 4 ст. 1539 СЗРИ). На наш взгляд, налицо разумное и уместное применение обычая с целью сохранения договорных правоотношений.

Изложение статьи 1539 СЗРИ заканчивается логически верным положением, завершающим ступени толкования договора, а также близко стоящим к пониманию контроля содержания договора. Вновь обратим внимание на приоритет в этом деле соизмерения интересов сторон усмотрению сторон договора. При условии «равного с обеих сторон недоумения» на первое место ставятся интересы должника, поскольку предполагается, что кредитору также нужно быть в большей мере осмотрительным и «определить предмет обязательства с большей точностью» (п. 5 ст. 1539 СЗРИ). Другими словами, законодатель при указанных обстоятельствах выступал в защиту слабой стороны в договоре.

Замечательно, что в проекте обязательственного права, внесенном 14 октября 1913 года в Государственную Думу, отечественный законодатель предложил довольно стройную и вполне конкурентоспособную систему контроля содержания договоров, в центре которой предполагалось расположить нормы о толковании договоров (п. 72–77 проекта) с отсылкой к добросовестности как само собой разумеющейся.

Традиции, сложившиеся в русском гражданском праве, позволяют утвердительно ответить на вопрос о возможности применения принципа добросовестности при толковании дарственных (договоров дарения) и завещаний. Например, А. Думашевский аргументирует применение положений статей 1536–1539 тома X СЗРИ тем, что не должны исполняться несправедливые завещательные распоряжения, в частности, когда из завещания вытекает обязанность наследника продать все завещанное ему имение и передать все деньги третьему лицу.

Вместе с тем, принимая во внимание различную природу завещаний и других по преимуществу двусторонних сделок, дореволюционная правовая доктрина России выступала за внимательное отношение к очевидным различиям в толковании завещаний как односторонних и иных (двух- и многосторонних) сделок.

ПРОБЛЕМЫ ФАКТИЧЕСКОГО ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДСТВА И ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Е.В. Смиренская,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РАНХиГС при Президенте РФ (Волгоградский филиал),
председатель Научно-консультативного совета
Нотариальной палаты Волгоградской области,
кандидат юридических наук, доцент

В соответствии с частью 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации гарантируется право наследования, которое обеспечивает переход имущества наследодателя к его наследникам в порядке универсального правопреемства. Наследник считается собственником наследственного имущества, носителем имущественных прав и обязанностей независимо от времени и способа его принятия. При этом действует презумпция, пока не доказано обратное, что наследник принял наследство, если он совершил фактические и юридические действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства. Однако при реализации данного права возникает множество проблем. Не только сами наследники, но и правоприменители постоянно сталкиваются с вопросами фактического принятия наследства, на которые не всегда просто ответить однозначно.

К сожалению, в проекте федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» ничего фактическому принятию наследства не посвящено. Авторы законопроекта обошли этот вопрос вниманием, посчитали, что здесь не требуется каких-либо изменений или дополнений. При этом многих нотариусов и судей эта тема очень волнует. В судебной и нотариальной практике

фактическому принятию наследства уделяется особое внимание. Вопрос действительно очень серьезный и требует разработки направлений и перспектив развития российского законодательства о наследовании.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1152 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) для приобретения наследства наследник должен его принять. Способы принятия наследства четко определены законодателем. Статья 1153 ГК РФ закрепляет два порядка принятия наследства, и лишь пункт 2 данной нормы устанавливает фактическое принятие наследства как способ принятия. При этом согласно статье 1157 ГК РФ, если наследник совершил действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ), суд может по заявлению этого наследника признать его отказавшимся от наследства и по истечении установленного для отказа от наследства срока, если найдет причины пропуска этого срока уважительными. Больше ни одной нормы, посвященной фактическому принятию наследства, нет. И даже постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее — постановление № 9), которое достаточно подробно раскрывает множество вопросов наследственного права, фактическому принятию наследства посвящает всего два пункта — 36 и 37. Однако чем меньше норм, тем больше проблем в правоприменительной практике.

Первая проблема связана с соотношением двух способов принятия наследства между собой. Если мы обратим внимание на буквальное толкование статьи 1153 ГК РФ, то увидим, что законодатель устанавливает два равнозначных способа принятия наследства: юридический и фактический (формальный и неформальный, формальный и фактический, юрисдикционный и неюрисдикционный, прямой и косвенный и т.д.)¹. При этом следует отметить, что, несмотря на все законодательные преимущества юридического оформления наследственных прав, достаточно часто встречается ситуация, когда «наследники, фактически принявшие наследство,

¹ В литературе способы принятия наследства называются по-разному, но суть одна. См.: Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. М., 1953. С. 168; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный). 4-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. Н.И. Марышева, К.Б. Ярошенко. М., 2014; и др.

считают себя собственниками и не торопятся оформить права на наследство»¹ путем обращения к нотариусу.

Причины могут быть разные: нет денежных средств для оформления наследственных прав, нет времени обратиться к уполномоченному лицу, а иногда просто нет желания. А действительно — зачем? Ведь законодательно оба способа принятия наследства приравниваются по своим правовым последствиям. Соответственно, при фактическом принятии наследства также возникает право собственности, то есть этот способ приравнивается по своим правовым последствиям к тому самому формальному способу — путем подачи заявления нотариусу о принятии наследства или о выдаче свидетельства о наследстве. Следовательно, наследник получает право выбора, как ему принимать наследство: формальным или фактическим способом. При этом обязанности для наследников нотариально оформлять свои наследственные права не установлено. А значит, сам наследник должен понимать и для себя решить, обращаться ли своевременно к нотариусу, если совершение действий, свидетельствующих о принятии наследства, влечет те же последствия, что и само обращение. Как нам представляется, такой выбор не должен ложиться на плечи самих наследников, должна проследиваться взаимообусловленность этих способов, поскольку из этого вытекает вторая проблема.

С одной стороны, наследники вправе выбирать способ принятия, с другой — у тех, кто выразил свое волеизъявление путем подачи заявления, всегда будет юридическое преимущество перед фактическим наследником, который должен еще доказать свое право наследования. К сожалению, из буквального толкования статьи 1153 ГК РФ этих преимуществ не усматривается. Однако системное толкование норм наследственного права свидетельствует именно об этом. А значит, фактический способ принятия наследства должен рассматриваться как исключение из общего правила формального принятия наследства в тех случаях, когда это необходимо, когда действительно в силу каких-либо обстоятельств лицо не смогло своевременно обратиться к нотариусу или к иному уполномоченному лицу с соответствующим заявлением.

Необходимо учитывать, что законодателем даются различные возможности и варианты обращения с таким заявлением: это возможно сделать через представителя (по доверенности) соб-

¹ Баянов С. Риски фактического принятия наследства // ЭЖ-ЮРИСТ. 2015. № 10.

ственно там, где наследник проживает, и направить заявление через любого нотариуса. Поэтому стоит не согласиться с пояснительной запиской к проекту федерального закона № 801269-6 в том, что проект преследует цель упрощения процедур принятия наследства, не уделяя при этом внимания такому способу, как фактическое принятие наследства. В действующем законодательстве процедура формального принятия наследства достаточно понятна, прозрачна и проста. Сложности возникают именно при фактическом принятии наследства, особенно если при этом есть наследники, которые своевременно заявили о своих правах нотариусу. На наш взгляд, чтобы разрешить данную проблему, необходимо в качестве императивной нормы установить единственный формальный способ принятия наследства, а презумпцию о фактическом принятии наследства рассматривать как исключение из общего правила, предусмотренного законом, при наличии указанных в законе обстоятельств.

Еще одна проблема возникает при оформлении наследственных прав. При наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент (ст. 1110 ГК РФ). Возникают ситуации, когда требуется доказать свое право собственности как наследника. Конечно, гражданин может обратиться к нотариусу и по истечении срока для принятия наследства, однако в этом случае ему необходимо подтвердить факт принятия наследства.

В состав наследственного имущества могут входить различные объекты гражданского права: вещи (движимые и недвижимые), предметы домашнего обихода, начисленные, но не полученные наследодателем денежные средства, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности, не имеющие рыночной ценности вещи «на память» и т.д. При этом наследники понимают, что они вынуждены оформлять наследство только тогда, когда оно требует специальной регистрации — например, государственной регистрации при оформлении перехода права собственности на недвижимое имущество. И если наследники не оформят это имущество сразу, то потом все равно придется это делать. Однако если речь идет о движимом имуществе, то наследники вообще не задумываются об оформлении наследственных прав. И в некоторых случаях они даже не считают необходимым оформлять это имущество. А зачем? Наследник просто забрал движимое имущество, пе-

ренес к себе в жилое помещение и тем самым стал собственником наследственного имущества. И тогда возникает вопрос доказывания факта принятия наследства.

Пункт 35 постановления № 9 указывает, что принятие наследником по закону какого-либо не завещанного имущества из состава наследства или его части (квартиры, автомобиля, акций, предметов домашнего обихода и т.д.), а наследником по завещанию — какого-либо завещанного ему имущества (или его части) означает принятие всего причитающегося наследнику по соответствующему основанию наследства, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, включая и то, которое будет обнаружено после принятия наследства. Совершение действий, направленных на принятие наследства, в отношении наследственного имущества, данному наследнику не предназначенного (например, наследником по завещанию, не призываемым к наследованию по закону, в отношении не завещанной части наследственного имущества), не означает принятия причитающегося ему наследства и не ведет к возникновению у такого лица права на наследование указанного имущества.

Фактическое вступление во владение хотя бы частью наследственного имущества рассматривается как фактическое принятие всего наследственного имущества, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось. Это означает, в частности, и принятие на себя долговых обязательств наследодателя.

Под совершением наследником действий, свидетельствующих о фактическом принятии наследства, Пленум Верховного Суда РФ (п. 36 постановления № 9) предлагает понимать совершение предусмотренных пунктом 2 статьи 1153 ГК РФ действий, а также иных действий по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии, в которых проявляется отношение наследника к наследству как к собственному имуществу.

В качестве таких действий, в частности, могут выступать: вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания), обработка наследником земельного участка, подача в суд заявления о защите своих наследственных прав, обращение с требованием о проведении описи имущества наследодателя, оплата коммунальных услуг, страховых платежей, возмещение

за счет наследственного имущества расходов, предусмотренных статьей 1174 ГК РФ, иные действия по владению, пользованию и распоряжению наследственным имуществом. При этом такие действия могут быть совершены как самим наследником, так и по его поручению другими лицами. Указанные действия должны быть совершены в течение срока принятия наследства, установленного статьей 1154 ГК РФ.

В целях подтверждения фактического принятия наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ) наследником могут быть представлены, в частности, справка о проживании совместно с наследодателем, квитанция об уплате налога, о внесении платы за жилое помещение и коммунальные услуги, сберегательная книжка на имя наследодателя, паспорт транспортного средства, принадлежавшего наследодателю, договор подряда на проведение ремонтных работ и другие подобные документы.

Следует обратить внимание, что наличие совместного с наследодателем права общей собственности на имущество, доля в праве на которое входит в состав наследства, само по себе не свидетельствует о фактическом принятии наследства. Получение лицом компенсации на оплату ритуальных услуг и социального пособия на погребение также не свидетельствует о фактическом принятии наследства.

Совместное проживание наследника с наследодателем означает фактическое принятие им наследства, даже если такое жилое помещение не является собственностью наследодателя и не входит в состав наследства (например, неприватизированная квартира). Предполагается (пока не доказано иное), что в квартире имеется имущество (например, предметы домашней обстановки и обихода), которое находилось в общем пользовании наследодателя и совместно проживающего с ним наследника и в какой-то части принадлежало наследодателю.

Таким образом, фактическое принятие наследства — это не один юридический факт совместного проживания с наследодателем на момент его смерти. Это совокупность юридических фактов, свидетельствующих о волеизъявлении наследника на принятие наследства.

Нотариус принимает все доказательства фактического принятия наследства только при отсутствии спора о праве, в том числе при согласии других наследников. Нотариус должен произвести оценку бесспорности каждого доказательства, в том числе с уче-

том требований правил процессуального законодательства об относимости и допустимости доказательств. Наследникам в случае отказа нотариуса в оформлении наследственных прав предоставляется право обратиться в суд с требованием об установлении факта принятия наследства или с исковым заявлением о принятии наследства.

Следовательно, Пленум Верховного Суда РФ допускает, что фактическое принятие наследства может подтверждаться как в судебном, так и во внесудебном (нотариальном) порядке. Значит, наследник, фактически принявший наследство, может обратиться к нотариусу с доказательствами такого фактического принятия. А вот если у него отсутствуют такие доказательства, тогда он должен пойти в суд для установления факта принятия наследства.

Кстати, аналогичным образом Пленум Верховного Суда РФ (п. 37 постановления № 9) разъясняет права наследника, совершившего действия, которые могут свидетельствовать о принятии наследства (например, проживание совместно с наследодателем, уплата долгов наследодателя), не для приобретения наследства, а в иных целях. Наследник вправе доказывать отсутствие у него намерения принять наследство, в том числе и по истечении срока принятия наследства, представив нотариусу соответствующие доказательства либо обратившись в суд с заявлением об установлении факта непринятия наследства. Факт непринятия наследником наследства может быть установлен после его смерти по заявлению заинтересованных лиц (иных наследников, принявших наследство).

Как нам представляется, в процессе доказывания фактов принятия или непринятия наследства необходимо четко разграничивать полномочия нотариата и суда. Нотариат — это превентивное правосудие. На нотариусов нельзя возлагать такую несвойственную функцию, как оценка доказательств. Для нотариуса главное — подлинность (отсутствие формальных дефектов) тех справок, документов и т.п., которые наследник принесет, доказывая, что он совершил действия по принятию или, наоборот, непринятию наследства. Нотариусы не должны выполнять полномочия, возложенные на судебные органы. Если нотариус сомневается в представленных доказательствах или есть лица (другие наследники, кредиторы), чьи права могут быть нарушены таким нотариальным действием, он должен отказаться от оформления наследственных прав. Нотариат призван помогать судебной системе, но не

усложнять процесс защиты наследственных прав. Оценка доказательств лежит в основном именно на судебной системе, суд вправе принять решение по существу заявленного требования в зависимости от того, чьи доказательства оказались более достоверными и аргументированными (относимыми и допустимыми). Нотариус должен действовать только в сфере бесспорной юрисдикции, его решение не может носить субъективный характер: доказал или не доказал данный гражданин соответствующее право конкретному нотариусу. Совершение нотариальных действий в связи с признанием наследника принявшим (не принявшим) наследство не должно порождать никаких гражданско-правовых споров.

Таким образом, фактическое принятие наследства как исключительный способ принятия должно обладать признаками бесспорной совокупности доказательств совершения фактических и юридических действий в отношении наследственного имущества, которые носят объективный характер и очевидны не только для самого наследника, но и для всех третьих лиц (нотариуса, других наследников, кредиторов и т.д.).

По нашему мнению, развитие российского наследственного законодательства, безусловно, требуется, но, конечно, не такое кардинальное, как это предлагается сейчас. Действительно, есть нормы, на которые следует обратить внимание, которые требуют изменения и дополнения, может быть, расширения толкования. Есть необходимость в урегулировании целого ряда вопросов, в том числе в связи с принятием наследства в виде новых объектов гражданских прав. Поэтому реформировать наследственное право необходимо, ведь, как сказал классик Н.А. Островский: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее».

О ТРУДНОСТЯХ НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ РАЗЛИЧИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДОВАНИИ РОССИИ И УКРАИНЫ

**О.О. Скуратова,
нотариус г. Севастополя**

Законодательству Украины известны совместные завешания супругов, и мы, нотариусы Республики Крым и города Севастополя, успели столкнуться с такими завешаниями и имеем негативный опыт работы с ними, убеждая своих клиентов не составлять таковых.

Жизнь течет и меняется, никто не знает, сколько отпущено лет кому прожить после ухода супруга из жизни, меняется благосостояние человека. И супруг, составивший завешание, казалось бы, имеет имущество, но не может им распорядиться. Бывает, он поставлен в такие рамки, что ему необходимы какие-то средства, практически остается без средств к существованию и не может распорядиться своим имуществом, чтобы устроить каким-то образом свою жизнь. Это не очень хорошая тенденция, поэтому я считаю, что это не очень хороший институт, и я в том числе являюсь его противником.

Это также является проблемой в городе Севастополе и Крыму, потому что у нас существуют такие завешания, по которым уже открылось наследство и второй из супругов сейчас хотел бы его отменить. Но поскольку в Российской Федерации на сегодня нет института завешания супругов, приходится обращаться в суд. Пока судебной практики еще нет, я надеюсь, что она защитит пережившего супруга и учтет все моменты. Я думаю, в этом плане со мной согласятся нотариусы Севастополя и Республики Крым.

Существует и множество других проблем. Например, наследственные дела, которые были открыты до присоединения Севастополя и Республики Крым к Российской Федерации.

В законодательстве Российской Федерации племянники и внуки призываются к наследованию только по праву представления. Когда мы работали по законодательству Украины, внуки и племянники могли наследовать не только по праву представления, они относились к пятой очереди наследования и в их пользу могли отказаться наследники первой очереди, что они благополучно и делали до 21 марта 2014 года. Сейчас мы имеем в производстве дела, в которых существуют такие направленные отказы, и мы не имеем возможности выдать свидетельство о праве на наследство, так как по законодательству Российской Федерации они не являются наследниками.

Кроме того, по Гражданскому кодексу Украины к четвертой очереди наследования относятся лица, которые проживали с наследодателем одной семьей не менее пяти лет до открытия наследства. Факт проживания одной семьей подтверждается решением суда, вступившим в законную силу. Есть наследственные дела, по которым поданы заявления о принятии наследства такими лицами, это также является проблемой, потому что не представляется возможным выдать свидетельство о праве на наследство. А в соответствии со статьей 1145 Гражданского кодекса Российской Федерации наследниками седьмой очереди являются пасынок, падчерица, отчим, мачеха, которые не являлись наследниками до присоединения Крыма и Севастополя к Российской Федерации. Есть даже один случай, когда мачеха подала заявление о принятии наследства, а ей отказали. Как быть сейчас? Свидетельство о праве на наследство ей до сих пор не выдано.

Согласно статье 1268 Гражданского кодекса Украины малолетние, несовершеннолетние, недееспособные и ограниченно дееспособные граждане считались принявшими наследство независимо от подачи соответствующего заявления в установленный законом срок. А как быть сегодня с такими лицами? Ведь наследство принадлежит наследнику с момента открытия наследства.

Но я думаю, что это только малая доля проблем, с которыми мы сталкиваемся и будем еще сталкиваться, и нужно думать, как их совместно решать. Мы будем очень благодарны за практическую помощь!

**Направления и перспективы
развития российского
законодательства о наследовании**
Материалы научно-практической конференции

Москва. 1 октября 2015 года

Главный редактор

Е.Б. Ефремова

Редактор-составитель

Е.А. Чефранова

Корректор

М.Д. Киранова

Верстка

Д.А. Зотов

Подписано в печать 16.12.2015. Формат 60×90/16.

Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Фонд развития правовой культуры
127006 Москва, ул. Долгоруковская, д. 15, стр. 4–5.

Тел./факс: (495) 981-43-99

E-mail: frpk@notariat.ru

Отпечатано в ООО «АС-Тим»
125367 Москва, Полесский пр., д. 16
Тел.: +7 (495) 609-69-88